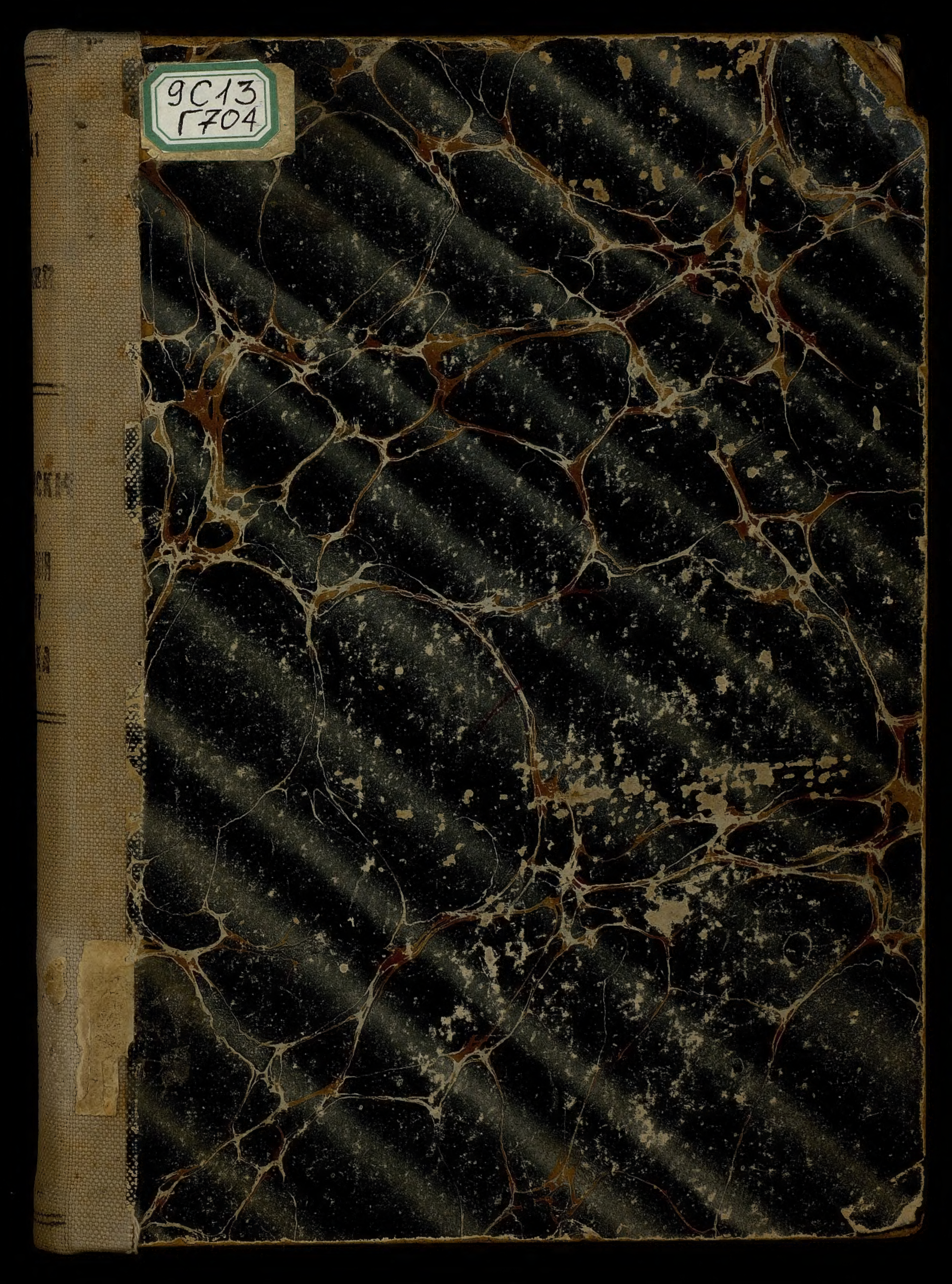
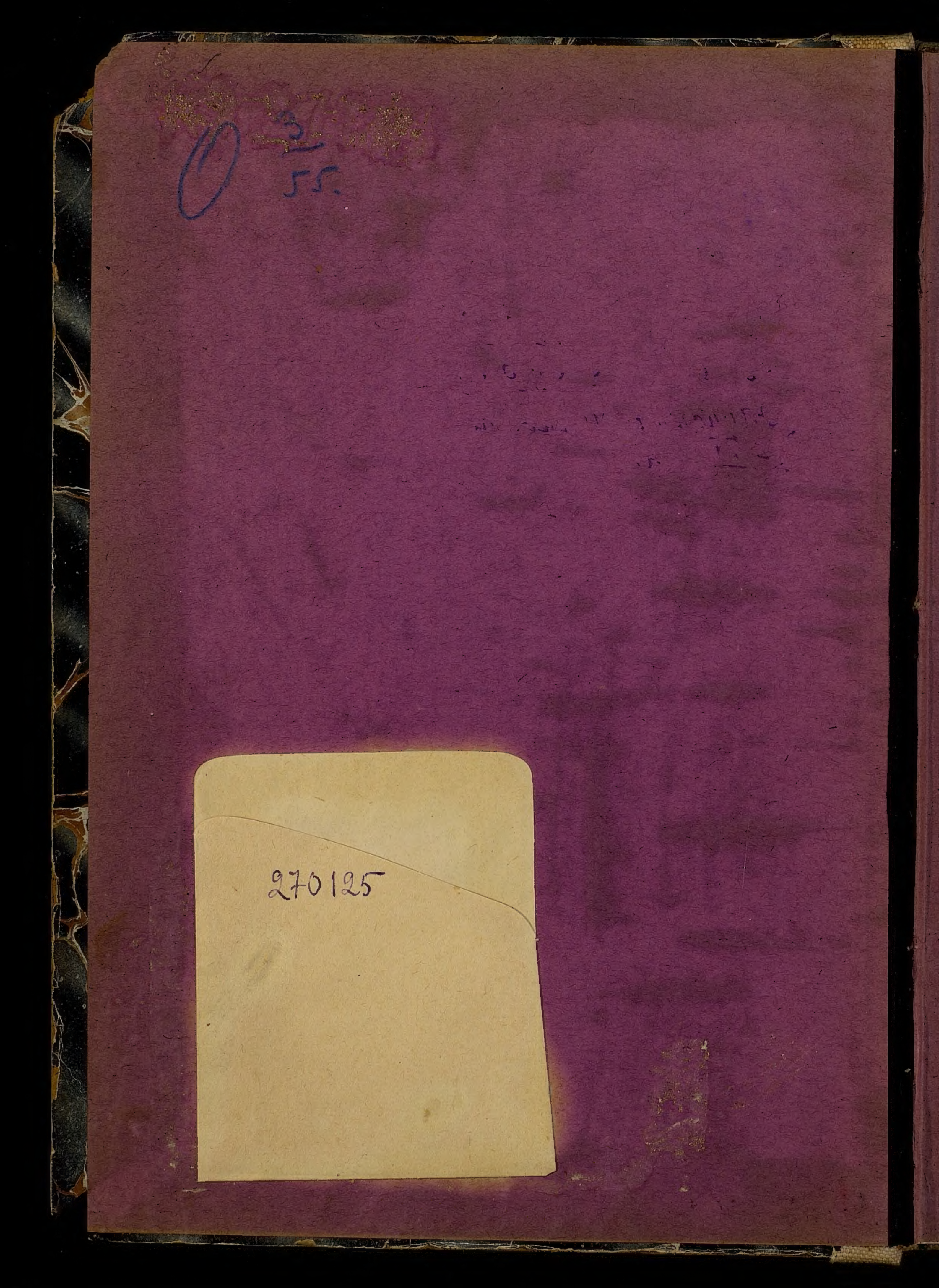
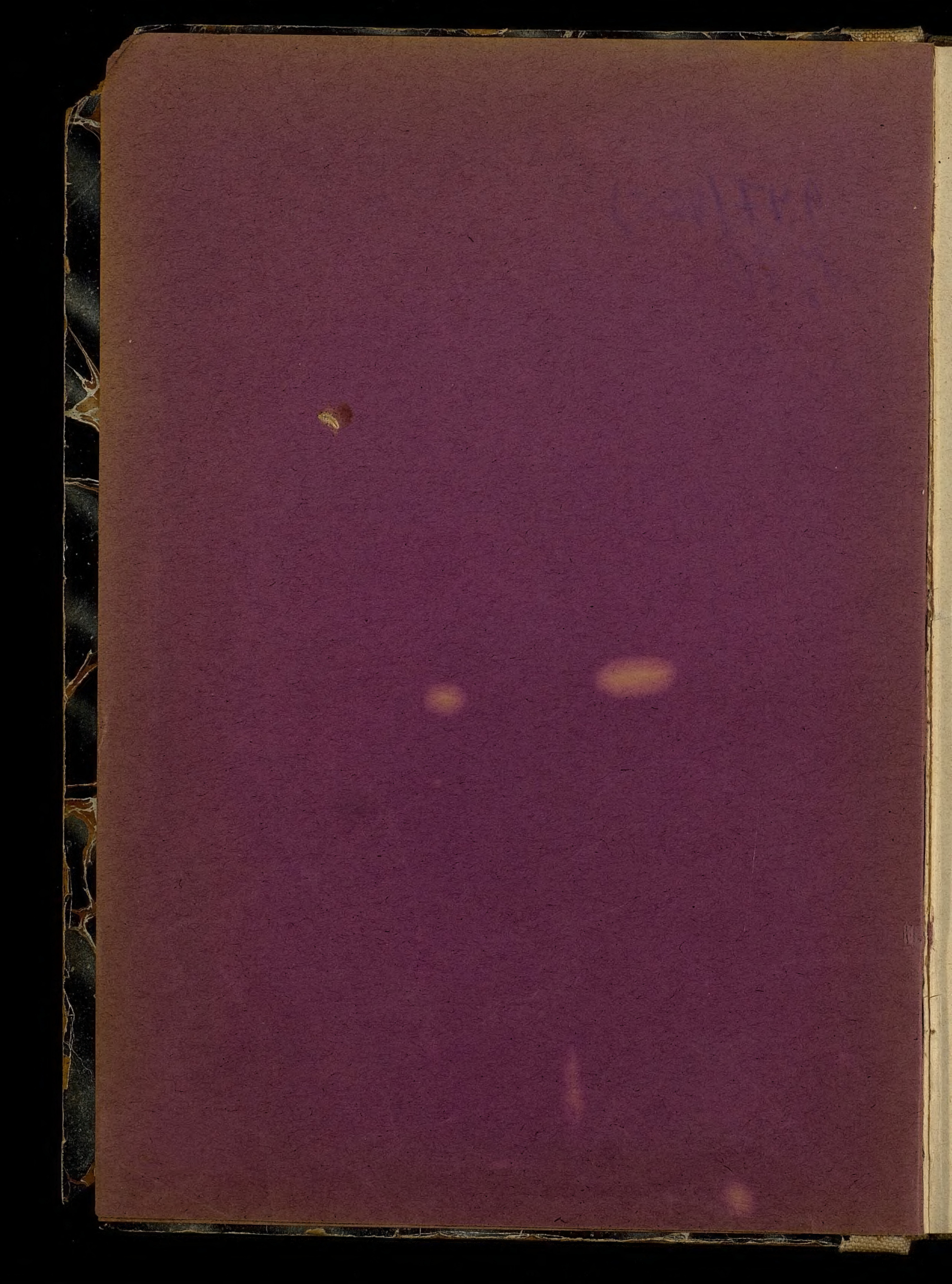

0 3/55
270125

ГОРОДСКАЯ
ЯЛТА
БИБЛIОТЕКА

ЗАПИСКИ О МОСКОВІИ XVI ВѢКА

СЭРА ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ

Opp.

14

РОССІЯ ВЪ КОНЦѢ ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

ЗАПИСКИ

О

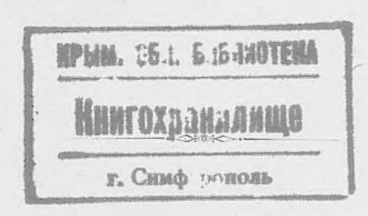
МОСКОВІИ XVI ВѢКА

СЭРА ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. А. БѢЛОЗЕРСКОЙ

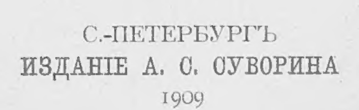
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

Н. И. КОСТОМАРОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1909

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

СОКРАЩЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ, ИЛИ МЕМОРІАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

СЭРА ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ,

ЕГО ЗАНЯТІЙ, СЛУЖБЫ И ПЕРЕГОВОРОВЪ, НАПИСАННЫЙ ЕГО РУКОЮ, НА ЧТО ОНЪ УПОТРЕБИЛЪ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 18-ти ЛѢТЪ.

Разсказъ этотъ былъ сперва посвященъ почтенному блаженной памяти сэру Францису Уолсингэмъ, лорду и главному государственному секретарю, и другимъ друзьямъ и родственникамъ, выразившимъ желаніе прочитать этотъ отчетъ, а затѣмъ ими признанъ достойнымъ быть обнародованнымъ для тѣхъ, которые находятъ удовольствіе въ чтеніи иностранныхъ исторій.

Джеромъ Горсей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Первыя свѣдѣнія о сочиненіи англичанина Джерома Горсея «Записки о Московіи XVI вѣка», гдѣ онъ прожилъ восемнадцать лѣтъ, сообщены русской публикѣ *Ю. В. Толстымъ* въ статьѣ, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1859 года (№ 9). Авторъ этой статьи, наряду съ выдержками и подробной передачей общаго содержанія англійскаго подлинника, представилъ критическую оцѣнку сочиненія Горсея, какъ историческаго матеріала. «Хотя нѣкоторыя изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Горсеемъ», говоритъ онъ, «очевидно, неточны, но это не убавляетъ общаго достоинства его «Записокъ», какъ историческаго матеріала для уразумѣнія этой странной эпохи русской исторіи, какъ свидѣтельства очевидца многихъ тогдашнихъ событій, какъ живой разсказъ человѣка, принимавшаго личное участіе въ нѣкоторыхъ происшествіяхъ, подробности которыхъ безъ его «Записокъ» остались бы неизвѣстны».

«Записки о «Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея» впервые переведены на русскій языкъ *Н. А. Бѣлозерской*, по инищіативѣ Н. И. Костомарова, съ его предисловіемъ и примѣчаніями, и были помѣщены въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1865 г. (№№ 4—6). Но переводъ «Записокъ» былъ прерванъ вслѣдствіе недоразумѣнія Н. И. Костомарова съ редакціей «Библіотеки для чтенія» и неоконченная рукопись была взята имъ обратно изъ редакціи. Затѣмъ въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1877 г. (кн. I, стр. 1—30) было вновь напечатано начало «Записокъ» Горсея, въ русскомъ переводѣ Ю. В. Толстого, и прервано на второмъ листѣ.

Такимъ образомъ, переводъ «Записокъ о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея» былъ дважды начатъ печатаніемъ, и оба раза остался неоконченнымъ. Въ настоящемъ изданіи мы печатаемъ впервые *полный* переводъ сочиненія Горсея, тщательно исправленный, свѣренный съ подлинникомъ и оконченный Н. А. Бѣлозерской. Къ переводу мы присоединяемъ предисловіе и примѣчанія къ нему покойнаго Н. И. Костомарова.

Переводъ сдѣланъ съ англійскаго подлинника «Записокъ» Горсея, въ первый разъ изданнаго въ полномъ видѣ въ 1856 году Лондонскимъ Гаклюйтовымъ Обществомъ, одной книгой съ сочиненіемъ Д. Флетчера «О государствѣ русскомъ», подъ общимъ заглавіемъ «*Россія въ концѣ шестнадцатаго столѣтія*» [1]). Эти два совмѣстно напечатанныя сочиненія имѣютъ между собою непосредственную связь и дополняютъ одно другое, такъ какъ даютъ наглядную картину общаго состоянія Россіи передъ Смутнымъ временемъ.

Посольство доктора гражданскаго права Д. Флетчера, отправленнаго англійской королевой къ Өеодору, царю россійскому, состоялось въ 1588 г.

Джеромъ Горсей пріѣхалъ въ Москву въ 1572 году и, послѣ восемнадцатилѣтняго почти безпрерывнаго пребыванія въ Россіи, окончательно вернулся на родину въ 1591 году. «Записки» его, главнымъ образомъ, относятся къ царствованію Іоанна Грознаго, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ государей, заслужившаго восторженные отзывы иностранныхъ историковъ послѣдующаго времени и противорѣчивую оцѣнку въ нашей исторической наукѣ. Одаренный блестящими умственными дарованіями и способностью къ правленію, онъ былъ первымъ устроителемъ русской державы и, по широкимъ замысламъ внѣшней и внутренней политики, является прямымъ предшественникомъ Петра I-го. Но въ то же время Іоаннъ Грозный многими своими дѣйствіями и жестокостью, близкой къ умопомѣшательству, разрушалъ въ свое долгое царствованіе то, что созидалъ, и самъ подготовилъ полное разложеніе всего государства, которое быстро наступило послѣ его смерти. Горсей не разъ лично бесѣдовалъ съ царемъ и, со свойственной ему многорѣчивостью, подробно отвѣчалъ на его разспросы объ англійскомъ флотѣ. Онъ слышалъ, какъ Іоаннъ, въ день своей кончины, объяснялъ окружавшимъ его придворнымъ свойства драгоцѣнныхъ камней, съ которыми тогдашніе алхимики связывали разныя суевѣрія. При этомъ Горсей, имѣя доступъ ко Двору, благодаря близости къ Борису Өеодоровичу Годунову, *князю правителю*, какъ онъ называетъ его, и знакомству съ наиболѣе вліятельными боярами, могъ видѣть и наблюдать многое, что было неуловимо для другихъ иностранныхъ пословъ.

Горсей былъ дважды посланъ къ англійской королевѣ Елизаветѣ съ царскими грамотами и дважды привозилъ письма королевы въ Россію, по

[1]) *Russia at the close of the sixteenth century* comprising the treatise of the Russe Common Wealth» by dr. *Giles Fletcher* and «The Travels of sir *Jerome Horsey*», Knt., now for the first time printed entire from his. manuscript. ed. by Edward Bond. London, printed for the Hakluyt society MDCCCLVI.

поводу торговыхъ сношеній между двумя государствами. Сношенія эти, приносившія огромныя выгоды Англіи, благодаря исключительнымъ преимуществамъ, предоставленнымъ ея купцамъ, находили сильную поддержку въ Грозномъ, который разсчитывалъ на помощь королевы въ случаѣ войны и, не довѣряя своимъ подданнымъ, надѣялся найти убѣжище въ Англіи, куда собирался перевезти свои сокровища.

Торговля съ Россіей была тогда въ рукахъ богатой, такъ называемой «русской компаніи англійскихъ купцовъ», которые, пользуясь полученными привилегіями, въ нѣсколько лѣтъ завели торговыя факторіи въ Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Новгородѣ и Москвѣ, и имѣли своихъ агентовъ въ Казани и Астрахани. Ежегодно флотилія изъ тринадцати и болѣе кораблей привозила изъ Англіи товары купцамъ компаніи къ ихъ пристани, у Розъ-Эйландъ (Rose Island), въ устьѣ Сѣверной Двины, и осенью возвращалась обратно.

Джеромъ Горсей, сначала служащій и агентъ компаніи англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи, затѣмъ посолъ англійской королевы при русскомъ Дворѣ, выхлопоталъ для компаніи, благодаря близости къ всесильному Годунову, не только подтвержденіе прежнихъ привилегій, но еще новыя болѣе широкія льготы, какія, по его словамъ, не могъ испросить до него ни одинъ посланникъ.

Непривлядныя личныя свойства Горсея: чрезвычайная хвастливость, самонадѣянность, корыстолюбіе, угодливость, неразборчивость средствъ для достиженія цѣли,—не уменьшаютъ значенія его «Записокъ». Желая дать возможно точный отчетъ о положеніи Россіи, онъ подробно передаетъ все видѣнное и слышанное и свои собственныя наблюденія, и при этомъ мимоходомъ сообщаетъ многія любопытныя черты тогдашняго русскаго быта. Благодаря большой памяти, онъ приводитъ цѣликомъ рѣчи Грознаго и свои собственныя длинныя витіеватыя рѣчи въ духѣ времени. Хотя онъ умалчиваетъ о нѣкоторыхъ своихъ особенно предосудительныхъ дѣйствіяхъ, но вообще, даже относительно себя, онъ откровененъ до наивности. Между прочимъ, мы узнаемъ изъ его «Записокъ», какъ онъ вѣроломно обманулъ Марію Владиміровну, вдову голштинскаго герцога Магнуса, и убѣдилъ ее бѣжать въ Россію изъ рижскаго замка, гдѣ она содержалась съ дочерью, и предалъ въ руки Годунова, который заточилъ ее въ монастырь. Съ тою же наивностью Горсей хвастается своими услугами обманываемой имъ компаніи (судя по жалобамъ на него купцовъ, см. прил. III), упрекаетъ ихъ въ неблагодарности, а затѣмъ радуется поднесенному ему подарку, по окончаніи запутанныхъ счетовъ. Весьма характерно для Горсея и его благочестіе, которое онъ выставляетъ при каждомъ удобномъ слу-

чаѣ и ставитъ девизомъ конца своей жизни латинское изреченіе: *Si Christum (sic) sis, nihil est si cetera non sis* (т.-е. «если будешь христіаниномъ, не заботься, что не будешь ничѣмъ болѣе»).

Вообще «Записки» Горсея имѣютъ значеніе только относительно восемнадцати лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Россіи (1572—1591), гдѣ онъ говоритъ, какъ очевидецъ описываемыхъ событій. Послѣдняя часть, которую онъ писалъ послѣ окончательнаго возвращенія на родину, на основаніи устныхъ разсказовъ и доходившихъ до него слуховъ, лишена всякаго интереса, и въ ней встрѣчаются разныя небылицы. Между прочимъ, Горсей сообщаетъ, будто бы царь Θеодоръ Іоанновичъ былъ заточенъ Годуновымъ въ монастырь, и что будто бы «царь Борисъ Θеодоровичъ, его супруга, царица, сынъ и дочь (испуганные приближеніемъ Самозванца) приняли яду, легли вмѣстѣ головами на полъ и умерли, а сынъ остался живъ и провозглашенъ царемъ всея Руси». Затѣмъ изъ «Записокъ» Горсея оказывается, будто бы Россія послѣ взятія въ плѣнъ царя Василія Шуйскаго была освобождена отъ поляковъ черемисами, ногайцами, мордвой, татарами, черкесами и пр.

ПРЕДИСЛОВІЕ АНГЛІЙСКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Немногое можно прибавить о Джеромѣ Горсѣ къ тому, что̀ онъ самъ говоритъ о себѣ въ своихъ мемуарахъ, которые мы здѣсь и печатаемъ. Онъ былъ старинной фамиліи, главная отрасль которой жила въ Клифтонѣ, Маубанкѣ и Мелькомбъ-Горсеѣ, въ Дорсетскомъ графствѣ. Его отецъ, по имени Уилльямъ, приходился братомъ (какъ мы предполагаемъ) Джоржу Горсею, жившему въ Дигсуэлѣ, въ Гертфордскомъ графствѣ [1]), и сэру Эдварду Горсею, достигшему отличія въ государственной службѣ и занимавшему должность губернатора на островѣ Уайтѣ. Джеромъ, повидимому, отправился въ Россію въ качествѣ приказчика или отданнаго въ ученіе русской компаніи англійскихъ купцовъ въ 1573 году [2]), а въ 1580—въ первый разъ посланникомъ отъ царя къ Елизаветѣ. Повидимому, онъ былъ обязанъ выборомъ въ эту почетную должность знанію русскаго языка (какъ показываютъ нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіи, онъ обладалъ имъ не въ высокой степени), а также своей находчивости и извѣстному такту (что̀ очевидно изъ его разсказа), съ какимъ онъ умѣлъ пріобрѣсти довѣріе царя Іоанна Васильевича, удостоившаго его аудіенціей. По прибытіи своемъ къ англійскому Двору съ письмами, Горсей имѣлъ за собою преимущество быть представленнымъ королевѣ своимъ родственникомъ, сэромъ Эдвардомъ Горсеемъ; кромѣ того, ему покровительствовали лордъ Бёрлей и сэръ Францисъ Уолсингэмъ. Благодаря

[1]) Смотри Гётчинса «Исторія Дорсетскаго графства, томъ 4, стр. 251, замѣтка (К). (Hutchins History of Dorsetshire).

[2]) Purchas—«Pilgrimes» v. 5, p. 972.

имъ онъ былъ три или четыре раза представленъ въ различное время королевѣ, и когда возвращался въ Россію, то ему поручили письма Ея Величества къ царю. Мы видимъ изъ прилагаемаго разсказа, что его не разъ употребляли для частыхъ посольствъ между двумя Дворами.

Эта служба дала ему случай пріобрѣсти милость самой королевы, что, повидимому, послужило ему въ пользу. Вліяніе, которое онъ имѣлъ въ дѣлахъ, касающихся Россіи, главнымъ образомъ проистекало отъ милости, какою онъ пользовался при могущественномъ правителѣ Борисѣ Θеодоровичѣ, шуринѣ царя Θеодора Ивановича. При англійскомъ Дворѣ, кромѣ сэра Эдварда Горсея, онъ нашелъ сильнаго покровителя въ сэрѣ Францисѣ Уолсингэмъ; ему и посвященъ его разсказъ. Вообще лицо это тѣсно связано съ жизнью Горсея по участію въ торговыхъ дѣлахъ съ Россіею. Послѣдній пріѣздъ сэра Джерома изъ Россіи былъ въ 1591 году; затѣмъ онъ повидимому поселился на родинѣ, пользуясь состояніемъ, накопленнымъ во многіе годы трудовъ, дѣятельности и опасностей, проведенные въ далекой и варварской странѣ. Русская компанія (его прежніе хозяева) оскорбилась нѣкоторыми его поступками, и, какъ видно, жаловалась на него, обличая въ нечестности и неблагоразуміи. Возможно, что она поступала такъ подъ вліяніемъ нерасположенія къ Горсею одного изъ русскихъ сановниковъ, потому что хотя купцы и громко кричали о его недочетахъ, но общее рѣшеніе, при окончаніи его сношеній съ ними, было въ его пользу, и онъ получилъ подарки въ знакъ того, что они имъ довольны.

Горсей говоритъ въ концѣ своихъ мемуаровъ, что онъ тридцать лѣтъ жилъ въ Букингэмскомъ графствѣ, по возвращеніи своемъ изъ Россіи, и занималъ тамъ должность шерифа. Онъ также упоминаетъ о томъ, что служилъ въ парламентѣ въ этотъ періодъ времени, и такъ какъ въ спискѣ членовъ отъ Эльсбюри есть пробѣлъ о парламентѣ за 1614 годъ, то можно предполагать, что Горсей именно тогда и засѣдалъ отъ родного города.

Въ спискѣ главныхъ шерифовъ графства встрѣчается его имя, какъ, напримѣръ, въ Гритъ-Кемблѣ за 1610 годъ. Въ письмѣ, написанномъ имъ лорду Бöрлею, изъ Россіи, въ апрѣлѣ 1591 года, до удаленія Горсея изъ этой страны, онъ упоминаетъ, что былъ женатъ на дочери одного почтеннаго джентльмена изъ Букингэмскаго графства. Этотъ предметъ его привязанности была, какъ надо предполагать, Елизавета, старшая дочь Гривса Гамидена изъ Букингэмскаго графства, дѣда извѣстнаго патріота Джона Гамидена, потому что въ родословной Гамиденовъ

имя сэра Джерома Горсея встрѣчается, какъ мужа этой лэди[1]), а она скончалась въ 1607 году[2]). Горсей женился во второй разъ; это видно изъ грамоты въ собраніи Коттона, гдѣ находится документъ о супружествѣ сэра Джерома Горсея съ Изабеллой, одной изъ дочерей Эдуарда Брокета, послѣдняго изъ Уисемстедовъ, въ Гертфордскомъ графствѣ, отъ 28 октября 1609 года. Этой бумагой, за подписью и печатью лэди и ея опекуновъ, Горсей былъ введенъ во владѣніе ея земель въ Monk's Risborough въ Букингэмскомъ графствѣ[3]). Нельзя рѣшить, когда именно умеръ Горсей; но, повидимому, онъ жилъ еще въ 1626 году, когда было напечатано Пёрчезомъ извлеченіе изъ его путешествій.

Памятникъ сношеній Горсея съ Россіею, сохранившійся въ библіотекѣ покойнаго Томаса Гренвилля, теперь перенесенъ въ Британскій музей. Памятникъ этотъ — очень рѣдкое изданіе библіи на славянскомъ языкѣ — былъ напечатанъ въ Острогѣ въ 1581 г. На заглавномъ листѣ слѣдующая замѣтка рукою Горсея: «Эту библію, на славянскомъ языкѣ, получилъ изъ царскаго книгохранилища Джеромъ Горсей въ 1581 г.».

Прилагаемый разсказъ Горсея напечатанъ вполнѣ въ первый разъ (въ 1856 году), съ его собственной рукописи, сохранившейся въ собраніи Гарліана[4]) въ Британскомъ музеѣ. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ публикѣ только въ сокращеніи, напечатанномъ Пёрчезомъ въ его «Путешествіяхъ» подъ заглавіемъ «Извлеченіе изъ наблюденій семнадцатилѣтняго пребыванія сэра Джерома Горсея въ Россіи и другихъ смежныхъ странахъ». До своей поѣздки въ Россію Горсей видѣлъ Францію и Нидерланды, благодаря сэру Эдварду Горсею, въ сообществѣ и на иждивеніи мистера Уилліама Мерике, агента компаніи[5]). Слогъ автора не заслуживаетъ одобренія, еще меньше — его правописаніе; но содержаніе имѣетъ свои достоинства: это всего лучше доказывается частыми и довѣрчивыми

[1]) Libscombe History of Buckinghamshire, vol. II, p. 234.

[2]) Harlein, MS. 5832 f. 64.

[3]) Cotton Charter CXII. A. 21.

[4]) Harlein, MS. 1813, f. 1. Она находилась первоначально въ библіотекѣ Генриха Ворсля въ Linkoln's Inn. Въ спискахъ рукописей она включена въ каталогъ MSS англійскихъ и ирландскихъ vol. II № 6919.

[5]) Purchas «Pilgrimes» 1625—1626 vol. V, p. 969. По Аделунгу (критико-литературный обзоръ путешествій въ Россію) изданіе рукописи было напечатано въ Лондонѣ, въ 4 т., въ 1626 г. Но это, полагаемъ, ошибка вслѣдствіе изданія Пёрчеза въ этомъ именно году. Аделунгъ также увѣряетъ, что нѣмецкій переводъ того же самаго путешествія былъ напечатанъ въ «Täglicher Schauplatz der Zeit». Leipzig 1728, folio.

ссылками на него русскаго историка Карамзина, который нигдѣ не выражаетъ сомнѣнія относительно его авторитета. Уже одного того, что этотъ достойный уваженія писатель пользовался Горсеемъ, достаточно, чтобы сдѣлать разсказъ Горсея общедоступнымъ въ той самой формѣ, въ какой онъ самъ его писалъ. Первая часть сочиненія состоитъ изъ извѣстій о нѣкоторыхъ раннихъ событіяхъ царствованія Ивана Грознаго, заимствованныхъ имъ, какъ онъ самъ говоритъ, изъ рукописныхъ мемуаровъ, которые сообщилъ ему князь Мстиславскій, вельможа, извѣстный въ исторіи того времени, «который изъ любви и расположенія ко мнѣ», заявляетъ Горсей, «сообщилъ много тайнъ, заключающихся въ мемуарахъ и тяжбахъ его времени». «Но мы», замѣчаетъ англійскій издатель, «не могли сличить этой ссылки изъ мемуаровъ ни съ однимъ изъ напечатанныхъ произведеній (не русскихъ), какія намъ удалось пересмотрѣть, и между составителями русскихъ лѣтописей не встрѣчается вовсе имени князя Мстиславскаго».

Нужно замѣтить, что Горсей посвящаетъ свой разсказъ сэру Франциску Уолсингэмъ; но этотъ государственный мужъ скончался въ апрѣлѣ 1590 г., и Горсей долженъ былъ приняться за это сочиненіе прежде, чѣмъ отправился въ послѣдній разъ посломъ въ Россію. Въ началѣ своего разсказа онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи написать еще три разсужденія, чтобы сообщить свои наблюденія о правленіи, положеніи, торговлѣ и т. д. Польши, Литвы, Ливоніи, Трансильваніи, Швеціи, Германіи, Голландіи, Даніи и Нидерландовъ; а въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что уже «толковалъ» объ этомъ съ разными лицами. Въ отдѣльныхъ отчетахъ о своихъ посольствахъ 1585 и 1589 (1590), написанныхъ вслѣдъ за первою частью его разсказа, Горсей снова упоминаетъ о своемъ желаніи записать свои наблюденія о различныхъ странахъ, какія самъ посѣтилъ, или съ которыми познакомился черезъ другихъ путешественниковъ. Онъ говоритъ при этомъ, что охотно передалъ бы свой матеріалъ «въ благое распоряженіе сэра Роберта Коттона, приложившаго самыя похвальныя старанія при напечатаніи своего произведенія, самаго рѣдкаго по содержанію, какое не написалъ до того времени никто изъ исторіографовъ», такъ какъ ему, Горсею, недостаетъ ни искусства, ни учености и онъ не знаетъ метода и способа изложить все въ какой-либо приличной формѣ. «Несмотря на это (прибавляетъ онъ), если Богу будетъ угодно, обѣщаю представить въ скоромъ времени мой опытъ въ этомъ дѣлѣ, сдѣланный по моему

крайнему разумѣнію» [1]). Свое намѣреніе онъ, повидимому, исполнилъ, потому что Пёрчезъ въ своемъ предисловіи къ «Извлеченію изъ путешествій Горсея» извиняется, что не перепечатываетъ подробнѣе автора «датскихъ, германскихъ и польскихъ сказаній». Однако намъ не удалось отыскать этихъ памятниковъ ни въ одной изъ англійскихъ библіотекъ.

Читающіе путешествіе Горсея въ англійскомъ подлинникѣ, конечно, будутъ испытывать нѣкоторую трудность отъ жесткаго склада его рѣчи и странности ороографіи. Первая трудность неисправима; относительно второй издатели не сочли удобнымъ отступить отъ правила, принятаго Обществомъ.

Декабря 16-го 1856 года.

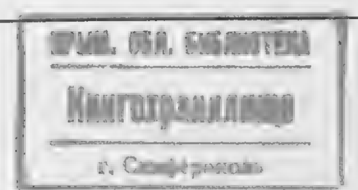
[1]) См. приложеніе II, стр. 121.

ПРЕДИСЛОВІЕ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Сочиненіе Джерома Горсея въ первый разъ издано въ свѣтъ только въ 1856 году въ подлинникѣ Бондомъ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Флетчера, въ книгѣ подъ такимъ полнымъ заглавіемъ: «Russia of the close of the sixteenth century, comprising the treatise of the Russe Common Wealth by Dr. Giles Fletcher and the travels of sir Jerome Horsey Knt., now for the first time printed entire from his own manuscript. Edited by Edward A. Bond, assistant keeper of the manuscripts in the british museum. London, printed for the Hakluyt society M.DCCC.LVI». Несмотря на такое недавнее время, эта книга теперь уже большая библіографическая рѣдкость. Намъ передали въ распоряженіе переводъ Горсеева разсказа съ приложеніями, заключающими разные объяснительные акты и извѣстія, взятые изъ той же книги Бонда. Горсей, при своей рѣдкости, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ русской исторіи и, притомъ, его разсказъ вообще для чтенія представляетъ большую занимательность, то мы сочли не лишнимъ предложить напечатать его въ журналѣ, снабдивъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ особенно явно погрѣшаетъ противъ исторической истины, краткими примѣчаніями, допустивъ и тѣ, которыя уже сдѣланы англійскою редакціею.

Печатая Горсея, нельзя обѣщать русской публикѣ такого сочиненія, которому можно было бы довѣряться безусловно и считать разсказъ его во всемъ непогрѣшительною истиною. Ни у одного изъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Московское государство въ XVI и XVII вѣкахъ и оставившихъ намъ свои описанія, не обходится безъ анахронизмовъ, искаженій и вообще безъ лжи. Русскій міръ того времени представлялъ черезчуръ много особенностей, не сходныхъ съ явленіями западноевропейской жизни, и нескоро давались онѣ иноземцу, хотя бы проницательному. Но изо всѣхъ иноземцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, англичане занимали первую роль и, пользуясь торговыми преимуществами, какія не предоставля-

лись никакому другому народу, обращались по необходимости съ Дворомъ, боярами, вообще знатнѣйшими особами и гостьми, и, слѣдовательно, имѣли болѣе возможности ознакомиться съ русскою жизнью, чѣмъ какіе нибудь члены посольства, за которыми наблюдали москвичи, вообще мало расположенные къ тому, чтобы доставлять средства описывать себя иноземнымъ пріѣзжимъ людямъ. Отъ англичанъ XVI и XVII вѣка осталось значительное число сочиненій и писанныхъ извѣстій; но никто изъ писавшихъ не былъ поставленъ въ такія выгодныя для знанія Россіи условія, какъ Горсей, что̀ показываетъ его сочиненіе, которое есть ничто иное, какъ его собственная автобіографія. Русскіе, нерѣдко досадовавшіе на англичанъ за то, что они употребляли въ свою пользу тѣ силы Русской земли, которыя, по всѣмъ правамъ, должны были увеличивать богатства туземцевъ, сознавали, однако, свое невѣжество и неумѣніе самимъ совладать съ этими силами, смотрѣли на англичанъ, какъ на людей высшихъ себя, по свѣдѣніямъ, и обращались къ нимъ часто съ легковѣріемъ. Горсей прожилъ въ Московскомъ государствѣ въ теченіе очень интереснаго времени послѣднихъ лѣтъ царствованія Грознаго, именно тогда, когда англичане пользовались довѣріемъ царя, котораго, по смерти, одинъ ненавистникъ англичанъ и завистникъ ихъ чрезмѣрныхъ успѣховъ за то назвалъ англійскимъ царемъ. Горсей не одинъ разъ видѣлся и бесѣдовалъ съ этимъ царемъ, былъ очевидцемъ событій, сопровождавшихъ его смерть, и первыхъ лѣтъ царствованія Ѳеодора, пользовался довѣріемъ Бориса Годунова и, по его наущенію, совершилъ одно нечистое дѣло, самъ не зная, что̀ совершаетъ, зналъ лично многихъ другихъ бояръ, зашелъ такъ далеко въ тогдашнія московскія дѣла, что, наконецъ, навлекъ на себя немилость, былъ временно удаленъ въ Ярославль, и тамъ сдѣлался отчасти причастенъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ убіеніе царевича Димитрія. Несмотря на такую близость сочинителя къ ходу описываемыхъ событій, его сочиненіе не изъято отъ важныхъ ошибокъ. Причина ихъ объяснима. Во-первыхъ, многаго, о чемъ онъ разсказываетъ, онъ самъ не видалъ, а сообщалъ то, что̀ ему передавала молва; а тогда событія записывались мало, и болѣе разсказывались. Даже могло быть (какъ это и выказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненія), что ему представляли событія то подъ вліяніемъ страсти, то съ тѣмъ недовѣріемъ, съ какимъ очень часто русскій человѣкъ относился къ иноземцамъ. Хотя Горсей и говоритъ, будто князь Мстиславскій давалъ ему какія-то историческія записки, но либо эти записки были дотого ничтожны, что онъ не могъ изъ нихъ извлечь ничего особеннаго, либо не понялъ ихъ. Вѣроятнѣе первое: трудно допустить, чтобъ русскій сановникъ повѣрялъ ему что-нибудь такое секрет-

ное, что̀ бы набрасывало тѣнь на царя. Во-вторыхъ, сочиненіе Горсея никакъ не дневникъ его, веденный во время пребыванія въ Московщинѣ: оно было составлено авторомъ послѣ того, какъ онъ оставилъ странствованія по чужимъ землямъ и уже доживалъ вѣкъ свой на родинѣ; это воспоминанія старика о прошломъ. Правда, въ началѣ стоитъ посвященіе человѣку, умершему въ 1590 г., но это показываетъ только, что онъ началъ писать ихъ около того времени, окончилъ же—гораздо позже. Да и въ 1590 году Горсей только по воспоминаніямъ могъ составлять извѣстія о томъ, что̀ дѣлалось лѣтъ за десять; многое у него должно было стереться изъ памяти, многое исказиться. Впрочемъ, Горсей человѣкъ съ большимъ самолюбіемъ и не безъ хвастовства, въ чемъ его и обвиняли соотечественники: это видно рѣзко изъ того, что онъ вездѣ, гдѣ только есть случай, толкуетъ о самомъ себѣ, выставляетъ свои подвиги, приписываетъ своей ловкости пріобрѣтеніе англійскою компаніею торговыхъ выгодъ въ Московскомъ государствѣ, даже хвалится, что ходатайство его могло быть полезно для лицъ, не принадлежавшихъ вовсе къ англійской націи. Между прочимъ, онъ выставляетъ себя знающимъ хорошо русскій языкъ; но изъ его собственнаго сочиненія видно, что онъ его не хорошо зналъ. Вѣроятно, однако, что Горсей все-таки имѣлъ въ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы объясняться съ русскими; да такъ и должно было быть уже потому, что онъ долго проживалъ въ Россіи. Несмотря на эти недостатки, по отношенію къ общему колориту, какой онъ даетъ тогдашнему московскому обществу, характерамъ лицъ, обычаямъ страны, Горсей вообще довольно вѣренъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ СЭРА ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ.

Достопочтенному сэру и кавалеру Францису Уолсингэмъ, главному государственному секретарю, состоящему при особѣ Ея Величества.

Вполнѣ понимая и чувствуя, какъ велики расположеніе и благосклонность, съ какими Вы относитесь къ моимъ успѣхамъ и дѣятельности съ того счастливаго времени, какъ мой достойный другъ и родственникъ, сэръ Эдвардъ Горсей, впервые доставилъ мнѣ знакомство съ Вашей милостью, и зная Ваше благородное желаніе имѣть полныя свѣдѣнія о положеніи и событіяхъ чужихъ странъ, согласно Вашему совѣту и прежде даннымъ мнѣ наставленіямъ, считаю долгомъ благодарности, съ моей стороны, отдать отчетъ о предметахъ, которые могутъ пригодиться на занимаемомъ Вами мѣстѣ, и обо всемъ, что̀ можетъ быть принято къ свѣдѣнію другими лицами, равно какъ и для поощренія тѣхъ, которые могутъ извлечь пользу изъ написаннаго здѣсь.

Мнѣ казалось цѣлесообразнымъ въ видѣ трактата написать обо всемъ видѣнномъ мною прежде всего для Вашей милости, сэръ, потомъ для васъ, мои достойные и добрые друзья, выразившіе желаніе узнать изъ наблюденій моихъ во время путешествій, занятій и переговоровъ обо всемъ, что̀ есть рѣдкаго и замѣчательнаго въ разныхъ странахъ и государствахъ, сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Европы и Скиѳіи (Sithia), каковы Россія, Московія, Татарія со всѣми смежными съ ними областями и государствами, а именно: Польшею, Литвою, Ливоніею, Швеціею и Даніею, лежащими между Сѣвернымъ океаномъ и Балтійскимъ моремъ, а также и обо всемъ достойномъ вниманія въ Имперіи и имперскихъ пространныхъ княжествахъ верхней Германіи, о пяти верхнихъ и нижнихъ соединенныхъ земляхъ, о Клевѣ, Вестфаліи и Фрисландѣ, о земляхъ нижней Германіи, обыкновенно называемыхъ Фландріею, о Бра-

бантѣ, Зеландіи и Голландіи, состоящей изъ 17-ти соединенныхъ провинцій,—относительно ихъ столицъ, торговыхъ городовъ, какъ приморскихъ, такъ и внутреннихъ, ихъ промышленности, университетовъ и старинныхъ памятниковъ, климата, положенія этихъ странъ, законовъ, языка, религіи, церковнаго и государственнаго устройства и природныхъ свойствъ этихъ народовъ.

Всѣ эти замѣтки я предполагаю заключить въ четырехъ отдѣльныхъ трактатахъ, настолько сокращенныхъ и методически изложенныхъ, насколько позволяютъ мои наблюденія и 17-лѣтняя опытность. Побывавши и осмотрѣвъ часть Франціи и Нидерландъ въ ихъ цвѣтущемъ состояніи, но въ безпокойное военное время, я отправился въ Московію [1]), обыкновенно называемую Россіею. Хотя я плохой грамматикъ, но понимаю немного по-гречески, и въ короткое время, по сходству, достигъ близкаго знакомства съ народною рѣчью славянскаго языка, самаго богатаго и изящнаго въ мірѣ [2]). Съ нѣкоторыми различіями и инымъ произношеніемъ близко подходятъ къ нему: польскій, литовскій [3]), трансильванскій и языки всѣхъ близлежащихъ странъ; кромѣ того, онъ можетъ служить въ Турціи, Персіи и даже въ Индіи (?). Я читалъ ихъ лѣтописи, написанныя и содержимыя въ тайнѣ главнымъ сановникомъ страны, княземъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Мстиславскимъ, который, изъ расположенія и благосклонности ко мнѣ, сообщилъ мнѣ много тайнъ, заключавшихся въ запискахъ и судебныхъ дѣлахъ послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, касательно положенія, природы и управленія этого государства. Всѣмъ этимъ я воспользовался, а равно и тѣмъ, что̀ узналъ отъ нихъ о происшествіяхъ прежнихъ лѣтъ съ конца царствованія Василія Андреевича [4]), именуемаго тогда только великимъ княземъ Владимірскимъ, Московскимъ etc. О титулахъ я скажу въ другомъ мѣстѣ. Василій Ивановичъ въ свое время очень увеличилъ свое государство и владѣнія побѣдами надъ поляками, шведами и, въ особенности, надъ татарами и великимъ Скноскимъ Крымомъ, или Камомъ (ханомъ), и оставилъ свои княжества и народъ въ мирѣ и спокойствіи, богатыми и сильными, возложивъ на своихъ бояръ бремя управленія и защиту княжествъ и царствъ, раздѣленныхъ на четыре части. Изъ своихъ двухъ сыновей—старшаго, пятилѣтняго (именуемаго впослѣдствіи великимъ) князя, Ивана Васильевича, онъ назначилъ царемъ

---

[1]) Въ 1572 г.
[2]) Вѣроятно, русскій или бѣлорусскій языкъ.
[3]) Вѣроятно, Горсей разумѣетъ здѣсь сходство алфавитовъ греческаго и славянскаго.
[4]) Ошибка, вмѣсто Ивановича.

и правителемъ государства послѣ себя, а другого, двухлѣтняго,—княземъ области, именуемой Вагой [1]).

Великій князь всея Руси Иванъ Васильевичъ былъ красивъ собою, одаренъ большимъ умомъ, блестящими дарованіями, привлекательностью, однимъ словомъ,—былъ созданъ для управленія такою огромною монархіею. Онъ женился двѣнадцати лѣтъ на Анастасіи Романовой [2]), дочери боярина знатнаго рода, черезъ что Никита Романовъ, братъ ея, сильно возвысился. Государыня эта была умна и благочестива; ея добродѣтели и умѣніе управлять пріобрѣли ей любовь и почитаніе подданныхъ. И такъ какъ Іоаннъ былъ молодъ и развращенъ, то она управляла имъ съ удивительною ловкостью и благоразуміемъ. Подъ ея вліяніемъ, при доблестяхъ и мужествѣ бояръ, епископовъ и совѣтниковъ, ему удалось: сбросить ярмо дани, которую его предшественники постоянно платили великому крымскому хану, покорить царство и царей Казани и Астрахани за 2700 верстъ отъ Москвы, внизъ по Волгѣ, близъ Каспійскаго моря, побѣдить въ короткое время различныхъ татарскихъ владѣтелей съ ихъ землями и подчинить своей власти многочисленные народы. До сихъ поръ сохранились между этими народами печальные разсказы и пѣсни о разрушеніи ихъ царствъ. Этой побѣдой Іоаннъ очень усилился, пріобрѣлъ большую славу и, овладѣвъ двумя различными коронами и царствами, общимъ совѣтомъ всѣхъ своихъ князей, бояръ, духовенства и народа былъ коронованъ и получилъ титулъ царя, великаго монарха и великаго князя Казанскаго, Астраханскаго, Московскаго, Владимірскаго, Новгородскаго, Русскаго и др. съ огромнымъ перечнемъ названій принадлежащихъ ему провинцій; и эти названія, по его желанію, должны были знать и перечислять посланники всѣхъ государей, съ которыми онъ имѣлъ сношенія [3]). Однако, послѣ того онъ все еще велъ постоянныя войны съ крымскими татарами, которые крайне докучали ему и его подданнымъ своими ежегодными вторженіями. По мѣрѣ того, какъ онъ мужалъ возрастомъ, возрастало величіе его, умножались и увеличивались его завоеванія; онъ отнялъ у польскаго короля знаменитые города: Полоцкъ, Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьму и многіе другіе съ большими богатствами и безчисленнымъ количествомъ плѣнныхъ (на семьсотъ верстъ внутри пре-

---

[1]) Завѣщаніе великаго князя Василія Ивановича не дошло до насъ. Впослѣдствіи, какъ мы знаемъ, Вага была отдана Борису Годунову. Видно, что эта провинція еще прежде имѣла нѣкоторое отдѣльное значеніе; вѣроятно, однако, Юрій не былъ удѣльнымъ княземъ Ваги, а только доходы съ нея предоставлены были въ его пользу.

[2]) Ошибка: Іоаннъ женился на осьмнадцатомъ году своего возраста.

[3]) Ошибка: вѣнчаніе Іоанна происходило прежде завоеванія Казани и Астрахани.

дѣловъ польскихъ). Онъ овладѣлъ Бѣлою Русью и Литвою съ ихъ цвѣтущими торговыми городами и областями, которые приносили больные доходы, давали воскъ, лёнъ, пеньку, сало, кожи, зерно и скотъ въ изобиліи: многія лица изъ знати и купечества, попавшія русскимъ въ плѣнъ, покупались и продавались, и давали за себя больные выкупы. Эти завоеванія сдѣлали Іоанна сильнымъ, гордымъ, могучимъ, жестокимъ и кровожаднымъ. Когда скончалась добрая царица Анастасія [1]), ее причислили къ святымъ, и почитаютъ ее въ церквахъ до настоящаго времени. Іоаннъ имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: Іоанна и Ѳеодора. Послѣ ея смерти Іоаннъ женился на одной черкесской княжнѣ [2]), отъ которой, сколько извѣстно, не было потомства. Празднованіе этой свадьбы было дотого странное и отзывалось язычествомъ, что трудно повѣрить, чтобы оно совершалось въ самомъ дѣлѣ. Не стану повторять разсказа изъ ихъ собственныхъ исторій; перейду къ временамъ, мнѣ лично извѣстнымъ.

Іоаннъ усилился не только завоеваніемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, не только плѣненіемъ могучихъ государей и военачальниковъ, но его второй бракъ доставилъ ему непреодолимую силу татаръ, отважныхъ воиновъ, лучшихъ, чѣмъ были русскіе. Онъ пользовался ими для укрощенія и обуздыванія тѣхъ князей и бояръ, которые, по его замѣчанію, были имъ недовольны и готовы были возмутиться противъ него за жестокую рѣзню, мучительства, безпрестанныя убійства, грабительства и смертныя казни лицъ благороднаго сословія [3]). Не зная мѣры своему честолюбію, хвастаясь, наперекоръ всякому здравому смыслу, задуманными побѣдами, послалъ онъ войско въ сто тысячъ конницы и пятьдесятъ тысячъ пѣхоты, съ пушками, со всею артиллеріею, боевыми, съѣстными запасами и другими принадлежностями противъ Ливоніи и Швеціи, лежащихъ на границахъ этой части христіанскаго міра. Онъ убивалъ и умерщвлялъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, попадавшихся его войску на пути,

---

[1]) Царица Анастасія скончалась 7-го августа 1560 года. Она не была причислена къ лику святыхъ церковью, но, должно быть, народъ уважалъ ея память за ея добродѣтели и считалъ достойною быть святою. Вотъ, между прочимъ, чѣмъ объясняется послѣдующее уваженіе ко всему роду Романовыхъ, способствовавшее возведенію на престолъ Михаила Ѳеодоровича.

[2]) Супружество Іоанна съ дочерью Темгрюка Черкесскаго князя, при крещеніи наименованной Маріею, произошло 21 августа 1561 года. И такъ какъ родственники ея были не русскіе, то, вѣроятно, въ свадьбѣ были допущены какіе нибудь обычаи, чуждые обычному свадебному чину въ Россіи.

[3]) Жестокости Іоанновы если не начались, то развились именно со времени брака съ Маріею. Ея вліянію приписывали свирѣпости царя («на злыя дѣла подущая»), тогда какъ вліянію Анастасіи приписывали все доброе, совершенное Іоанномъ.

между Новгородомъ и Псковомъ, двумя величайшими «торговыми» приморскими (sic) городами на Востокѣ, образующими треугольникъ съ Нарвою, стоящею въ равномъ разстояніи на концѣ или заливѣ восточной части Балтійскаго моря, до того времени принадлежавшею Ливоніи, составлявшей независимое государство. Въ Нарвѣ, если не ошибаюсь, онъ построилъ крѣпкій замокъ и назвалъ его Иванъ-городъ, причемъ приказалъ выколоть—«высверлить»—глаза строителю за рѣдкій способъ [1]) архитектуры. Изъ Пскова (Vobsko) онъ вступаетъ въ предѣлы Ливоніи, посылаетъ князя Михаила Глинскаго съ пушками на осаду первой на пути крѣпости, называемой Нейгаузъ [2]); овладѣвъ ею, захватываетъ въ плѣнъ защищавшихъ ее воиновъ и оставляетъ здѣсь гарнизонъ изъ 300 солдатъ, предоставляя имъ добычу и грабежъ. Онъ осаждаетъ и беретъ еще другіе небольшіе города и крѣпости по дорогѣ къ Дерпту, большому и крѣпкому торговому городу, осаждаетъ и покоряетъ самый Дерптъ; жители сдаются и выкидываютъ унизительный бѣлый флагъ. Четыре тысячи татаръ уводятъ въ плѣнъ восемь тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, отбираютъ сокровища, товары и посылаютъ въ Новгородъ въ пользу государя. Затѣмъ онъ идетъ далѣе, раздѣливъ армію на четыре полка, не встрѣчаетъ нигдѣ сопротивленія; назначаетъ десять тысячъ войска для охраны и перевозки артиллеріи и всего остального черезъ рѣки и озера, уже крѣпко замерзшія въ то время; беретъ многія крѣпости, города и села; захватываетъ богатства, скотъ и людей по дорогѣ къ Пернау, Гансалю, Лойелю, Вендену, Голдену (Голдингену) и Митавѣ; овладѣваетъ еще и многими другими укрѣпленными городами при Восточномъ морѣ,—числомъ до 30-ти деревянныхъ городовъ на двѣсти миль въ окружности. Слышны были страшные вопли, происходили жестокія убійства, топили, жгли, увозили женщинъ и дѣвушекъ, несмотря на морозъ, безжалостно обнажали ихъ и, связавъ вмѣстѣ трехъ или четырехъ разомъ, привязывали къ хвостамъ лошадей и волочили такимъ образомъ—нѣкоторыхъ живыми, другихъ мертвыми, обагряли кровью дороги и пути, наполняли грудами труповъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Тутъ были и люди достаточные, одѣтые въ бархатъ, адамашку, камку и шелкъ со спрятанными у нихъ дорогими камнями, жемчугомъ, золотомъ. Ливонцы самый благодушный народъ въ мірѣ по своимъ природнымъ свойствамъ. Климатъ у нихъ холодный и сухой.

[1]) Ошибка: Иванъ-городъ построенъ Иваномъ III; сказка объ ослѣпленіи строителя, по народному преданію, относится къ тому, который построилъ церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ.

[2]) Ошибка: Нейгаузъ былъ взятъ Шуйскимъ и Проскуровымъ.

Огромное число плѣнныхъ высылали и тащили этимъ способомъ въ Россію. Неоцѣнимыя богатства, состоявшія въ товарахъ, деньгахъ и другихъ сокровищахъ, переносились и увозились въ Россію изъ этихъ городовъ и странъ и изъ 600-тъ ограбленныхъ и разрушенныхъ церквей. Такимъ образомъ царь [1]) и его жестокіе адскіе татары опустошили и разорили эти богатыя страны и несчастный народъ; — они дошли наконецъ до столицы и главнаго города Ревеля, со стоящимъ при немъ Стейколлемъ (Steucoll), крѣпко построеннымъ на высокой скалистой горѣ, на оконечности Балтійскаго моря, напротивъ Стокгольма въ Швеціи. Осадивъ городъ съ двадцатью тысячами людей, Іоаннъ громилъ его изъ 20-ти пушекъ. Находившіеся тогда въ немъ солдаты, мужчины и женщины наполняли ночью сдѣланные имъ въ стѣнахъ бреши, заливая ихъ горячей и холодной водой, которая постоянно замерзала такъ плотно, что царь Іоаннъ послѣ шестинедѣльной осады и 20 тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ имѣлъ небольшой успѣхъ и съ потерею шести тысячъ человѣкъ поторопился отступить, постыдно оставивъ осаду [2]). Внезапная оттепель и наводненіе большихъ тамошнихъ рѣкъ были причиною, что Іоаннъ лишился при отступленіи большей части своей артиллеріи, добычи, багажа и по крайней мѣрѣ 30 тысячъ человѣкъ. Внѣ себя отъ ярости, взбѣшенный тѣмъ, что былъ отбитъ и потерялъ большую и лучшую часть своей арміи и артиллеріи, онъ поспѣшилъ совершить самую кровавую, жестокую рѣзню, о какой когда-либо слыхали. Царь прибылъ въ Нарву: ограбилъ и расхитилъ въ городѣ всѣ его богатства, имущества и товары, убивалъ и умерщвлялъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и раздавалъ добычу своей татарской арміи. Оттуда онъ отправился въ Плесковъ или Вобско (Псковъ), гдѣ онъ намѣревался сдѣлать то же, что и въ Нарвѣ, такъ какъ онъ былъ раздраженъ и вѣрилъ, что эти два города съ Новгородомъ составили заговоръ убить его и дѣйствовали заодно съ непріятелемъ, чтобъ уничтожить его войско, и что, вслѣдствіе ихъ предательскихъ дѣйствій и сношеній съ врагами, онъ былъ отбитъ отъ Ревеля и потерялъ столько людей и запасовъ [3]). Но въ Псковѣ его встрѣтилъ обманщикъ или волшебникъ, котораго считали оракуломъ, святымъ человѣкомъ, — звали

[1]) Въ Ливонской войнѣ Іоаннъ лично самъ не участвовалъ. Онъ выступилъ въ походъ только противъ Литвы.

[2]) Неудачная осада Ревеля происходила въ 1570 г. Царь лично не принималъ участія въ войнѣ. Подъ Ревелемъ былъ датскій принцъ Магнусъ, объявленный отъ Іоанна королемъ Ливоніи.

[3]) Ошибка: Неудача подъ Ревелемъ произошла послѣ свирѣпствъ Іоанновыхъ въ Новгородѣ и посѣщенія Пскова.

его Микола Святъ; — онъ осыпалъ Іоанна смѣлыми проклятіями, заклинаніями, ругательствами и угрозами; называлъ его царемъ кровопійцей, пожирателемъ христіанскаго тѣла и клялся своимъ Ангеломъ, что царь не избѣгнетъ смерти отъ бывшей въ то время молніи, если онъ самъ, или кто-либо изъ его войска, въ гнѣвѣ дотронется до головы послѣдняго изъ дѣтей въ городѣ, охраняемомъ добрымъ Ангеломъ Господнимъ для лучшей участи, чѣмъ расхищеніе, и что онъ долженъ удалиться изъ города прежде, чѣмъ поднимется огненное облако — Божья кара, что вотъ уже оно виситъ у него надъ головою (а въ это время была сильная мрачная гроза). Эти слова заставили содрогнуться царя; онъ приказалъ читать молитвы о своемъ избавленіи за жестокіе помыслы. Я самъ видѣлъ этого обманщика или чародѣя; онъ юродствовалъ, ходилъ нагой зимой и лѣтомъ, переносилъ сильнѣйшій холодъ и чрезмѣрный жаръ, дѣлалъ разныя странныя вещи посредствомъ волшебной силы дьявольскаго обольщенія; за нимъ ходили слѣдомъ; боялись и почитали его бояре и народъ [1]). Государь вернулся въ Великій Новгородъ, гдѣ находились всѣ его плѣнные и заключенные. Онъ былъ очень раздраженъ противъ этого города, болѣе чѣмъ противъ всѣхъ другихъ, и, въ отмщеніе его жителямъ за ихъ измѣну и предательство, какъ-то — за соумышленіе съ недовольнымъ дворянствомъ, ввелъ въ городъ 30 тысячъ татаръ и десять тысячъ стрѣльцовъ своей стражи. Они безъ зазрѣнія насиловали женщинъ и дѣвушекъ; обдирали, грабили, расхищали все, что находили цѣннаго: дорогіе камни, серебряную посуду, деньги; умерщвляли старыхъ и молодыхъ; сжигали весь ихъ домашній скарбъ, товары, кладовыя съ воскомъ, льномъ, кожами, солью, виномъ, полотнами; растопленный воскъ и сало текли ручьями по улицамъ, вмѣстѣ съ кровью 700 тысячъ мужчинъ, женщинъ [2]), дѣтей, убитыхъ и умерщвленныхъ; рѣки наполнились кровью живыхъ существъ, людей и скота, мертвыя тѣла которыхъ, бросаемыя въ Волховъ, останавливали теченіе этой рѣки [3]). Ни у какого историка не упоминается о подобной ужасной рѣзнѣ. Послѣ этого погрома городъ былъ оставленъ

---

[1]) Оригиналенъ, хотя и невѣренъ взглядъ иноземца на нашего юродиваго. Замѣчательно, что въ народномъ преданіи разсказывается тоже, что Никола юродивый остановилъ Іоанна тѣмъ, что указалъ ему на грозу, которая, будто бы, собиралась надъ Псковомъ, и предрекалъ, что громъ убьетъ его, если онъ начнетъ казнить кого-нибудь. Въ подлинникѣ онъ называется Mickula Sweat.

[2]) Число убитыхъ чрезмѣрно преувеличено.

[3]) Разграбленіе Новгорода и рѣзня, учиненная надъ его жителями, происходили въ январѣ и февралѣ 1570-го года, опустошенія и убійства продолжались непрерывно слишкомъ шесть недѣль. Замѣчательно, что, по народному преданію, по улицамъ кровь текла рѣками, и Волховъ былъ запруженъ трупами.

разореннымъ и пустымъ; Іоаннъ возвратился съ войскомъ и съ ливонскими плѣнниками въ Москву. На дорогѣ приказалъ онъ своимъ ратнымъ начальникамъ и офицерамъ тащить силою изъ городовъ и деревень, на разстояніи пятидесяти миль кругомъ, народъ всякаго званія: дворянъ, монаховъ, поселянъ старыхъ и малыхъ, купцовъ съ ихъ семьями, имуществомъ и скотомъ, и гнать сплошь на поселеніе въ обширный и разоренный Новгородъ, подвергая ихъ новому роду смерти, потому что многіе изъ нихъ умирали отъ моровой язвы, возникшей отъ зараженнаго и вреднаго воздуха. Но тщетно старались населить Новгородъ, хотя и высылали туда на жительство множество людей различнаго возраста изъ отдаленныхъ городовъ и мѣстъ. Всѣ упомянутыя звѣрства породили такую общую ненависть, уныніе и столько бѣдствій во всемъ государствѣ, что многіе искали средствъ уничтожить тирана; но онъ всегда открывалъ заговоры и измѣну, возводилъ въ благородное званіе и оказывалъ покровительство всякому сброду, распущенной военщинѣ, какую только могъ выкопать на поруганіе высшему дворянству [1]). Раздѣливъ добычу, Іоаннъ размѣстилъ свои сокровища и скарбъ частью въ Москвѣ, частью въ укрѣпленныхъ и безопасныхъ монастыряхъ, и затѣмъ проводилъ бóльшую часть времени, посылая своихъ воиновъ обирать, грабить и убивать высшее дворянство и лучшихъ изъ своихъ купцовъ и подданныхъ. Ожесточилъ онъ и пріучилъ къ крови свои руки и сердце, и обрекалъ онъ на самую ужасную постыдную смерть и пытки низкій, раболѣпный, лишенный всякой доблести народъ. Не довѣряя вѣрности недавно покоренныхъ татаръ, онъ размѣстилъ ихъ гарнизонами по границамъ въ только-что завоеванныхъ городахъ и замкахъ Ливоніи и Швеціи. Опасаясь, кромѣ того, возмущенія внутри государства и, въ особенности, приближенія ратной силы своего давняго врага, скиоскаго хана (крымскаго царя), возбуждаемаго и подстрекаемаго, какъ ему казалось, его собственнымъ дворянствомъ и подданными, Іоаннъ собралъ со всѣхъ своихъ отдаленныхъ провинцій огромное войско, составленное изъ поляковъ, шведовъ и своихъ собственныхъ подданныхъ, сто тысячъ конницы и пятьдесятъ тысячъ пѣхоты (это онъ дѣлалъ также и для своей собственной безопасности, имѣя вполнѣ основательный поводъ для боязни), на встрѣчу и оборону противъ крымскаго хана, который готовился напасть на его области. Въ это время Іоаннъ развелся съ своей женой черкешенкой [2]), постригъ ее въ монахини,

[1]) Горсей говоритъ здѣсь объ опричинѣ.

[2]) Марія, черкесская княжна, умерла въ сентябрѣ 1569 г. Іоаннъ вовсе не разводился съ нею. Третья жена его была Марѳа Собакина, дочь новгородскаго купца, избранная за свою красоту изъ числа 2000 молодыхъ дѣвицъ, собранныхъ со всѣхъ частей государ-

отправилъ въ монастырь и выбралъ себѣ въ жены изъ многихъ своихъ подданныхъ Наталью, дочь князя Ѳедора Булгакова, главнаго воеводы, человѣка, пользовавшагося большимъ довѣріемъ и опытнаго на войнѣ [1]). Но вскорѣ этотъ вельможа былъ обезглавленъ, а дочь его черезъ годъ пострижена въ монахини. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что крымскій ханъ уже вышелъ въ поле,—извѣстіе, страшное для Іоанна, но радостное для большинства князей и народа, жившаго въ трепетѣ и угнетеніи. Богу было угодно допустить, чтобъ этотъ нечестивый народъ, который жилъ и утопалъ въ глубочайшемъ развратѣ и вопіющихъ содомскихъ грѣхахъ, потерпѣлъ справедливое наказаніе и мученія отъ тираніи такого кровожаднаго царя. Богъ, говорю я, назначилъ время своего высочайшаго правосудія и страшнаго мщенія, въ назиданіе всѣмъ поколѣніямъ, властелинамъ и народамъ. Скиѳскій царь [2]), пользуясь обстоятельствами, вошелъ въ предѣлы Россіи и расположился съ 200-тысячнымъ войскомъ одной конницы, на 50-ти верстахъ въ окружности, по берегамъ рѣки Оки, ставъ лицомъ къ сотнѣ тысячъ храбрыхъ воиновъ и начальниковъ Іоанна Васильевича, которые крѣпко охраняли броды, съ значительною артиллеріею, боевыми и съѣстными запасами, большимъ количествомъ людей и оружія. Обнадеженные секретнымъ предувѣдомленіемъ [3]), татары рѣшились переплыть черезъ рукавъ рѣки и переправились безъ отпора. Царскія же войска не осмѣлились двинуться (за нарушеніе наказа казнили смертью) за предѣлы 25-верстнаго пространства, указаннаго имъ для защиты отъ непріятеля, какія бы выгоды ни представлялись поступить иначе.—Между тѣмъ, непріятель, перейдя на другую сторону рѣки, не расположился тамъ, но поспѣшилъ къ Москвѣ и былъ уже въ 90 верстахъ отъ мѣста, гдѣ царь считалъ себя безопаснымъ. Но, какъ только непріятель приблизился къ великолѣпному городу Москвѣ, русскій царь бѣжалъ, въ самый день Вознесенія, съ двумя сыновьями, сокровищами, слугами, тѣлохранителями и 20 т. стрѣльцовъ къ укрѣпленному монастырю Троицѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы. Непріятель зажегъ высокую колокольню Св. Ивана; въ эту минуту поднялась ужаснѣйшая буря, отъ которой загорѣлись всѣ церкви, дома и палаты въ городѣ и предмѣстьяхъ.

ства. Бракосочетаніе праздновалось 28 октября 1571 г., но за свадьбою вскорѣ послѣдовала смерть молодой; она скончалась 13 ноября.

[1]) Извѣстіе это невѣрно. Послѣ смерти Марѳы Собакиной Іоаннъ женился на Аннѣ Колтовской, 1572 г., развелся съ нею и женился, 1573 г., на Марѳѣ Долгоруковой, которую утопилъ на другой день брака.

[2]) Вторженіе въ Россію Девлетъ Гирея, хана крымскаго, произошло въ 1571 г.

[3]) Татарамъ помогалъ тогда, между прочимъ, атаманъ разбойничьей шайки, Кудеяръ, татаринъ происхожденіемъ, знаменитый въ народныхъ преданіяхъ.

на 30 верстахъ въ окружности, построенные большею частью изъ сосноваго и дубоваго лѣса. Все обратилось въ пепелъ; въ теченіе шести часовъ погибло нѣсколько тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; одни сгорѣли, а другіе задохлись въ дымномъ воздухѣ въ каменныхъ церквахъ, монастыряхъ подъ сводами и въ подвалахъ; очень немногіе спаслись въ трехъ обнесенныхъ стѣнами крѣпостяхъ и внѣ ихъ. Рѣка и рвы около Москвы наполнились множествомъ народа, нагруженнаго золотомъ, серебромъ, драгоцѣнностями, шейными цѣпями, серьгами, браслетами и сокровищами, который бросался туда для спасенія, высовывая одну голову изъ воды.

Несмотря на это, нѣсколько тысячъ людей сгорѣло, а другіе потонули, такъ что вода не могла течь отъ мертвыхъ труповъ, какъ ни старались ее прочистить въ теченіе послѣдующихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Пережившіе это бѣдствіе москвичи и пришельцы изъ другихъ городовъ и мѣстъ послѣ того каждый день искали, рылись и ловили неводомъ кольца, драгоцѣнности, блюда, мѣшки съ золотомъ и серебромъ; многіе этимъ обогатились. По городскимъ улицамъ, въ церквахъ, погребахъ и лавкахъ грудами валялись трупы задохшихся, такъ что долго спустя нельзя было проходить мимо отъ вредныхъ испареній и зловонія. Крымскій царь съ своимъ войскомъ потѣшался зрѣлищемъ грандіознаго пожара, помѣстившись въ красивомъ монастырѣ на берегу рѣки, въ 5 верстахъ разстоянія отъ города, именуемомъ Симоновымъ; онъ ограбилъ богатства этого монастыря и тѣхъ, которые тамъ спасались отъ пожара. Хотя татары лишились лучшей добычи, сгорѣвшей внутри города, но достигли своей цѣли, и ушли обратно съ толпою плѣнниковъ, нагруженные награбленнымъ, избѣгая встрѣчи съ русскимъ войскомъ у Серпухова. Они увернулись отъ него, переправясь черезъ рѣку, и пошли назадъ прежнею дорогою.

Русскій царь бѣжалъ все дальше съ двумя сыновьями и казною въ значительный городъ, называемый Вологдою, за 500 верстъ отъ Москвы, гдѣ считалъ себя въ большей безопасности. Постигшее его великое несчастіе поразило и ужаснуло Іоанна; онъ созвалъ царскій совѣтъ и пригласилъ на него митрополитовъ, епископовъ, духовенство, князей и важнѣйшихъ изъ дворянъ. Но тотчасъ по уходѣ непріятеля царь, распустивъ войско, не сдѣлавшее за него ни одного удара непріятелю, пыталъ, терзалъ и мучилъ многихъ изъ воеводъ и главныхъ военачальниковъ; нѣкоторыхъ казнилъ смертью, конфисковалъ ихъ имущества и земли, истреблялъ ихъ роды, семьи. Затѣмъ, онъ принялся за возобновленіе и распланировку города Москвы: это была для него очень трудная работа, относительно которой онъ много совѣщался съ приближенными.

Въ это время сильный врагъ Іоанновъ, Чигалей Мурза [1]), отправилъ къ нему посла, въ сопровожденіи многихъ мурзъ и дворянъ. По своему обыкновенію, ѣхали они на породистыхъ лошадяхъ, одѣтые въ овчинныхъ кафтанахъ съ поясами и въ такихъ же черныхъ шапкахъ, съ луками, стрѣлами и вычурными дорогими саблями на боку. Пословъ помѣстили подъ стражею въ темныхъ комнатахъ; вонючее лошадиное мясо и вода были имъ пищею; не давали имъ ни хлѣба, ни пива, ни постели. Когда пришло время дать имъ аудіенцію, съ ними дурно обошлись, обезчестили ихъ; а они все переносили, пыхтѣли и выказывали презрѣніе. Царь сидѣлъ во всемъ царскомъ великолѣпіи; передъ нимъ было три короны; его окружали князья и бояре; онъ приказалъ снять съ посла овчинное платье и шапку и надѣть на него затканную золотомъ одежду и богатую шапку. Посолъ былъ доволенъ этимъ; его допустили къ царю; но когда спутниковъ его поставили за желѣзную рѣшетку, которая раздѣляла ихъ отъ царя, то посланникъ пришелъ въ ярость, заговорилъ дикимъ, глухимъ голосомъ, смотрѣлъ гордо и свирѣпо. Четыре капитана царской стражи подвели его къ царскому престолу. Посланникъ, безобразнѣйшая тварь, грубо брякнулъ слѣдующую рѣчь: «Его государь и господинъ Чигалей (Девлетъ Гирей), великій государь всѣхъ государствъ и ханствъ, послалъ спросить своего вассала, Ивана Васильевича, по милости его великаго князя всея Руси: какъ ему понравилось ханское нерасположеніе, показанное огнемъ, мечемъ и голодомъ? Теперь ханъ посылаетъ ему слѣдующее утѣшеніе (при этомъ онъ вынулъ дрянной, простой ножъ): пусть царь перерѣжетъ себѣ горло!» Посла поспѣшно вывели изъ комнаты безъ отвѣта и хотѣли отнять у него пожалованное платье и шапку; но онъ и его спутники отбивались такъ мужественно, что не допустили до этого. Отправивъ пословъ на прежнее мѣсто, царь впалъ въ такую тоску, что послалъ за своимъ духовникомъ и въ бѣшенствѣ рвалъ на себѣ волосы и бороду. Главный военачальникъ просилъ у его величества позволенія изрубить всѣхъ татаръ въ куски. На это царь ничего не отвѣчалъ. Продержавъ еще нѣсколько времени посла, съ которымъ обращались послѣ этого немного лучше, Іоаннъ отправилъ его обратно съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Скажи этому язычнику, невѣрному твоему господину, что не онъ меня поразилъ, а Богъ за грѣхи мои и моего народа противъ Господа и Христа далъ ему, сатанинскому отродію, власть и возможность быть орудіемъ моего наказанія; но не сомнѣваюсь въ томъ, что Его же милостію и благодатью отомщу ему и сдѣлаю его своимъ вассаломъ; скажи, что я сильно

[1]) Девлетъ Гирей.

желаю этого». Посолъ отвѣчалъ на это, что «не намѣренъ оказывать ему такой большой услуги, выполнивъ для него подобное порученіе». Тогда царь, немного времени спустя, отправилъ въ Крымъ посломъ умнаго и благороднаго дворянина Аѳанасія Ѳеодоровича Нагого, котораго тамъ задержали; и онъ въ теченіе семи лѣтъ претерпѣлъ много лишеній и бѣдъ [1]).

Царю было непріятно вернуться въ Москву; но онъ послалъ за важнѣйшими купцами, ремесленниками и торговыми людьми изо всѣхъ городовъ и посадовъ своего государства, чтобы они отстроили вновь столицу, поселились тамъ и вели торговлю, и, снявъ съ нихъ всякіе налоги, освободилъ отъ пошлинъ, заставилъ семь тысячъ каменщиковъ приняться за сооруженіе красивой каменной стѣны кругомъ всей Москвы. Стѣна эта была окончена въ теченіе четырехъ лѣтъ: она была выстроена крѣпко и красиво и снабжена хорошими мѣдными орудіями. Іоаннъ посадилъ въ Москвѣ своихъ чиновниковъ, судей и правителей на такихъ же основаніяхъ, какъ и прежде; самъ же онъ жилъ больше въ Вологдѣ на берегахъ Двины [2]) и въ Александровской слободѣ; часто бесѣдовалъ съ Елисеемъ Бомеліемъ [3]), своимъ докторомъ, выписалъ изъ Англіи искусныхъ строителей, архитекторовъ, плотниковъ, столяровъ и каменщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, врачей, аптекарей и т. п. съ тайною цѣлью, которая скоро обнаружилась: онъ построилъ каменный домъ для казны, большія лодки и баржи, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, перевезти свои сокровища въ Соловецкій монастырь на Сѣверномъ морѣ, по которому шелъ прямой путь въ Англію. Онъ обиралъ своихъ купцовъ, вымѣнивая ихъ товары у иностранцевъ на затканныя золотомъ одежды, талеры, жемчугъ, драгоцѣнности и т. д., которые постоянно забиралъ въ свою казну, платя мало или совсѣмъ ничего; занималъ также большія суммы у городовъ, посадовъ и монастырей, истощалъ ихъ богатства большими налогами и податями для увеличенія своихъ собственныхъ доходовъ. И сталъ Іоаннъ всѣмъ такъ ненавистенъ и привелъ себя въ такія отчаянныя условія, что задумывалъ устранить бѣду и измѣнить свое положеніе. Чтобъ уничтожить послѣдствія всего этого, онъ жертвовалъ собственной короной, и раздѣлилъ города, должности и подданныхъ на двѣ части: одну часть назвалъ опричиной, другую—земщиной. При этомъ онъ установилъ новаго государя, именуемаго Симеономъ, сына казанскаго царя; самъ же отказался отъ царскаго титула и, уступивъ Симеону вѣнецъ и всю связанную съ нимъ власть, короновалъ

---

[1]) Аѳанасій Нагой прежде нашествія Девлетъ Гирея былъ посломъ въ Крыму.

[2]) Вологды, притока Двины.

[3]) Врачъ изъ Везеля въ Вестфаліи, см. о немъ извѣстіе у Hamel's «England and Russia», p.p. 202—205.

его, но безъ всякаго торжества и безъ согласія бояръ; затѣмъ приказалъ своимъ подданнымъ обращаться къ нему съ своими дѣлами, просьбами и исками. Всѣ грамоты, привилегіи, указы и акты были переименованы и вновь обнародованы за подписью и печатью новаго царя; во всѣхъ судахъ производились дѣла его именемъ, били монету, получались подати, судныя пошлины и опредѣленные доходы на содержаніе его дома, чиновниковъ и слугъ. Онъ становился отвѣтственнымъ за прежніе долги; ему же подвѣдомственны стали всѣ дѣла, касающіяся управленія казною. Симеонъ сидѣлъ въ царственномъ величіи, а прежній царь Иванъ Васильевичъ приходилъ къ нему, билъ челомъ и приказывалъ дѣлать то же своимъ митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ, боярамъ и должностнымъ лицамъ: ему должны были представляться всѣ посланники;—нѣкоторые однако отказались отъ этого. Симеонъ былъ женатъ на дочери князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, царской крови. Когда дѣла такимъ образомъ повернулись и измѣнились, прежній настоящій царь не захотѣлъ признавать никакихъ своихъ прежнихъ долговъ; уставныя грамоты, привилегіи городамъ и монастырямъ стали недѣйствительны. Духовенство, дворянство и купечество принуждены были просить Ивана Васильевича соблаговолить снова принять на себя корону и управленіе на многихъ условіяхъ и засвидѣтельствованныхъ постановленіяхъ, по особому уставу, съ торжественнымъ посвященіемъ на царство вновь. Онъ удовлетворился: всѣ сколько-нибудь достаточные люди обязаны были поднести ему огромное количество даровъ и подношеній, составившихъ при оцѣнкѣ значительное сокровище. Онъ сталъ свободенъ отъ всѣхъ старыхъ долговъ и какихъ бы то ни было обязательствъ. Скучно разсказывать подробности этой трагедіи. Всѣ хитрости Іоанна открылись бы окончательно, и онъ очутился бы въ безвыходномъ положеніи, если бы онъ продолжалъ такъ дѣлать немного долѣе, но, къ счастью для него, онъ былъ снова облеченъ въ прежнее statu quo prius.

Пожалованныя привилегіи, самосудныя грамоты, льготы городамъ, монастырямъ, дворянамъ и купцамъ были написаны заново. Получивъ за нихъ большія деньги, Іоаннъ послалъ татарское войско, подъ начальствомъ собственныхъ полководцевъ, завоевать вновь, какъ онъ выражался, города въ Ливоніи, которые король Стефанъ недавно отнялъ у него, и предложилъ въ супружество герцогу Магнусу дочь своего брата, князя Андрея [1]).

---

[1]) Магнусъ, герцогъ голштинскій, братъ Фридриха, датскаго короля, прельстился дальновидными предложеніями Ивана Васильевича сдѣлаться орудіемъ его политическихъ замысловъ. Въ 1570 году онъ былъ обрученъ съ Евфиміею, дочерью князя Владиміра Андреевича—двоюроднаго брата Іоанна. Супружеству этому помѣшала смерть княжны; мѣсто ея заступила сестра ея, Марія, съ которою Магнусъ и сочетался въ апрѣлѣ 1573 года.

Іоаннъ послалъ за этимъ братомъ въ его провинцію Вагу; онъ считалъ его своимъ соперникомъ, такъ какъ самъ своими тиранствами возбудилъ къ себѣ ненависть подданныхъ, а братъ его, князь Андрей [1]), пріобрѣлъ ихъ горячее расположеніе. Іоаннъ хорошо это видѣлъ. Когда князь Андрей явился въ его присутствіе и кланялся ему въ ноги, то Іоаннъ поднялъ его и поцѣловалъ. «О! жестокій братъ!» сказалъ тотъ (какъ гласитъ исторія) со слезами: «Это Іудинъ поцѣлуй, ты послалъ за мною не на добрый конецъ. Дѣлай свое!» И съ этими словами ушелъ.—На другой день онъ скончался и былъ торжественно погребенъ въ Михайловскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Супружество Магнуса должно было имѣть важныя послѣдствія, по отношеніямъ къ иностранной помощи. Герцогъ Магнусъ былъ старшій сынъ Христіана, герцога голштинскаго, рожденный прежде, чѣмъ отецъ его былъ избранъ королемъ датскимъ. Король Фридрихъ родился послѣ него. Между двумя братьями возникли вражда и несогласія. Магнусъ принужденъ былъ вымѣнять у Фридриха за голштинское герцогство островъ Эзель и право на Ревель и Ригу, оспариваемое также шведскимъ королемъ, вмѣстѣ со многими другими городами и замками въ Ливоніи, которые у обоихъ отнялъ русскій царь. Съ этимъ Магнусомъ заключилъ Іоаннъ союзъ и отдалъ за него свою племянницу Елену [2]); въ приданое за нею предоставилъ ему всѣ свои доходы, города, замки и земли въ Ливоніи, ввелъ его во владѣніе этою страною и назвалъ королемъ. При этомъ онъ далъ ему сто хорошихъ лошадей съ приличною сбруею, двѣсти тысячъ рублей деньгами (что̀ составляло 600.000 талеровъ), много золотой и серебряной посуды, блюдъ, дорогихъ каменьевъ и вообще богатой утвари. Іоаннъ одарилъ также щедро всѣхъ его спутниковъ и слугъ, проводилъ названнаго короля съ королевой и послалъ съ ними множество бояръ и боярынь на двухъ тысячахъ лошадяхъ, которыя должны были безопасно доставить ихъ въ назначенную имъ резиденцію и водворить въ ихъ владѣніяхъ въ большомъ ливонскомъ городѣ Дерптѣ.

Я боюсь слишкомъ наполнить свое повѣствованіе, если буду говорить подробнѣе, и потому разскажу остальное на своемъ мѣстѣ впослѣдствіи, а теперь перейду прямо къ жизнеописанію царя.

Вмѣсто союза и дружбы съ королями датскимъ и шведскимъ, чего онъ такъ искалъ, послѣдовали войны, и оба надѣлали ему много бѣдъ. Польскій король отнялъ у него Нарву и осадилъ Псковъ [3]), два важнѣйшіе

[1]) Владиміръ Андреевичъ—двоюродный братъ Іоанна.

[2]) Она называлась, какъ выше сказано, Марія.

[3]) Псковъ не былъ взятъ королемъ Стефаномъ, который всю зиму стоялъ подъ этимъ городомъ.

торговые пункта, какіе у него были въ этихъ краяхъ; а датскій и шведскій короли вступили въ его земли, такъ какъ оба домогались овладѣть нѣкоторыми территоріями на сѣверномъ берегу: Вардгузою, Колою, Соловецкимъ и пр. Они хотѣли отнять у Іоанна его пошлины и торговлю; и дѣлали попытки останавливать и разорять англійскихъ купцовъ на ихъ пути для рыболовства на сѣверныхъ берегахъ и торговли у св. Николая и Холмогоръ.

Царь Иванъ Васильевичъ въ это время велѣлъ созвать всѣхъ самыхъ красивыхъ дочерей бояръ и знатныхъ людей со всего государства и выбралъ изъ нихъ жену для своего старшаго сына, царевича Іоанна. Ея имя было Наталья; она была дочь воеводы Ивана Шереметьева, человѣка хорошей фамиліи [1]).

Большіе праздники и торжества сопровождали это бракосочетаніе и стоятъ того, чтобы ихъ описать; но это не относится къ настоящему нашему повѣствованію.

Царь жилъ въ большой тревогѣ и страшился измѣнъ и заговоровъ противъ себя; каждый день онъ открывалъ ихъ и проводилъ много времени въ розыскахъ, пыткахъ и казняхъ своихъ родовитыхъ военачальниковъ и сановниковъ, которыхъ считалъ противъ себя злоумышленниками. Князь Иванъ Куракинъ [2]), бывшій воевода въ Венденѣ, укрѣпленномъ городѣ Ливоніи, за то, что, какъ говорили, былъ пьянъ тогда, когда король Стефанъ осадилъ этотъ городъ, былъ раздѣтъ до-нага, привязанъ къ телѣжкѣ и прогнанъ черезъ рынокъ шестью проволочными плетьми, которыя перерѣзали ему спину, животъ и внутренности до смерти. Другой, сколько помнится, назывался Иванъ Обросимовъ [3]), былъ онъ у него конюшимъ: его повѣсили голаго на висѣлицѣ за пятки, внизъ головою, и четыре палача рѣзали ему ножами кожу и тѣло на маленькіе куски. Одинъ изъ палачей, утомленный долгою рѣзнею, всадилъ несчастному ножъ во внутренности, чтобы скорѣе покончить съ нимъ;—его тотчасъ повели на другое мѣсто и отрубили руку; и такъ какъ ее залечили дурно, то онъ и умеръ на другой день. Многимъ другимъ размозжили головы; иные были брошены въ пруды и озера близъ Слободы; ихъ тѣла послужили пищею огромнымъ щукамъ, карпамъ и другимъ рыбамъ, которыя отъ этой пищи такъ откармливались,

[1]) Евдокія Богдановна Сабурова.

[2]) Петръ Андреевъ убитъ въ 1575 году. Иванъ Андреевъ—въ 1567.

[3]) Трудно рѣшить, чье имя измѣнилъ здѣсь, по невѣдѣнію, Горсей; если онъ слышалъ о смерти конюшаго, то это долженъ быть Иванъ Ѳедоровъ, замученный въ 1567 году, или, можетъ быть, Горсей ошибочно назвалъ конюшимъ такое лицо, которое не носило этого званія и вдобавокъ исказилъ его прозвище.

какъ не могли бы ни отъ какой другой. Это была настоящая долина Геэны или Тофета, гдѣ невѣрные египтяне [1]) приносили въ жертву своихъ дѣтей безобразнымъ діаволамъ. Князь Борисъ Телюпа [2]), временщикъ того времени, уличенный въ измѣнѣ противъ царя и сношеніяхъ съ недовольнымъ дворянствомъ, былъ посаженъ на высокій колъ, заостренный такъ, что онъ прошелъ черезъ все туловище и конецъ его вышелъ въ затылкѣ. Въ такомъ положеніи князь Борисъ томился въ ужаснѣйшихъ мукахъ въ теченіе пятнадцати часовъ и говорилъ съ княгиней, своею матерью, которую нарочно привели смотрѣть на это ужасное зрѣлище. Эта достойная почтенная женщина, послѣ такого горя, была отдана цѣлой сотнѣ тѣлохранителей, которые изнасиловали ее до смерти одинъ за другимъ; ея распухшее и обнаженное тѣло лежало на площади, и псарямъ приказано было напустить на него голодныхъ собакъ, которыя разнесли по кускамъ мясо и кости. Царь видѣлъ все это и сказалъ: «Вотъ какой почести я удостоилъ ихъ и вотъ что̀ я дѣлаю съ измѣнниками». Близкіе князю и слуги его горько оплакивали его несчастіе и внезапную перемѣну судьбы. Я бы могъ перечислить еще многихъ, испытавшихъ такую же суровость и жестокость тяжелой руки царскаго гнѣва, но удерживаюсь возмущать скромный слухъ и христіанское терпѣніе моихъ читателей.

Главное наслажденіе царя, котораго руки и сердце были обагрены кровью, заключалось въ томъ, чтобы выдумывать новыя мученія, пытки и смертныя казни надъ тѣми, на которыхъ онъ гнѣвался или которыхъ наиболѣе подозрѣвалъ, именно надъ тѣми изъ своего дворянства [3]), которые пользовались наиболѣе довѣріемъ и любовью его подданныхъ. Онъ оказывалъ особенную милость свирѣпой военщинѣ и разному сброду, чтобы этимъ оскорблять дворянъ и производить раздоръ. Дѣйствительно, раздоръ и соперничество возрастали такъ между дворянами, что они не смѣли довѣрять одинъ другому и не могли сговориться, какъ бы его, тирана, погубить или свести съ престола, хотя этого всѣмъ хотѣлось. Іоаннъ видѣлъ это, зналъ, что каждый новый день угрожаетъ болѣе прежняго дня его безопасности, и, не зная, какъ ему избѣгнуть и уйти отъ бѣды, совѣщался съ Елисеемъ Бомеліемъ, о которомъ сказано выше, хитрымъ обманщикомъ, англійскимъ врачемъ, извѣстнымъ математикомъ, «магикомъ»; разспрашивалъ: сколько лѣтъ отъ роду королевѣ Елизаветѣ и какой успѣхъ можно имѣть,

[1]) Авторъ смѣшиваетъ египтянъ съ финикіянами.

[2]) Князь Борисъ Давидовичъ Тулуповъ казненъ въ 1575 году.

[3]) Слово «дворянинъ» здѣсь употребляется въ смыслѣ благороднаго сословія (nobillity), а не въ смыслѣ отдѣла служилыхъ людей, въ какомъ принималось оно въ Московскомъ государствѣ.

если бы Бомелій сдѣлался передъ нею посредникомъ за него [1]). Этому не благопріятствовали обстоятельства; Іоаннъ самъ имѣлъ двухъ женъ въ живыхъ; много королей и великихъ принцевъ крови искали руки Ея Величества и не могли получить; однако онъ считалъ свою особу по мудрости, величію, богатству выше другихъ, и хотѣлъ попытаться; а свою послѣднюю жену-царицу рѣшилъ постричь въ монахини и заставить жить такъ, какъ бы она была уже умершею для свѣта. Сверхъ того, какъ упомянуто выше, у него было на умѣ, въ случаѣ крайности, избрать Англію наиболѣе безопаснымъ убѣжищемъ для себя [2]). Для этого онъ построилъ и приготовилъ много большихъ судовъ, просторныхъ баржъ и лодокъ въ Вологдѣ, перевезъ туда большую часть своихъ сокровищъ, чтобы, сложивъ на суда, отправить внизъ по Двинѣ, а оттуда неожиданно на англійскихъ корабляхъ въ Англію, оставивъ своего старшаго сына, царевича Іоанна, управлять и успокоить его потрясенное государство. Въ этомъ предположеніи, царь приказалъ собрать новыя сокровища, чтобы оставить ихъ сыну и лучше утвердить его могущество послѣ себя. Теперь онъ задумалъ исполнить то, о чемъ прежде помышлялъ; собралъ знатнѣйшихъ архимандритовъ и игуменовъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ монастырей и святыхъ обителей въ своемъ государствѣ и сказалъ, что «онъ теперь сообщитъ, что̀ имъ уже хорошо извѣстно, а именно: онъ потратилъ большую часть своего времени, умъ, силы и здоровье въ войнахъ за ихъ достояніе и безопасность, охраняя и защищая государство и народъ; имъ, какъ и многимъ другимъ, не безъизвѣстно, какъ много опасностей и смятеній онъ перенесъ; какъ они, для которыхъ онъ столько трудился, пожинали плоды этихъ благодѣяній. Вслѣдствіе этого, у него сокровищница истощилась, а у нихъ наполнилась; ихъ безопасность, миръ и спокойствіе ограждены, а его—нарушены; и каждый день онъ подвергается опасностямъ отъ иноземныхъ враговъ и отъ злоумышленій внутреннихъ и внѣшнихъ, которыя онъ очень близко принимаетъ къ сердцу, какъ это имъ извѣстно. Можетъ ли онъ долѣе оставаться безъ существенной помощи отъ нихъ? Готовность ихъ будетъ оселкомъ и ихъ вѣрности, и благочестія, которое ослабѣло. Молитвы ихъ не дѣйствительны—за ихъ ли собственныя неправды, или за грѣхи царя и всего народа,—онъ оставляетъ рѣшить это

---

[1]) Повидимому, Антоній Дженкинсонъ въ 1568 г. дѣйствительно получилъ отъ Іоанна секретное порученіе о сватовствѣ съ королевой Елизаветою. (См. Hamel, p. 179).

[2]) Мысль объ убѣжищѣ въ Англіи появилась у Іоанна еще въ 1567 г. Въ 1569 онъ отправилъ Андрея Савина къ королевѣ Елизаветѣ, чтобы дать ей знать о своемъ намѣреніи; королева письменно отвѣчала ему на это, обѣщая дружескій пріемъ и свободу вѣроисповѣданія. (См. Карамзина, т. IX, ст. 68, 1620).

божественной премудрости. Польза отъ ихъ благомыслія и подвиговъ можетъ быть въ томъ случаѣ, если они пополнятъ казну изъ ихъ безпредѣльнаго изобилія: и вотъ вопіющая необходимость и печальное состояніе народа требуютъ теперь доказательства ихъ благочестія. Это повелѣваютъ имъ души ихъ покровителей и вкладчиковъ, святыхъ и блаженныхъ чудотворцевъ, во искупленіе ихъ собственныхъ душъ отъ грѣховъ. Пусть же они приготовятъ свои помышленія къ святой рѣшимости, безо всякихъ кривотолковъ и увертливыхъ отказовъ .

Было созвано великое со всѣхъ провинцій собраніе въ консисторіи св. Духа и, изъ опасенія заговоровъ, приказано произнести присягу на вѣрность въ Москвѣ. Послѣ долговременныхъ преній, представленія и доводы собранія были подробно изложены и описаны въ актѣ и поданы царю на разсмотрѣніе. У царя были лживые соглядатаи, которые ему обо всемъ доносили. Онъ не хотѣлъ слышать никакихъ извиненій; и въ это время, какъ громомъ, поразилъ ихъ своими царственными угрозами, на которыя навели его тайные подстрекатели. Онъ призвалъ къ себѣ сорокъ знатнѣйшихъ и особенно настойчивыхъ духовныхъ сановниковъ и настоятелей, и говорилъ имъ, что они слишкомъ долго толкуютъ о подробностяхъ дѣла: Мы извѣщены о вашихъ совѣщаніяхъ и о томъ, на что вы рѣшились; вы оказываетесь самыми главными изъ вашихъ развратныхъ соумышленниковъ. Трогательное извѣщеніе о бѣдствіяхъ государства и нуждахъ моего народа, о печальномъ исходѣ моихъ дѣлъ не возбудило въ васъ ни малѣйшаго сожалѣнія и не смягчило васъ. Что же мы воздадимъ вамъ за все? Дворянство и народъ вопіютъ къ намъ со своими жалобами, что вы, для поддержанія своей іерархіи, присвоили себѣ всѣ сокровища страны, торгуете всякаго рода товарами, налагаете и берете мыта съ проѣзжихъ всякаго званія людей. Пользуясь привилегіями, вы не платите нашему престолу ни пошлинъ, ни военныхъ издержекъ; застращали робкую совѣсть благороднѣйшаго, лучшаго и полезнѣйшаго класса нашихъ подданныхъ и захватили себѣ въ собственность третью часть, какъ оказывается, городовъ, посадовъ и деревень нашего государства вашею хитростью, волшебствомъ и знахарствомъ. Вы покупаете и продаете души нашего народа. Вы ведете жизнь самую праздную, утопаете въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ: дозволяете себѣ ужаснѣйшіе грѣхи, вымогательства, взяточничество и непомѣрные росты. Ваша жизнь изобилуетъ кровавыми и вопіющими грѣхами: грабительствомъ, обжорствомъ, праздностью, содомскимъ грѣхомъ; вы хуже, гораздо хуже скотовъ. Ваши молитвы не могутъ быть полезны ни мнѣ, ни моему народу. Много мы должны отвѣчать передъ Богомъ за то, что терпимъ вашу жизнь, и за то, что многихъ болѣе до-

стойныхъ попустили умереть вмѣсто васъ. Богъ да проститъ мнѣ пристрастіе къ вамъ. Развѣ недавно папа, черезъ посредство своего нунція, присмотрѣвшагося внимательно къ вамъ, не предъявлялъ права имѣть первенство надъ вами и располагать вашими имѣніями, преимуществами и доходами? Развѣ греческая Церковь не требовала отъ насъ много разъ отмѣны вашего митрополитства чрезъ посредство Александрійскаго патріарха? Да, я часто былъ понуждаемъ вашими пороками заступаться и возстановлять права многихъ тысячъ моего древняго и бѣднѣйшаго дворянства, отъ предковъ которыхъ перешла къ вамъ большая часть доходовъ, которые, по справедливости, должны принадлежать имъ, потому что они жертвовали своею честью, жизнью и трудомъ за вашу безопасность и за ваше обогащеніе. Весь мой нѣкогда зажиточный народъ и подданные обѣднѣли черезъ ваши грабежи и діавольскіе обманы, тогда какъ вы бы должны были возстановлять и поддерживать цвѣтущее состояніе земства. Намъ подалъ благой примѣръ славной памяти англійскій король Генрихъ VIII. Ваши доходы далеко превышаютъ то, что обыкновенно вы можете истратить при вашемъ роскошномъ и расточительномъ образѣ жизни. Но такъ какъ мое дворянство и служилые люди чрезъ все это въ упадкѣ и наша казна истощена, то мы вынуждены, по тайному внушенію святыхъ душъ и чудотворцевъ, которыхъ вы испытываете, владѣя безчисленными сокровищами, которыя у васъ лежатъ на храненіи, какъ зарытый талантъ, и не употребляются на духовныя нужды. Именемъ ихъ, какъ равно именемъ душъ вкладчиковъ и благодѣтелей вашихъ, я заклинаю васъ и повелѣваю вамъ, чтобы вы въ назначенный день собрали (или иначе постигнетъ васъ кара и справедливое наказаніе отъ Бога, пожрутъ васъ дикіе звѣри лѣсовъ, которые исполнятъ судъ надъ вами, и вы умрете еще болѣе внезапною и ужасною смертью, нежели была та, какая постигла Ананію и Сапфиру) и доставили вѣрнѣйшій и точный инвентарь всѣхъ сокровищъ и годового дохода, получаемаго каждою вашею обителью отъ всего, что̀ за нею числится во владѣніи. Нужда не дозволяетъ никакихъ отсрочекъ, ни извиненій. Къ этому времени мы хотимъ собрать въ Думу (parliament) или нашъ царскій совѣтъ всѣхъ князей, бояръ, митрополитовъ, епископовъ, настоятелей, архимандритовъ и игуменовъ, чтобы они были судьями въ правдѣ ихъ душъ, насколько вопіющая нужда и польза требуютъ, чтобы массы вашихъ сокровищъ были употреблены на защиту нашего государства. Король польскій и литовскій, король шведскій и король датскій сговариваются между собою; наши мятежники сносятся съ Крымомъ. Пусть уши и очи здѣсь присутствующихъ будутъ свидѣтелями исполненія нашего долга передъ Богомъ и его ангелами, что мы побуждали васъ, именемъ

ихъ и бѣднаго разореннаго народа; ради его нуждъ, искупленія и сохраненія всѣхъ васъ, мы принуждены были усиленно ходатайствовать и умолять, чтобы вы во-время помогли его несчастному положенію тѣми средствами, которыя у васъ въ рукахъ».

Я говорю такъ подробно, заявляетъ авторъ, потому, что вопросъ, какъ вы видите, настолько важенъ по своимъ послѣдствіямъ, что вполнѣ заслуживаетъ ваше терпѣніе при чтеніи. Главные епископы, настоятели и игумены, часто въ эти времена собираемые и распускаемые, въ большомъ унынiи искали средствъ и придумывали вмѣстѣ съ недовольнымъ дворянствомъ, какъ бы поворотить дѣло и руководить оппозиціей. Но у нихъ не было главы или военачальника, который бы имѣлъ довольно смѣлости вести войско противъ такой могучей царской власти; у нихъ недоставало ни лошадей, ни оружія. Іоаннъ обратилъ въ свою пользу эти злоумышленія. Онъ объявилъ измѣнниками представителей знатнѣйшихъ дворянскихъ домовъ. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе ненавистными, онъ послалъ за двадцатью изъ нихъ, главныхъ зачинщиковъ обвинилъ въ самыхъ гнусныхъ, ужасающихъ преступленіяхъ и измѣнахъ, нашелъ явныя и очевидныя улики, обнародовавъ ихъ за истинныя и непреложныя, произнесъ сужденіе и, кромѣ того, приговорилъ къ казнямъ множество народа всякаго званія. Тутъ разыгралась своеобразная трагедія, требующая вашего терпѣливаго вниманія.

Царь приказалъ привести большихъ медвѣдей, дикихъ, свирѣпыхъ и голодныхъ изъ темныхъ погребовъ и клѣтокъ, хранимыхъ нарочно на случай такихъ увеселеній и забавъ, въ Слободу въ день св. Исаіи, въ пространное мѣсто, обнесенное высокою стѣною. Выведено было около семи главныхъ виновниковъ—толстыхъ жирныхъ чернецовъ, одного за другимъ, съ крестомъ и четками въ одной рукѣ, и при этомъ, по великой милости царя, въ другой рукѣ они держали копье въ пять футовъ длины для своей защиты. Выпустили дикаго медвѣдя,—и тотъ съ ревомъ и рычаніемъ сталъ кидаться на стѣну съ открытою пастью, заслыша жертву по чутью, приходя въ большую ярость отъ крика и возгласовъ въ народѣ, свирѣпо наскочилъ на одного чернеца, схватилъ и смялъ ему голову, туловище, внутренности, ноги и руки, какъ котъ мышенка, растерзалъ и платье въ куски, пока добрался до тѣла, крови и костей, и такъ сожралъ перваго чернеца, какъ свою добычу.

Медвѣдь былъ застрѣленъ пушкарями и разнесенъ на куски, въ видѣ забавы. Затѣмъ вывели второго чернеца и новаго медвѣдя, и остальныхъ — одного за другимъ; и такъ всѣ семь были съѣдены поочередно, какъ первый. Только одинъ, болѣе догадливый, повернулъ свое копье такъ ловко, что, всадивъ его въ землю, направилъ прямо на грудь медвѣдю, который

самъ наскочилъ на копье; медвѣдь былъ раненъ, оба легли на мѣстѣ; но чернецъ все-таки не избѣжалъ растерзанія. За свою доблесть онъ былъ причисленъ къ святымъ пережившими его собратіями Троицкаго монастыря. Забава эта была настолько же увеселительна для царя и зрителей, сколько ужасна и непріятна для всего сборища монаховъ, которые на этомъ мѣстѣ были одновременно созваны, какъ мы говорили. Изъ нихъ еще семь человѣкъ были приговорены къ сожженію. Митрополиты, епископы, монахи и братія всѣхъ монастырей, отправлявшіе различныя должности въ обителяхъ, собрались съ просьбами и челобитными, чтобы утишить и остановить дальнѣйшій гнѣвъ и ярость царя. Они принуждены были не только терпѣть это и просить его духовнаго отца объ отпущеніи ему грѣховъ, но и признать, что ненавистные чернецы были обличены въ совершеніи омерзительныхъ злодѣйствъ и преступленій, будто бы очевидно доказанныхъ, и потерпѣли кару за свои гнусныя дѣла по заслугамъ. При этомъ они должны были изъявить надежду, что это будетъ не только примѣромъ, но и послужитъ къ исправленію всѣхъ другихъ, принявшихъ на себя уставъ отреченія отъ міра [1]).—Упомянутые митрополиты, епископы, настоятели, архимандриты, игумены, казначеи и другія должностныя лица всѣхъ важнѣйшихъ монастырей мужскихъ и женскихъ и духовныхъ обителей, «именемъ всѣхъ ихъ отъ себя самихъ и отъ имени святыхъ зиждителей и святыхъ чудотворцевъ, отъ которыхъ они ведутъ свое начало и существованіе, равно отъ высокаго и милостиваго соизволенія царя, за котораго здравіе и благопоспѣшеніе они возсылаютъ къ св. Троицѣ свои благочестивые моленія и обѣты, они представляютъ его царскому величеству и повергаютъ передъ трономъ благости его—вѣрные и полнѣйшіе инвентари всѣхъ сокровищъ, денежной казны, посадовъ, земель и другихъ доходовъ, составляющихъ особое достояніе каждаго святого или основателя, который одарилъ ихъ и поручилъ ихъ надзору на вѣчное сохраненіе преемственно, для содержанія святыхъ учрежденій и обителей, въ надеждѣ и увѣренности, что святая душа его, въ память всѣмъ лѣтамъ, не

[1]) Объ одномъ изъ этихъ замученныхъ духовныхъ сохранилось извѣстіе во Псковской лѣтописи подъ 1575 годомъ: «Опалися царь на архіепископа Леонида и взя къ Москвѣ и санъ на немъ оборвалъ и въ медвѣдно обшивъ собаками затравилъ». Съ нимъ, по свидѣтельству Курбскаго, умерщвлено двое игуменовъ. Тогда же, какъ сообщаетъ Курбскій, замучены были Корнилій Псковопечерскій, ученикъ его Вассіанъ Муромцевъ и Өеодоритъ, просвѣтитель лопарей. Курбскій пишетъ, что они были раздавлены. Но Курбскій, какъ самъ сознается, писалъ объ этомъ по слухамъ; и сказаніе Горсея именно въ этомъ мѣстѣ имѣетъ значительную степень достовѣрности, такъ какъ Горсей въ то время жилъ близко описываемыхъ событій. Всѣ примѣры лютости Іоанновой, о которыхъ онъ говоритъ, относятся преимущественно къ осьмому десятилѣтію XVI в., а особенно къ 1575 году.

потерпить произвола и нарушенія того, что завѣщано ею въ свое время, съ тѣмъ, чтобы они отдавали отчетъ передъ св. Троицей, какъ и дѣлалось; въ противномъ случаѣ не благоугодно ли будетъ царю дать подлинное свидѣтельство. для обнародованія всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ".

Я, сколько могъ, перевелъ буквально этотъ многорѣчивый подлинникъ. Ласкательства предотвратили совершенное разореніе, но не могли измѣнить царской воли, потребовавшей отъ нихъ трехъ сотъ тысячъ стерлинговъ, что̀ онъ и получилъ (благодаря своей выдумкѣ), кромѣ многихъ округовъ, посадовъ, деревень, земель и недвижимостей. подъ предлогомъ болѣе достойнаго распоряженія ими. Хотя Іоаннъ и возбудилъ противъ себя еще больше зависти и неудовольствія, но успокоилъ этимъ многихъ недовольныхъ дворянъ. Въ то же время онъ возвысилъ и возвелъ въ благородное званіе большинство своихъ довѣренныхъ капитановъ и слугъ, чтобы они лучше служили его намѣреніямъ. Такой способъ дѣйствій и политика хотя достойны осужденія, но могутъ показаться наиболѣе извинительнымъ и менѣе опаснымъ насиліемъ, въ ряду другихъ его поступковъ [1]).

Эта выходка царя послужила къ увеличиванію постоянной сокровищницы его сына, безъ уменьшенія его собственной. Между тѣмъ онъ все посматривалъ и расчитывалъ на Англію. Его несмѣтная казна была уже наготовѣ. какъ и его умыселъ. Но посланникъ его Андрей Сафинъ [2]) не выполнилъ возложеннаго на него порученія, которое царь темно выразилъ ему изустно, а не осмѣлился передать, повидимому, на бумагѣ. Ни мистеръ Дженкинсонъ. ни Томасъ Рандольфъ въ своихъ частныхъ переговорахъ не начинали разговора объ этомъ предметѣ, хотя Іоаннъ ожидалъ этого и они ясно это видѣли. Самъ онъ не удержалъ однако своего намѣренія въ тайнѣ, и сынъ его. царевичъ Іоаннъ, его любимцы и бояре узнали объ этомъ. Царь, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, женился снова, уже на пятой женѣ, дочери Ѳедора Нагого [3]). Это была красивая молодая дѣвушка, благороднаго дома и знатной фамиліи: отъ нея онъ имѣлъ третьяго сына: Димитрія Іоанновича.

Между тѣмъ, царь занялся теперь успокоеніемъ своихъ недовольныхъ бояръ и простого народа; оставилъ всего два пѣшихъ войска и, притомъ,

---

[1]) Въ 1580 г. былъ соборъ, на которомъ постановлены были разныя ограниченія въ собственности духовенства; между прочимъ, отобраны въ царскую казну вотчины, бывшія нѣкогда княжескими. Вѣроятно, это дѣло велось прежде того нѣсколько лѣтъ, и царь, какъ показываетъ Горсей, разными насиліями принудилъ духовенство къ согласію.

[2]) Андрей Савинъ провожалъ посла Елисаветы Томаса Рандольфа въ 1569 году.

[3]) Иванъ сочетался бракомъ съ Маріею, дочерью Ѳедора Нагого, она была ему седьмая жена. Супружество это произошло въ 1580 году.

съ малыми издержками, такъ какъ его князья и бояре большею частью служили на собственномъ иждивеніи, а дворяне и дѣти боярскія получали извѣстные участки земель и ежегодное количество хлѣбнаго зерна и денегъ. Для этой цѣли была отчислена нѣкоторая часть доходовъ отъ конфискацій, грабежа и пошлинъ, и имъ положено было платить жалованье,—идутъ ли они на войну или нѣтъ; это дѣлалось безъ уменьшенія прямыхъ доходовъ короны. Одно войско состояло большею частью изъ татаръ, которыхъ онъ употреблялъ противъ польскаго и шведскаго королей, своихъ сосѣдей, за Ливонскій край, который онъ такъ варварски жестоко разграбилъ и опустошилъ въ свое прежнее завоеваніе. Другое войско, въ числѣ ста тысячъ конницы, состояло большею частью изъ его природныхъ подданныхъ, за исключеніемъ немногихъ поляковъ, шведовъ, датчанъ и шотландцевъ, и было употребляемо противъ крымскихъ татаръ, съ которыми обыкновенно шла война каждый годъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, въ продолженіе мая, іюня и іюля. Большую часть городовъ, завоеванныхъ въ Ливоніи, Іоаннъ потерялъ: ихъ отнялъ у него храбрый король Стефанъ Баторій. Но царь еще прежде перевелъ оттуда наиболѣе знатныхъ и богатыхъ жителей, причемъ совершались злодѣянія и тиранства, плачевно описанныя въ Ливонской исторіи. Прекрасна эта страна, текущая медомъ и млекомъ, обильная всѣми удобствами жизни, ни въ чемъ не имѣетъ недостатка; прекрасны тамъ женщины, и въ мірѣ не было народа болѣе гостепріимнаго; но онъ преданъ гордости, сластолюбію, праздности и удовольствіямъ; и за такіе грѣхи Богъ поразилъ и искоренилъ эту націю. Безчисленное множество народа было уведено въ плѣнъ и продано въ рабство въ Персію, Татарію, Турцію и отдаленныя части Индіи. Я былъ настолько счастливъ, что, по особой милости, купилъ и освободилъ многихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей изъ этого плѣннаго народа за малыя суммы денегъ, и, въ томъ числѣ, нѣсколькихъ купцовъ; мнѣ позволили отправить однихъ въ Ливонію, другихъ—въ Гамбургъ и Любекъ.

Съ другой стороны, король шведскій Іоаннъ черезъ своихъ генераловъ Лаврентія Форусбека и французскаго капитана Понтуса [1]) осадилъ Нарву съ моря и суши, и взялъ ее вмѣстѣ съ крѣпкимъ замкомъ Иванъ-городомъ, лучшимъ торговымъ морскимъ пунктомъ, причемъ не было произведено имъ особенныхъ жестокостей. Царскіе солдаты и войска, гораздо многочисленнѣе ихъ, вошли въ боевомъ строѣ далеко въ шведскую землю и

---

[1]) Георгъ Фаренсбекъ и Pont de la Garde. Послѣдній былъ отецъ знаменитаго Іакова, Понтусъ Делагарди, игравшаго важную роль въ эпоху Смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ. Нарва и Иванъ-городъ были взяты шведами въ 1581 г.

произвели тамъ много грабежей и разоренія, увели множество плѣнныхъ ливонцевъ, французовъ, шотландцевъ, датчанъ и нѣсколькихъ англичанъ, чтобы отправить ихъ въ далекія мѣста своего государства. Царь размѣстилъ и поселилъ значительную часть ихъ въ Москвѣ за городомъ. Я имѣлъ тогда доступъ при Дворѣ и былъ хорошо знакомъ и уважаемъ лучшими временщиками и должностными лицами того времени, и своимъ ходатайствомъ и посредничествомъ испросилъ имъ позволеніе построить себѣ церковь и много способствовалъ ея украшенію, а также доставилъ имъ ученаго проповѣдника. Каждое воскресеніе отправлялось у нихъ богослуженіе по лютеранскому вѣроисповѣданію и собирались митинги. Въ короткое время они освоились съ русскимъ народомъ, заслужили его расположеніе и жили мирно; но печалились, сожалѣя о потерѣ состоянія, друзей и отечества. Въ то время между плѣнниками другихъ націй было восемьдесятъ пять бѣдныхъ шотландскихъ солдатъ 700-го отряда, посланнаго изъ Стокгольма и, въ числѣ ихъ, трое англичанъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ другими въ такомъ печальномъ видѣ, что на нихъ было жалко смотрѣть. Я хлопоталъ за нихъ, и не только употреблялъ, какъ могъ, въ ихъ пользу свои усилія и кредитъ, но собственнымъ кошелькомъ, трудами и средствами доставилъ имъ возможность хорошо устроиться на Болвановкѣ, близъ Москвы. Хотя царь пылалъ яростью и гнѣвомъ противъ нихъ, мучилъ и осудилъ на жалкую смерть многихъ шведскихъ солдатъ, мнѣ удалось, однако, указать наглядно на различіе шотландцевъ—нынѣ его плѣнныхъ, и шведовъ, отъ поляковъ и литовцевъ—его враговъ: шотландцы—народъ иноземный, далекій, предпріимчивый, воинственный, готовый служить каждому христіанскому государю за содержаніе и жалованье; они и докажутъ это, если его величеству будетъ угодно употребить ихъ и упрочить за ними прежнее содержаніе, такъ какъ они теперь безъ службы, платья и оружія; они могли бы показать себя и свою храбрость противъ смертельныхъ враговъ его, крымскихъ татаръ. Повидимому, при Дворѣ отчасти воспользовались такимъ совѣтомъ, потому что вскорѣ лучшіе солдаты и воины изъ этихъ иностранцевъ были отобраны; а для начальства надъ остальными назначены капитаны,—надъ каждыми плѣнными изъ своей націи. Надъ шотландцами былъ поставленъ Дженни Лингеттъ, храбрый и честный человѣкъ. Имъ выдали деньги, платье и каждодневное содержаніе ѣдой и питьемъ; они получали также лошадей, сѣно, овесъ, а для вооруженія—ружья, мечи и пистолеты. Бѣдняки стали смотрѣть веселѣе. Тысячу двѣсти этихъ плѣнныхъ принесли гораздо бо́льшую помощь противъ татаръ, чѣмъ двѣнадцать тысячъ русскихъ съ ихъ короткими луками и стрѣлами. Крымцы, незнакомые тогда съ употребленіемъ ружей и пистолетовъ, падали

мертвые на своихъ лошадяхъ отъ выстрѣловъ, которыхъ не видѣли, и кричали: «Уберемся отсюда отъ этихъ новыхъ дьяволовъ съ ихъ громовыми пафами». Царь надъ этимъ очень смѣялся. Получивъ затѣмъ жалованье и землю, на которой имъ позволено было жить, плѣнные шотландцы женились на ливонскихъ красивыхъ женщинахъ, завелись семействами и жили въ милости у царя и народа. Къ моему великому удовольствію, царь не обратилъ вниманія на немногихъ англичанъ, попавшихся съ ними вмѣстѣ въ плѣнъ! Это былъ бы благовидный поводъ для ссоры, которая могла мнѣ стоить жизни, какъ лица извѣстнаго и имѣющаго связи при Дворѣ, и была бы особенно удобнымъ предлогомъ для царя наложить руку на англійскія купеческія имущества, которыя въ товарахъ компаніи составляли, по крайней мѣрѣ, цѣнность во сто тысячъ фунт. стерл. Незадолго до этого царь продалъ Томасу Гловеру, главному агенту этой компаніи, женщину, происходившую изъ благороднаго польскаго дома, Басмановую (Basmanovey), взятую въ плѣнъ въ Полоцкѣ, за 10 тысячъ венгерскихъ дукатовъ; но вскорѣ послѣ того, разгнѣвавшись на Гловера, ограбилъ его на сумму 16 тысячъ фунт. стерл.,—большею частью платьемъ, шелкомъ, воскомъ, мѣхами и разными товарами, и выслалъ, лишивъ всего, изъ Россіи, вмѣстѣ съ его дорого купленной женой [1]). Но оставимъ это и многія другія дѣянія царя и обратимся къ нашему разсказу.

Царь ожидалъ какого-нибудь отвѣта на свои письма изъ Англіи и новостей отъ Даніила Сильвестра; но случилось такъ, какъ будто Богъ хотѣлъ показать на немъ примѣръ. Сильвестръ прибылъ отъ королевы съ письмами къ порту св. Николая и проѣхалъ въ Холмогоры, чтобы приготовиться здѣсь и сдѣлать себѣ приличное платье для представленія царю съ письмами и порученіемъ отъ королевы. Портной, примѣривъ на немъ новый желтый атласный кафтанъ, или жупанъ, въ верхней комнатѣ англійскаго дома, едва успѣлъ сойти внизъ, какъ въ это самое время громовая стрѣла убила до смерти Сильвестра, ударивъ за воротникъ его новаго кафтана, прошла черезъ правую сторону туловища, не оставивъ снаружи никакого знака. Молнія убила также бывшихъ при немъ мальчика и собаку, сожгла мгновенно его конторку, письма и домъ. Царь былъ пораженъ, услыхавъ объ этомъ, и сказалъ: «Да будетъ воля Божія!» затѣмъ онъ разсвирѣпѣлъ и былъ въ отчаяніи. Въ это время поляки, шведы и

---

[1]) Томасъ Гловеръ прибылъ въ Россію слугою Московской компаніи, но впослѣдствіи соединился съ другими, чтобы вести независимую торговлю. Еще въ 1567 году королева Елизавета жаловалась царю на поведеніе Гловера и его товарищей и на то, что они женились на полькахъ. Гловеръ былъ изгнанъ изъ Россіи въ 1573 году. См. Hamel, p.p. 186, 191, 221.

крымцы окружили и напали съ трехъ сторонъ на его государство. Король Стефанъ Баторій грозилъ посѣтить его въ скоромъ времени въ Москвѣ. Іоаннъ сдѣлалъ соотвѣтственныя приготовленія; но его смущалъ недостатокъ пороха, селитры, свинца и сѣры, и онъ не зналъ, какъ добыть эти припасы изъ Англіи, такъ какъ Нарва была въ осадѣ. Трудность состояла въ томъ, какъ провезти и послать письма англійской королевѣ; земли его были тогда окружены врагами, всѣ пути заперты.

Царь послалъ за мною и сказалъ, что у него есть для меня почетное, важное и секретное порученіе къ Ея Величеству королевѣ англійской; замѣтилъ, что я освоился съ обыкновенными фразами русскаго языка и знаю польскій и нѣмецкій. Спрашивалъ онъ меня о разныхъ вещахъ; ему понравились мои скорые отвѣты, и, между прочимъ, онъ задалъ мнѣ слѣдующій вопросъ: видѣлъ ли я его большія суда и барки, построенныя въ Вологдѣ [1]). Я отвѣтилъ, что видѣлъ. — «Какой измѣнникъ показалъ ихъ тебѣ»?—«Молва о нихъ пошла, и народъ сбѣгается смотрѣть на нихъ въ праздничные дни, такъ и я рѣшился, съ тысячами другихъ, идти полюбоваться на ихъ удивительную красоту, величину и странную обдѣлку».—«Что у тебя означаютъ слова: «странная обдѣлка»? «Изображеніе львовъ, драконовъ, орловъ, слоновъ, единороговъ, такъ отчетливо сдѣланныхъ и такъ богато украшенныхъ золотомъ, серебромъ, яркою живописью и т. д.»—«Молодецъ! расхваливаетъ хитрости своихъ собственныхъ соотечественниковъ!...» сказалъ царь своему любимцу. — «Это вѣрно; а, кажется, ты хорошо ихъ высмотрѣлъ: сколько ихъ»?—«Я видѣлъ не болѣе двадцати, ваше величество!» — «Въ скоромъ времени ты ихъ увидишь сорокъ и не хуже этихъ. Я доволенъ тобою. Безъ сомнѣнія, ты можешь разсказать въ иноземщинѣ, что̀ видѣлъ; но они удивились бы еще болѣе, если бы узнали, какія неоцѣненныя сокровища украшаютъ ихъ внутри. Говорятъ, что у вашей королевы, моей сестры, лучшій флотъ въ мірѣ»? — «Это правда, ваше величество». — «Чѣмъ же онъ отличается отъ моего»? — «Силою и величиною: корабли могутъ пробиться въ разрѣзъ волнамъ черезъ великій океанъ и бурныя моря».—«Какъ же они построены»?—«Искусно, съ острыми килями, не плоскодонные, съ такими плотными и крѣпкими боками, что пушечный выстрѣлъ едва можетъ пробить ихъ».—«Что еще»?—«На каждомъ кораблѣ пушки и сорокъ мѣдныхъ орудій большого калибра, пули, мушкеты, порохъ, цѣпныя ядра, копья и другія орудія защиты, сильные огненные снаряды, копры на случай сраженія, тысяча моряковъ и военныхъ людей, солдатъ, капитановъ и офицеровъ разнаго рода, которыхъ

[1]) Вотъ начало русскаго флота.

обязанность управлять и вести корабль. На кораблѣ дисциплина и ежедневныя молитвы. При этомъ въ изобиліи: пиво, хлѣбъ, мясо, рыба, дичь, горохъ, масло, сыръ, уксусъ, овсяная мука, водка, дрова, вода и всякая другая провизія, годная и необходимая для прокормленія и содержанія людей; якоря, канаты, снасти, мачты, пять или шесть просторныхъ раскидныхъ палатокъ, флаги, дорогія распущенныя шелковыя знамена съ гербомъ и вымпеломъ королевы, передъ которымъ преклоняются корабли другихъ королей; кромѣ того, барабаны, литавры, свистки, трубы и другіе инструменты для военной тревоги и вызова на битву. Корабли эти вполнѣ годны для осады и разгрома сильнѣйшихъ приморскихъ городовъ и замковъ, грозны и воинственны, когда подаютъ помощь, ведутъ или защищаютъ союзниковъ и друзей Ея Величества! Великій, державный государь! вотъ способъ постройки и устройство одного изъ великолѣпныхъ кораблей Ея Величества .

Мнѣ удалось умно и ловко изложить сущность всего этого; царь часто кивалъ головой, взглядывая на слушавшихъ и стоявшихъ около него, не показывая мнѣ ни одобренія, ни особеннаго удивленія.—«Сколько у королевы такихъ кораблей, какъ ты описываешь»?—«Сорокъ, ваше величество».—«Хорошъ королевскій флотъ, какъ ты его назвалъ; онъ можетъ перевезти сорокъ тысячъ солдатъ къ союзнику»!—Затѣмъ царь приказалъ мнѣ приготовляться, молчать, держать все въ тайнѣ и ежедневно ждать, пока онъ не изготовитъ всего къ моему отъѣзду, а Елизару Виллюзгену, своему тайному секретарю, приказалъ взять у меня письменно на бумагѣ то описаніе, какое я сдѣлалъ о королевскомъ флотѣ Ея Величества. При этомъ представленъ былъ мною образецъ корабля, искусно и точно сдѣланный, разрисованный, со всѣми снастями, распущенными парусами, флагами, раззолоченными орудіями и всѣми другими военными принадлежностями. Модель эту я получилъ отъ мистера Джона Чапелля изъ Лондона и Любека.

Въ это время царь былъ сильно занятъ розыскомъ важной измѣны, задуманной противъ него Елисеемъ Бомеліемъ, новгородскимъ епископомъ и нѣкоторыми другими; — измѣна эта была открыта ихъ слугами подъ пыткой; найдены были шифрованныя письма на греческомъ и латинскомъ языкахъ, посланныя разными путями королямъ польскому и шведскому. Епископъ во всемъ сознался на допросѣ. Бомелій отрицалъ все, надѣясь выпутаться при посредствѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ соумышленниковъ, какъ полагали, царскихъ любимцевъ, которыхъ Іоаннъ приставилъ къ своему сыну, царевичу Іоанну. Имъ и было поручено допросить Бомелія подъ пыткой. Его руки были затянуты назадъ и выворочены изъ суставовъ,

ноги вывихнуты изъ чресель, спина и тѣло перерѣзаны проволочными плетьми;—и тогда онъ показалъ многое сверхъ того, что̀ было написано и что̀ желалъ знать царь. Іоаннъ приказалъ пытавшимъ сжарить Бомелія. Его взяли изъ-подъ пытки и привязали къ деревянному шесту или вертелу; его изрѣзанная и окровавленная спина и тѣло жарились и вздувались на огнѣ до тѣхъ поръ, пока они не сочли его умершимъ. Тогда бросили его на сани и повезли черезъ Кремль. Я тѣснился со многими другими, чтобы видѣть его. Онъ возвелъ глаза къ небу, призывая Христа, послѣ чего былъ брошенъ въ темницу, гдѣ и умеръ. Бомелій до этого пользовался большою милостью, жилъ великолѣпно, былъ искусный математикъ, но злой человѣкъ и причинилъ немало вреда. Многіе бояре были рады его гибели, потому что онъ много зналъ про нихъ. Онъ отправилъ большія богатства и сокровища черезъ Англію въ Везель, въ Вестфалію—свою родину. Хотя онъ воспитывался въ Кэмбриджѣ, но, несмотря на это, былъ всегда враждебенъ англійской націи. Онъ обманывалъ царя, увѣряя, что королева англійская молода, и ему легко будетъ жениться на ней. Послѣ смерти Бомелія царь потерялъ эту надежду. Ему говорили еще объ одной молодой лэди, при англійскомъ Дворѣ, королевской крови, по имени Мэри Гастингсъ, о которой мы поговоримъ впослѣдствіи.

Епископъ новгородскій былъ приговоренъ къ смерти за измѣну, чеканку монеты и отсылку ея и другихъ сокровищъ королямъ польскому и шведскому, обвиненъ въ содомскомъ грѣхѣ, въ содержаніи вѣдьмъ, мальчиковъ и животныхъ, и въ другихъ ужасныхъ преступленіяхъ. Все его имущество—огромное количество лошадей, денегъ и сокровищъ—было конфисковано въ пользу царя, а самого епископа присудили на вѣчное заключеніе въ погребъ, гдѣ онъ жилъ въ оковахъ на рукахъ и ногахъ, писалъ образа и картины, дѣлалъ гребни и сѣдла, питаясь однимъ хлѣбомъ и водою. Одиннадцать его слугъ, участвовавшихъ въ его замыслахъ, были повѣшены на воротахъ московскаго дворца; его женщины-вѣдьмы постыдно растерзаны и сожжены. Наконецъ, царю надоѣло наводить справки обо всѣхъ участвовавшихъ въ этой измѣнѣ, и, кончивъ дѣло увѣщаніями, онъ объявилъ свое желаніе и намѣреніе женить своего второго сына, царевича Ѳеодора, такъ какъ старшій не имѣлъ потомства. Это было для него важнымъ дѣломъ обсужденія съ князьями и духовными властями, потому что съ царевичемъ, по его простотѣ, онъ дѣлалъ то, что ему нравилось. Собравши всѣхъ, царь, полный подозрѣній касательно ихъ измѣнническихъ преднамѣреній, вздумалъ въ отомщеніе имъ выразить то, что чувствовалъ:—«О, беззаконные и невѣрные подданные! Этотъ день долженъ праздноваться вдвойнѣ: это день Вознесенія Господня; онъ свѣжъ въ на-

мяти принесеніемъ въ жертву многихъ сотенъ тысячъ невинныхъ душъ, представшихъ кровавыми письменами передъ лицомъ цѣлаго свѣта, на позорище вашего возмущенія. Какія слова могутъ достаточно отмѣтить въ назиданіе вашему потомству этотъ несчастный и печальный день? Какой законъ забвенія можетъ стереть память о вашемъ стыдѣ, неблагородности и измѣнѣ? Чѣмъ смыть пятна этой скверны, нечистотъ и подлостей? Какой огонь можетъ выжечь воспоминаніе о бунтахъ, возмущеніяхъ и пагубныхъ, гнусныхъ заговорахъ» и т. д. Іоаннъ три часа распространялся на эту тему тѣмъ же слогомъ и съ большимъ краснорѣчіемъ, употреблялъ смѣлыя изреченія, по свойственному ему напыщенному способу выраженія, все время устремивъ глаза на присутствующихъ участниковъ послѣдняго заговора; грозилъ и заявлялъ, что покинетъ низкій, вѣроломный, презрѣнный народъ въ укоръ всѣмъ націямъ міра. «Враги уже готовы растерзать насъ! Господь и его чудотворцы на небесахъ вопіютъ противъ насъ, что видно по неурожаямъ и голоду; но никакіе суды, муки и наказанія, ниспосылаемыя черезъ насъ отъ Бога, не могутъ возбудить въ этомъ народѣ угрызеній совѣсти и исправить его». Оригиналъ этой рѣчи слишкомъ длиненъ, чтобы повторять его. Мало было возраженій въ этомъ собраніи, еще меньше дѣла, но всѣ повергились ницъ передъ священнымъ царскимъ величествомъ и милосердіемъ, моля Бога благословить его святыя начинанія и намѣреніе женить своего высокороднаго сына, царевича Θеодора. Выборъ Іоанна палъ на прекрасную дѣвицу изъ знатной могущественной и преданной ему фамиліи, по имени Ирину, дочь Θеодора Ивановича Годунова. По окончаніи этого торжества и большихъ празднествъ царь распустилъ всѣхъ собравшихся бояръ и духовныхъ лицъ съ добрыми словами и съ болѣе благосклоннымъ видомъ, что̀ и было принято за взаимное примиреніе и всепрощеніе.

Между тѣмъ, царскія письма и инструкціи были приготовлены, и самъ Іоаннъ со своимъ главнымъ государственнымъ секретаремъ Савеліемъ Фроловымъ заложилъ ихъ въ поддѣльные бока деревянной баклаги, наполненной водкой, не стоящей трехъ денегъ; она должна была висѣть подъ гривой моей лошади. Царь снабдилъ меня четырьмя стами венгерскихъ дукатовъ, зашитыхъ у меня въ сапоги и въ самое худое платье. «Я удерживаюсь отъ сообщенія тебѣ нѣкоторыхъ тайнъ, близкихъ мнѣ», сказалъ царь, «изъ боязни, что, проѣзжая черезъ земли моихъ враговъ, ты бы не попалъ имъ въ руки, и они не принудили тебя открыть то, чего я не желаю дѣлать извѣстнымъ. Баклага, которую ты везешь съ собою, откроетъ тебѣ, когда ты благополучно доѣдешь до безопаснаго мѣста и откупоришь ее, что̀ ты долженъ сказать моей любезной сестрѣ, королевѣ

Елизаветѣ, а между тѣмъ, оставайся мнѣ вѣренъ и преданъ, —мое благоволеніе и милость будутъ тебѣ наградой» [1]). Я упалъ ницъ передъ нимъ и приложилъ голову къ его ногѣ, а на сердцѣ было у меня тяжело, когда я вообразилъ себѣ, что подвергаюсь явной опасности и неизбѣжной бѣдѣ. Одинъ изъ родовитыхъ дворянъ проводилъ меня. На саняхъ и лошадяхъ съ двадцатью слугами проскакалъ я на почтовыхъ девяносто верстъ до Твери, гдѣ мнѣ приготовлены были свѣжіе припасы и лошади. Такимъ образомъ, я проѣхалъ въ три дня шестьсотъ верстъ черезъ Новгородъ и Псковъ до Негауза, и здѣсь, при вступленіи въ Ливонію, сопровождавшій дворянинъ и слуги оставили меня, пожелавъ получить что нибудь въ знакъ моего благополучнаго доставленія на мѣсто. Я просилъ ихъ торопиться отъѣздомъ, пока окружавшіе насъ враги не схватили ихъ и не помѣшали моему порученію. Часовой проводилъ меня къ коменданту, или намѣстнику замка; онъ и его чиновники строго осмотрѣли и обыскали меня; они естественно должны были не довѣрять мнѣ: я ѣхалъ изъ земли ихъ непріятеля. Я сказалъ имъ, что очень радъ, что попалъ въ ихъ руки, вырвавшись изъ юдоли плача, Московской земли, и готовъ дать нѣкоторый выкупъ. Они посовѣтовались между собою, и на третій день дали мнѣ проводника и, уже болѣе дружелюбно, дозволили слѣдовать далѣе. Стража и слуги ожидали отъ меня какой-нибудь награды; но я просилъ ихъ пощадить меня, потому что мой кошелекъ не соотвѣтствовалъ моему желанію удовлетворить ихъ. Я провелъ три дня въ большой опасности, когда ѣхалъ по замерзшему морю къ Эзелю—въ Лифляндіи, большому и пространному острову, принадлежащему датскому королю. Меня схватили бездѣльники солдаты и обращались со мною очень грубо: потащили въ Швейнбургъ, а потомъ въ Аренсбургъ, главный городъ и замокъ этихъ мѣстъ. Здѣсь меня отдали коменданту—человѣку болѣзненному, старому и брюзгливому; сообразно его желанію, меня стерегли какъ шпіона, помѣстили такъ, что всякая гадина ползала у меня на постели и по столу; домашняя птица клевала ее на полу и въ молочныхъ крынкахъ, на что я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Однако вся эта нечистота не возмущала меня, потому что страхъ за себя не позволялъ много думать. Пришло время—и меня позвали къ высшимъ властямъ. Главный изъ нихъ, важный джентльменъ, бывшій въ большой милости у короля, заправлялъ всѣмъ; около него стояли солдаты съ алебардами и мечами;—начался допросъ: меня спрашивали о многомъ. Я былъ подданный англійской

---

[1]) Это посольство Джерома Горсея было въ 1580 г.; цѣль его—закупка военныхъ припасовъ. См. Hamel, p. 236.

королевы, жившей въ согласіи и дружбѣ со всѣми христіанскими государями и, въ особенности, съ датскимъ. Но это не могло помочь, такъ какъ мы были въ союзѣ съ москвитянами противъ христіанства. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Я отвѣтилъ. Тогда намѣстникъ отправилъ меня опять въ заключеніе и, распустивъ свое общество, которое было многочисленно, послалъ тайно за мною своего сына, приличнаго и красиваго джентльмена. Я пришелъ. У старика въ рукѣ были письма; онъ опять спросилъ мое имя. Я отвѣтилъ ему. «Я получилъ», сказалъ онъ, «нѣсколько писемъ отъ своихъ друзей, и недавно письмо отъ любимой дочери, которая въ плѣну у царя въ Москвѣ. Она пишетъ мнѣ, сколько христіанскаго дружелюбія и милосердія оказалъ ей какой-то англійскій джентльменъ, одного съ вами имени, посланный для переговоровъ съ русскимъ Дворомъ отъ англійской королевы»!—«Вашу дочь не зовутъ ли Магдалиной фонъ Уксель»?—«Да, точно такъ, сэръ!» отвѣтилъ онъ.—«Я тотъ самый, о которомъ она пишетъ, и хорошо знакомъ съ нею; я оставилъ ее въ добромъ здоровьи дней десять тому назадъ».—«О, сэръ! это моя дорогая и любимая дочь; но мнѣ никакъ не удастся выкупить ее, хотя самъ король датскій просилъ за нее».—И онъ, и сынъ его бросились ко мнѣ на шею со слезами.—«Самъ Ангелъ Господень привелъ васъ сюда, хотя, повидимому, вы тутъ не въ безопасности; но я постараюсь доказать вамъ свою благодарность и дружбу за вашу благосклонность и расположеніе ко мнѣ и моимъ. Жителямъ этого острова знакомо ваше достойное имя и милосердіе; и вамъ будетъ доставлено все, что̀ пожелаете .

Повидимому, онъ былъ очень доволенъ; и я не менѣе его радовался этому счастливому случаю.

Затѣмъ приказано было перевести меня въ удобное жилище, а своему сыну онъ поручилъ на слѣдующій день показать мнѣ конюшни съ его заводскими лошадьми, вооруженіе, аммуницію и библіотеку. Кромѣ того, онъ послалъ за разными своими друзьями, угощалъ меня, приготовилъ письма и паспортъ самымъ радушнымъ образомъ и торжественно чествовалъ меня; а при прощаніи подарилъ прекрасный нѣмецкій плащъ и велѣлъ сыну и слугамъ проводить меня до безопаснаго мѣста, со слезами умоляя, чтобы я попрежнему былъ добръ къ «ней» и т. д.

Я спѣшилъ далѣе. Дорогою видѣлся я съ однимъ каноникомъ, который пользовался большимъ значеніемъ въ Ливоніи. Къ моему удивленію, я былъ хорошо принятъ имъ, хотя я былъ безъ слугъ; онъ зналъ меня по наслышкѣ и разсказалъ своимъ знакомымъ о моемъ званіи: это, однако, могло надѣлать мнѣ затрудненій. Баклагу съ водкой я держалъ днемъ у себя подъ платьемъ, ночью она служила мнѣ изголовьемъ. Вся опасность

прошла, какъ мнѣ казалось; я прибылъ въ Пильтенъ, крѣпкій замокъ на берегу Балтійскаго моря, гдѣ жилъ король Магнусъ, о которомъ вы слышали прежде. Онъ обошелся со мною грубо, потому что я не могъ пить съ нимъ безъ мѣры. Онъ уже расточилъ большую часть своихъ городовъ, замковъ, драгоцѣнностей, денегъ, лошадей, серебряной посуды, полученныхъ имъ въ приданое за царскою племянницею, и безпутно роздалъ своимъ любимцамъ и названнымъ дочерямъ. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ въ нищетѣ, оставивъ въ бѣдственномъ положеніи жену свою королеву и единственную дочь.

Затѣмъ я проѣхалъ черезъ земли герцоговъ курляндскаго и прусскаго въ Кёнигсбергъ, потомъ въ Мельвиль и Данцигъ (въ Польшѣ), черезъ Померанію и Мекленбургъ въ имперскій городъ Любекъ, гдѣ меня знали и приняли отлично и съ почетомъ.

Здѣсь я устроился нѣсколько лучше; было теперь у меня четверо или пять человѣкъ слугъ, нѣмцевъ и англичанъ, взятыхъ изъ Мельвиля и Данцига. Бургомистръ и ратсгеры, въ знакъ своего вниманія, прислали мнѣ черезъ городского судью рыбы, мяса и вина всѣхъ сортовъ съ длинною рѣчью о тѣхъ благодѣяніяхъ, какія я оказалъ въ Россіи имъ и ихъ соотечественникамъ. На слѣдующій день явились ко мнѣ нѣкоторые знатные купцы и ихъ друзья съ благодарностью и изъявленіями признательности за то, что я нѣкогда избавилъ ихъ отъ московскаго плѣна своими хлопотами и кошелькомъ. Они подарили мнѣ прекрасный вызолоченный серебряный бокалъ съ крышкою, наполненный имперскими талерами и золотыми венгерскими дукатами. Высыпавъ золото и серебро и возвративъ имъ обратно, я заявилъ, что это было «болѣе расточительно, чѣмъ благоразумно», закрылъ бокалъ крышкою и поблагодарилъ ихъ. Послѣ этого они мнѣ принесли свою городскую книгу и просили, чтобы я вписалъ свое имя, мѣсто рожденія и жительства, для того, чтобъ они и ихъ потомки могли вѣчно почитать и помнить мое имя.

Когда я доѣхалъ до Гамбурга (въ десяти миляхъ отъ Любека), жители его, услыхавъ, какъ меня принимали въ Любекѣ, изъявили и съ своей стороны знаки благодарности и дружескаго вниманія, а именно тѣ изъ нихъ, которые были въ такой же передрягѣ и освободились, благодаря мнѣ, изъ плѣна. Бургомистръ и ратсгеры угощали меня, а остальные подарили мнѣ прекрасную столовую камчатную скатерть, двѣ дюжины салфетокъ и длинное камчатное полотенце. Сообщая подробно объ этомъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній, я отступилъ отъ своего повѣствованія, въ чемъ и прошу извиненія у моихъ читателей, хотя это отступленіе отчасти связано съ предыдущимъ.

Изъ Гамбурга я прибылъ въ Англію, открылъ свою баклагу съ водкою, вынулъ и просушилъ, какъ могъ, опрыскалъ духами царскія письма и инструкціи; однако королева услышала запахъ водки, когда я передалъ ихъ Ея Величеству; и когда я объяснилъ ей причину, то она выразила мнѣ свое удовольствіе. Я имѣлъ доступъ къ Ея Величеству три или четыре раза и говорилъ съ нею, благодаря лорду-казначею и сэру Францису Уолсингэмъ, также черезъ ходатайство лорда Лейсестера, а въ особенности сэра Эдварда Горсея, моего благороднаго друга и родственника. Торговая московская компанія давала мнѣ хорошее содержаніе и подарки, снабжая, по приказанію Ея Величества, всѣмъ тѣмъ, о чемъ царь писалъ въ своей инструкціи, не зная вполнѣ ея тайнаго содержанія; а при отъѣздѣ моемъ королева повелѣла утвердить меня присяжнымъ эсквайромъ при особѣ Ея Величества, подарила мнѣ свой портретъ и допустила поцѣловать руку.

Я снова отправился въ Московію [1]) въ сопровожденіи тринадцати буксирныхъ кораблей; близъ Нордкапа мы встрѣтились съ кораблями датскаго короля, вступили съ ними въ бой и привели ихъ въ бѣдственное состояніе. Миновавъ Вагу, мы приплыли къ порту св. Николая, откуда я добрался до Александровской слободы, гдѣ передалъ царю письма и тайныя порученія королевы. Царь похвалилъ мою поспѣшность и исправность, назначилъ мнѣ жалованье и обѣщалъ еще въ награду свою щедрую милость, когда вернется въ Москву; а привезенные товары: мѣдь, свинецъ, порохъ, селитру и сѣру—на девять тысячъ ливровъ,—взялъ въ свою казну, заплативъ за все сполна чистою монетою.

Его Величество прибылъ въ Москву, разразился немилостью на нѣкоторыхъ бояръ и намѣстниковъ и, выбравъ одного изъ своихъ тунеядцевъ, послалъ съ нимъ двѣсти стрѣльцовъ—ограбить Никиту Романовича, брата доброй государыни Анастасіи, своей первой супруги (жившаго въ сосѣдствѣ англійскаго дома), отобралъ у него оружіе, лошадей, серебряную посуду и имущество, цѣною на сорокъ тысячъ ливровъ, отнялъ у него земли и оставилъ въ такой бѣдности и нуждѣ, что онъ на другой день послалъ въ англійскій дворъ за самой грубой паклей, чтобы одѣть себя и дѣтей, и за нѣкоторыми припасами. Кромѣ того, Іоаннъ послалъ Симеона Нагого, другое орудіе своихъ злодѣяній, ограбить и обобрать Щелкана, большого взяточника, который, женившись на молодой красивой женщинѣ, развелся съ нею, разрѣзавъ и прорубивъ ей голую спину саблей. Убивъ Ивана Латина, его вѣрнаго слугу, Симеонъ Нагой выколотилъ изъ

[1]) Горсей воротился въ Россію лѣтомъ въ 1581 году. См. Hamel, p. 206.

пятокъ Щелкана 5 тысячъ рублей деньгами. Въ это же время царь разгнѣвался на нѣмцевъ или ливонцевъ, которыхъ онъ поселилъ съ женами, дѣтьми и семействами за Москвою. Это были все купцы, переселенные изъ Нарвы и Дерпта, и дворяне хорошихъ родовъ;—до сихъ поръ они пользовались свободою религіи и церковнаго богослуженія. Іоаннъ отрядилъ ночью тысячу стрѣльцовъ ограбить и обобрать этихъ иностранцевъ; ихъ раздѣвали до-нага, варварски растлѣвали молодыхъ и старыхъ женщинъ, а самыхъ молоденькихъ и красивыхъ дѣвушекъ увели съ собою для удовлетворенія своего постыднаго сладострастія; нѣкоторыя изъ нихъ убѣжали въ англійской домъ, гдѣ ихъ скрыли, одѣли и спасли, съ опасностью навлечь на себя царскую немилость.

Господь не оставилъ этого звѣрства и варварства безъ наказанія. Вскорѣ послѣ этого царь разъярился на своего старшаго сына, царевича Іоанна, за то, что тотъ оказывалъ состраданіе этимъ несчастнымъ христіанамъ и далъ одному посланному по его дѣламъ дворянину подорожную на пять или шесть почтовыхъ лошадей, помимо царскаго вѣдома. Сверхъ того, царь опасался за свою власть, полагая, что народъ слишкомъ хорошаго мнѣнія о его сынѣ. Въ ярости, онъ ударилъ его жезломъ (желѣзнымъ посохомъ) въ ухо—и такъ нѣжно, что тотъ заболѣлъ горячкою и на третій день умеръ [1]). Царь рвалъ на себѣ бороду и волосы, какъ сумасшедшій, плакалъ и убивался о потерѣ сына. Но государство потеряло болѣе: надежду имѣть государемъ мудраго и кроткаго царевича, героя духомъ и красивой [2]) наружности, 23 лѣтъ отъ роду, любимаго и оплакиваемаго всѣми. Его похоронили въ церкви св. Архангела Михаила, опустивъ тѣло въ могилу съ драгоцѣнностями, дорогими камнями и жемчугомъ на 50 тысячъ фунт. стерл. цѣною; каждую ночь, по очереди, 12 граждакъ стерегли его тѣло и сокровища въ придѣлѣ, посвященномъ св. Іоанну и архангелу Михаилу.

По смерти его, царь еще рѣшительнѣе приступилъ къ давно имъ задуманному бракосочетанію въ Англіи, и отправилъ Ѳедора Писемскаго, умнаго и вѣрнаго вельможу, переговорить съ королевой и просить у ней руки лэди Мери Гастингсъ, дочери благороднаго лорда Гастингса, графа Гунтингтонскаго, по слухамъ, родственницы Ея Величества и, слѣдовательно, королевской крови, какъ онъ думалъ. Царь изъявлялъ при этомъ желаніе, чтобы Ея Величество послала какого-нибудь родовитаго посла

[1]) Онъ бросилъ въ царевича остроконечный посохъ.

[2]) Царевичъ былъ 28 лѣтъ отъ роду; въ русскихъ извѣстіяхъ говорится, что онъ *мудрымъ смысломъ сіялъ.*

переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Царскій посолъ отплылъ изъ порта св. Николая, прибылъ въ Англію, принятъ былъ великолѣпно, имѣлъ у королевы аудіенцію и вручилъ ей вѣрительную грамоту [1]). Ея Величество приказала лэди Гастингсъ приготовиться съ другими знатными придворными дамами, дѣвицами и молодыми дворянами въ опредѣленномъ числѣ, чтобы показать ее послу въ саду Іоркскаго дворца. Лэди Гастингсъ принарядилась для этого, какъ слѣдуетъ. Посолъ, въ сопровожденіи разныхъ другихъ дворянъ и господъ, былъ представленъ лэди; но вдругъ, растерявшись, упалъ къ ея ногамъ, всталъ и побѣжалъ отъ нея задомъ, съ обращеннымъ къ ней лицомъ. Лэди Гастингсъ и всѣ прочіе изумились такой выходкѣ. Тогда посолъ заявилъ черезъ переводчика, что довольствуется однимъ взглядомъ на ангела, котораго онъ надѣется видѣть супругою своего государя, и восхвалялъ ея ангельскій видъ, станъ и удивительную красоту. Послѣ этого приключенія близкіе друзья лэди при Дворѣ прозвали ее московскою царицею. Сэръ Уилльямъ Россель, третій сынъ графа Бетфорскаго, благовоспитанный, умный и красивый джентльменъ, былъ выбранъ Ея Величествомъ въ послы къ царю. Но, посовѣтовавшись съ своими почтенными друзьями, онъ отказался отъ посольства. предоставляя эту честь другимъ. Тогда торговая компанія стала хлопотать о сэрѣ Джеромѣ Боусѣ, единственно за его видъ и наружность; впослѣдствіи она раскаялась въ этомъ.

Боуса прилично снарядили, большею частью на счетъ компаніи, и два посла — королевинъ и царскій,— отправленные изъ Англіи съ грамотами и письмами Ея Величества, прибыли благополучно къ порту св. Николая, въ Россіи. Русскій посланникъ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Москву на почтовыхъ, вручилъ письма и отдалъ отчетъ въ посольствѣ своему государю, который остался имъ доволенъ. Англійскій посолъ, сэръ Джеромъ Боусъ, отправленный на счетъ купцовъ, тихо плылъ впередъ по рѣкѣ Двинѣ за тысячу верстъ до Вологды. Царь послалъ навстрѣчу Михаила претерпопа (?) съ приличными провожатыми для заготовки ему съѣстной провизіи на пути и снабженія его, бывшаго съ нимъ багажа и его товарищей экипажами и почтовыми лошадьми. Въ Ярославлѣ царскій конюшій встрѣтилъ сэра Боуса съ двумя красивыми иноходцами на случай, если ему будетъ угодно ѣхать верхомъ. Подъ Москвою встрѣтилъ его съ почестью князь Иванъ Сицкій, въ сопровожденіи трехъ сотъ хорошо вооруженныхъ верховыхъ, и проводилъ въ назначенное ему жилище. Царскій секретарь, Савелій Фроловъ, присланъ былъ поздравить Боуса

[1]) Писемскій прибылъ въ Англію 16-го сентября 1582 г.

съ пріѣздомъ, со множествомъ кушаньевъ и обѣщаніемъ хорошаго содержанія.

На другой день царь прислалъ Игнатія Татищева къ сэру Джерому Боусу, узнать, какъ онъ поживаетъ, что̀ дѣлаетъ и нѣтъ ли ему въ чемъ-нибудь недостатка. Царь приказалъ ему передать, что желаетъ его видѣть, и если сэръ Джеромъ не слишкомъ усталъ съ дороги, то аудіенція назначается въ субботу, два дня спустя. Боусъ отвѣчалъ, что надѣется представиться Его Величеству въ назначенное время [1]). Согласно съ этимъ, въ 11 часовъ утра улицы наполнились народомъ; тысяча стрѣльцовъ въ красныхъ, желтыхъ и голубыхъ одеждахъ, съ блестящими орудіями и пищалями, были разставлены въ ряды своими начальниками, отъ воротъ посланника до царскаго дворца. Князь Иванъ Сицкій ѣхалъ на превосходной лошади въ яблокахъ, богато убранной; передъ нимъ вели для посланника красиваго жеребца, нарядно осѣдланнаго, въ сопровожденія 300 дворянъ верхами на такихъ же лошадяхъ. Посланнику не понравилось, что княжеская лошадь была лучше той, что̀ предназначалась ему; онъ отправился ко дворцу пѣшкомъ съ 30 слугами, одѣтыми въ стаметовыя ливреи; каждый изъ нихъ несъ царю подарки, состоящіе большею частью изъ серебряной посуды. Здѣсь встрѣтилъ его другой вельможа и сказалъ, что царь ожидаетъ его; посланникъ отвѣтилъ, что идетъ такъ скоро, какъ только можно. По дорогѣ народъ, отчасти угадывая, въ чемъ состояло его посольство (которымъ были всѣ недовольны), кричалъ ему въ насмѣшку: «Карлуха», что̀ означало «журавлиныя ноги». Ходы, террасы и комнаты, чрезъ которыя вели посланника, наполнились купцами и дворянами въ золотыхъ парчахъ. Люди его вошли передъ нимъ съ подарками въ комнату, гдѣ находился царь, и стали по обѣ стороны. Іоаннъ сидѣлъ во всемъ величіи, въ богатомъ убранствѣ; передъ нимъ лежали три короны; четверо молодыхъ дворянъ, называемыхъ «рындами», въ блестящихъ, затканныхъ серебромъ платьяхъ, стояли по сторонамъ и держали четыре скипетра, или блестящія серебряныя сѣкиры; князья, бояре и вельможи сидѣли кругомъ. Царь всталъ; посланникъ, окончивъ свои поклоны и рѣчь, подалъ королевскія письма. Принимая ихъ, царь снялъ съ себя царскую шапку и спросилъ, какъ поживаетъ сестра его Елизавета. Посланникъ отвѣтилъ и сѣлъ рядомъ съ царемъ, на покрытую полавочникомъ скамью. Послѣ недолгаго молчанія и поглядыванія другъ на друга Боуса отпустили тѣмъ же порядкомъ, какимъ онъ пришелъ, а къ обѣду ему послали 200 блюдъ съ кушаньями, черезъ одного знатнаго дворянина.

[1]) Сэръ Джеромъ Боусъ былъ принятъ государемъ 24 октября 1583 г.

который, исполнивъ порученіе, получилъ награду и оставилъ сэра Джерома Боуса за столомъ.

Если я буду распространяться далѣе такимъ же образомъ (а говорить есть о чемъ), то это потребуетъ слишкомъ много времени. Было нѣсколько секретныхъ засѣданій и конференцій и нѣсколько публичныхъ. Царь пировалъ. Ему ежедневно доставляли большое количество запасовъ, которые приносили ему въ даръ; ничто ему не нравилось; онъ былъ очень недоволенъ. Счеты были покончены между царскими чиновниками и купеческою компаніею; всѣ жалобы выслушаны, удовлетворены; привилегіи дарованы, и царь рѣшилъ отправить одного боярина посланникомъ къ королевѣ. Сэръ Джеромъ Боусъ не зналъ мѣры и не умѣлъ пользоваться обстоятельствами въ то время, когда царь, воспламененный мыслью объ исполненіи своего желанія, согласился бы на все, что бы ни было ему предложено. Онъ и безъ того обѣщалъ, что если состоится супружество съ родственницею королевы, то дѣти ея будутъ наслѣдниками русскаго престола. Князья и бояре, въ особенности тѣ, которые были въ близкомъ родствѣ съ женою царевича, изъ фамиліи Годуновыхъ, были очень опечалены и оскорблены этимъ: они изыскивали тайныя средства и сговаривались помѣшать всѣмъ подобнымъ замысламъ. Между тѣмъ царь въ ярости, сильно разстроенный и мучимый разными сомнѣніями, послалъ за колдуньями на сѣверный берегъ, гдѣ жили многія изъ нихъ, между Холмогорами и Лапландіею. Ихъ привезли на почтовыхъ въ Москву, помѣстили подъ стражей и давали постную пищу. Любимецъ царя, Богданъ Бѣльскій, ежедневно ходилъ съ ними совѣщаться; царь ему одному только довѣрялъ выслушивать и передавать ихъ откровенія и предсказанія на предложенные вопросы. Преданность этого любимца царю поколебалась: онъ утомился наблюдать и слѣдить за поворотами солнечнаго восхода; ему надоѣли дьявольски деспотическія выходки, изъявленія страха и злобныя выдумки этого Геліогабала. Вѣщуньи сообщили ему, что важнѣйшія «созвѣздія», могущественнѣйшія небесныя планеты противъ царя, и приключится ему смерть въ такой-то день [1]). Но Бѣльскій не осмѣлился передать это царю, и съ гнѣвомъ сказалъ имъ, что именно въ этотъ день всѣ онѣ будутъ навѣрно сами сожжены. Царь и въ самомъ дѣлѣ сталъ страшно пухнуть, потому что онъ злоупотреблялъ собою въ теченіе 50-ти лѣтъ, хвастаясь тѣмъ, что осквернилъ тысячу дѣвицъ и погубилъ тысячи своихъ собственныхъ дѣтей.

[1]) Большая блестящая звѣзда и другія удивительныя явленія были видимы каждую ночь въ теченіе семи недѣль надъ Москвою въ 1585 году, въ годъ, когда умерли: король Португаліи Себастіанъ, два короля Феццa и Марокко, въ Берберіи, и Іоаннъ Грозный.

Каждый день его приносили на креслахъ въ ту комнату, гдѣ находились его сокровища. Однажды Борисъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за собой. Я стоялъ вмѣстѣ съ прочими, какъ пришлось, и слышалъ, какъ царь называлъ дорогіе камни и драгоцѣнности. Онъ объяснялъ царевичу и присутствующимъ боярамъ свойство такого и такого-то камня; я слѣдилъ за нимъ, и передамъ его слова, какъ помню; прошу извиненія, если не по порядку: «Вы всѣ знаете, что въ магнитѣ великая и тайная сила; безъ него нельзя было бы плавать по морямъ, окружающимъ міръ, и знать положенные предѣлы и кругъ земной. Стальной гробъ Магомета, персидскаго пророка, дивно виситъ на воздухѣ посредствомъ магнита въ Дербентѣ въ ропатѣ». Тутъ царь приказалъ слугамъ принести цѣпь изъ намагниченныхъ иголокъ, висѣвшихъ цѣпью одна на другой... «Видите этотъ прекрасный кораллъ и эту прекрасную бирюзу, возьмите ихъ въ руку; — восточныя ожерелья дѣлаются изъ нихъ. Теперь положите мнѣ ихъ на руку; я отравленъ болѣзнью: вы видите, — они теряютъ свое свойство, перемѣняютъ свой яркій цвѣтъ на блѣдный; они предсказываютъ мнѣ смерть. Достаньте мнѣ мой царскій посохъ; это рогъ однорога, украшенный прекраснѣйшими алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими рѣдкими дорогими каменьями, купленными за семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ отъ Давида Говера, выходца изъ Аугсбурга. Отыщите нѣсколько пауковъ». При этомъ царь приказалъ своему доктору Іогану Лоффу выцарапать на столѣ кругъ, положить въ него одного паука, потомъ другого, — и они замерли; но нѣкоторые изъ пауковъ быстро убѣжали прочь изъ круга: — «Уже слишкомъ поздно; это меня не спасетъ»! сказалъ царь. — «Взгляните теперь на эти драгоцѣнные камни. Вотъ алмазъ, самый драгоцѣнный изъ восточныхъ камней. Я никогда не любилъ его; онъ удерживаетъ ярость и сластолюбіе и даетъ воздержаніе и цѣломудріе; малѣйшая частица его можетъ отравить лошадь, если дать его въ питьѣ, а тѣмъ болѣе человѣка». Указывая на рубинъ, онъ добавилъ: «О, какъ этотъ камень оживляетъ сердце, мозгъ, даетъ бодрость и память человѣку, очищаетъ застывшую испорченную кровь!» Потомъ, обращаясь къ изумруду, онъ сказалъ: «А вотъ этотъ драгоцѣнный камень радужной породы врагъ всякой нечистоты. Испытайте его: если мужчина и женщина живутъ другъ съ другомъ въ распутствѣ и около нихъ этотъ камень, — онъ лопается при злоупотребленіи природою. Вотъ сапфиръ: я очень люблю его; онъ охраняетъ, даетъ храбрость, веселитъ сердце, услаждаетъ всѣ жизненныя чувствованія, плѣняетъ глаза, прочищаетъ зрѣніе, удерживаетъ приливы крови, укрѣпляетъ мускулы, возстановляетъ силы». Потомъ, взявъ ониксъ въ руку, онъ сказалъ: «Все это удивительные дары Божіи,

тайны природы, открываемыя людямъ, имъ на пользу и созерцаніе. Они покровители милосердія и добродѣтели и враги порока. Я слабѣю, уведите меня... До слѣдующаго раза ...

Пополудни Іоаннъ прочиталъ свое завѣщаніе; но еще не думалъ умирать; его нѣсколько разъ околдовывали и расколдовывали; но теперь діаволъ сталъ безсиленъ. Іоаннъ приказалъ своему главному аптекарю и медикамъ приготовить баню ему въ облегченіе и наблюдать: на добро ли ему складываются примѣты; и послалъ снова своего любимца къ колдуньямъ узнать объ ихъ вычисленіяхъ. Бѣльскій пришелъ къ нимъ и сказалъ: «Царь зароетъ васъ всѣхъ въ землю живьемъ или сожжетъ за ложныя предсказанія и обманъ. День наступилъ, а царь такъ же крѣпокъ и невредимъ, какъ прежде былъ».—«Бояринъ, не гнѣвайся», отвѣчали колдуньи; «день только-что наступилъ, а тебѣ извѣстно, что онъ кончается съ солнечнымъ закатомъ». Бѣльскій поспѣшилъ къ царю: дѣлались большія приготовленія къ банѣ. Около третьяго часа царь пошелъ въ баню, мылся въ свое удовольствіе и, по своему обыкновенію, тѣшился пріятными пѣснями. Вышелъ онъ оттуда около семи часовъ и чувствовалъ себя свѣжѣе; его привели и усадили на постель. Іоаннъ подозвалъ Родіона Биркена (Rodovon Boerhen), дворянина, котораго онъ любилъ, приказалъ ему принести шахматный столикъ и сталъ самъ разставлять шахматы[1]). Главный любимецъ его, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, и другіе стояли кругомъ стола. Царь былъ въ широкомъ платьѣ, рубахѣ и холщевыхъ штанахъ. Вдругъ онъ ослабѣлъ и упалъ навзничь. Поднялся крикъ, смятеніе: кто посылалъ за водкой, кто—въ аптеку, за «розовой водой» и золотоцвѣтомъ (marigold), кто—за духовникомъ и медиками. Тѣмъ временемъ, онъ испустилъ дыханіе и окостенѣлъ. Чтобы возстановить сколько-нибудь тишину, стали говорить, что еще есть надежда на его выздоровленіе. Богданъ Бѣльскій и Борисъ Годуновъ, братъ жены будущаго царя Ѳедора Ивановича, главные изъ четырехъ другихъ бояръ, которымъ царь передалъ завѣщаніе,—однимъ словомъ, все правительство вышло на террасу, въ сопровожденіи внезапно образовавшейся толпы, множества знати и приближенныхъ покойнаго царя. Видъ былъ поразительный. Они закричали головамъ и стрѣльцамъ, чтобы тѣ крѣпче стерегли и заперли всѣ ворота во дворцѣ и держали наготовѣ орудія съ зажженными фитилями. Всѣ ворота Кремля тотчасъ были заперты. Стѣна уставлена стражею. Я предложилъ себя, людей, порохъ и пистолеты къ услугамъ новаго правителя; онъ принялъ

[1]) Одного шахматнаго короля ему никакъ не удавалось поставить на свое мѣсто, тогда какъ другіе шахматы были уже всѣ разставлены.

меня въ число своихъ домашнихъ и слугъ, и, проходя мимо, съ веселымъ видомъ, сказалъ: «Будь вѣренъ мнѣ и не бойся».

Митрополиты, епископы и бояре собрались во дворецъ—день этотъ былъ для нихъ днемъ торжества и избавленія; всѣ наперерывъ тѣснились къ евангелію и кресту присягать на вѣрность новому царю Ѳедору Ивановичу. Все это совершилось быстро, въ какіе-нибудь шесть или семь часовъ: запечатали казну, и новыя должностныя лица прибавлены въ помощь старымъ. Двѣнадцать тысячъ стрѣльцовъ и головы ихъ расположились гарнизонами вокругъ стѣнъ обширнаго города Москвы. Мнѣ дали стражу для охраны англійскаго двора и посланника сэра Джерома Боуса, который дрожалъ отъ страха, ожидалъ съ часу на часъ либо смерти, либо конфискаціи имущества, заперъ двери въ своемъ домѣ, окна и слугъ, оберегая остатки прежняго изобилія. По волѣ прежняго царя Борисъ Ѳедоровичъ былъ названъ правителемъ государства, а трое другихъ бояръ назначены ему помощниками въ управленіи, а именно: князь Иванъ Мстиславскій, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій и Никита Романовичъ. Они начали править и распоряжаться всѣми дѣлами, собрали инвентари всѣхъ гдѣ либо хранившихся сокровищъ, состоящихъ въ золотѣ, серебрѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ; освидѣтельствовали присутственныя мѣста и доходныя книги. Вездѣ назначены были новые казначеи, совѣтники, новые чиновники по всѣмъ приказамъ, новые намѣстники, головы и гарнизоны. Во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, острогахъ и въ болѣе значительныхъ волостяхъ были поставлены люди изъ фамилій, на вѣрность которыхъ можно было положиться; то же самое было соблюдено при составленіи свиты царицы, сестры Бориса, и онъ самъ, благодаря этимъ мѣрамъ, поставилъ себя внѣ всякой опасности и очень усилился. Велико было уваженіе къ Борису; его величали, любили, боялись и уважали; онъ обращался съ князьями и боярами и всякаго рода людьми такъ ласково и любезно, что еще болѣе расположилъ всѣхъ къ себѣ.

За мной послали и спрашивали, что посовѣтую имъ сдѣлать съ сэромъ Джеромомъ Боусомъ, такъ какъ дѣло его окончено. Я отвѣтилъ боярамъ, что честь царя и государства требуетъ отпустить его по-добру по-здорову, сообразно народнымъ правамъ. Иной способъ будетъ дурно понятъ, и могутъ возникнуть такія непріятности, которыя трудно будетъ уладить; впрочемъ, я предоставлялъ это ихъ мудрому и внимательному обсужденію. Всѣ они дурно отзывались о Боусѣ, говорили, что онъ достоинъ смертной казни; но такъ какъ нынѣшніе царь и царица находятся теперь въ болѣе милостивомъ расположеніи, то они поручаютъ мнѣ отправить его съ изъявленіемъ ему неудовольствія; я просилъ поручить это кому-нибудь изъ подданныхъ Его Величества.

Борисъ Ѳедоровичъ призвалъ меня однажды вечеромъ къ себѣ; я засталъ его за шахматами съ однимъ родственникомъ государя, княземъ Иваномъ Глинскимъ. Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Говорите поменьше въ защиту Боуса; я предупреждаю васъ, бояре недовольны этимъ. Ступайте сами, успокойте такихъ и такихъ-то (онъ назвалъ кого). Вашъ отвѣтъ обсудили; но многіе требуютъ наказанія за поведеніе Боуса. Съ своей стороны, я сдѣлаю, что могу: скажите ему это отъ меня». Я пошелъ къ боярамъ, пытался ихъ успокоить. Они сказали мнѣ, что участіе, которое я оказываю сэру Джерому Боусу, можетъ мнѣ повредить болѣе, нежели я думаю; что имъ извѣстно положеніе дѣлъ и Боусъ ненавистенъ всѣмъ, въ особенности высшимъ должностнымъ лицамъ, которыя такъ много терпѣли отъ его высокомѣрія. Меня они любили по старому знакомству, а еще больше за то, что Борисъ Ѳедоровичъ былъ такъ расположенъ ко мнѣ. «Поменьше вмѣшивайтесь въ это дѣло»—говорили они мнѣ. Но я все-таки продолжалъ тайно хлопотать о Боусѣ, такъ какъ онъ былъ въ большой опасности. Я умолялъ, чтобы его отправили въ Англію, такъ какъ его уже схватили и держали взаперти, лишивъ всякаго содержанія. Наконецъ, когда были покончены другія, болѣе важныя государственныя дѣла, безъ свиты послали за нимъ простого гонца; и тотъ ввелъ его въ комнату, гдѣ были многіе бояре. Они обошлись съ Боусомъ безъ всякаго уваженія, обвиняли его въ гнусныхъ поступкахъ противъ престола и государства и, не давая ему времени для отвѣта, осыпали бранью; въ особенности нападали на него оба Щелкана, важные сановники и нѣкоторые другіе, которые много потерпѣли отъ гнѣва и побоевъ царя, по жалобамъ Боуса, который неразумно и безполезно указывалъ на ихъ ошибки, и тѣмъ безпокоилъ царя и подданныхъ, чего не дѣлалъ до него ни одинъ посланникъ. Бояре говорили, что, въ примѣръ другимъ, чтобы не забывались и помнили, какое мѣсто занимаютъ посланники, слѣдовало бы отрѣзать ему, Боусу, ноги и выбросить его обезображенное тѣло въ рѣку. При этомъ они показали на окно; но тутъ же прибавили, что Богъ даровалъ имъ милосерднѣйшаго государя, который не хочетъ мести, и потому Боусъ узритъ его очи, ради королевы Елизаветы. Ему приказывали также снять шпагу, но онъ не послушалъ, потому что это было противно данному приказу и присягѣ. Они все-таки принудили его наконецъ послушаться, объяснивши, что онъ явится въ присутствіе благочестиваго и кроткаго государя, душа котораго опечалена, и видъ оружія непріятенъ ему. Боусу пришлось вооружиться терпѣніемъ; его представили царю одного. Царь, устами своего дьяка (chancellor), поручилъ кланяться королевѣ Елизаветѣ. Затѣмъ сэра Джерома Боуса отпустили до-

мой, давъ ему три дня на отъѣздъ изъ Москвы: быть можетъ, вслѣдъ за нимъ намѣревались послать письмо королевѣ. Сэръ Джеромъ Боусъ располагалъ теперь небольшими средствами, не имѣлъ денегъ, кромѣ данныхъ ему на дорогу; но былъ радъ, что его отпустили такъ мирно, и самъ онъ желалъ выбраться изъ Россіи. Я выхлопоталъ ему 30 повозокъ подъ имущество и слугъ и столько же почтовыхъ лошадей, и просилъ у правителя дозволенія видѣться съ нимъ, говорить и проводить за городъ. Одинъ сынъ боярскій приставленъ былъ надзирать за Боусомъ и стеречь его; онъ обращался съ нимъ невѣжливо и много заставлялъ терпѣть отъ своего высокомѣрія и чванства. Я провожалъ Боуса со своими слугами и добрыми друзьями на хорошихъ верховыхъ лошадяхъ, во избѣжаніе непріятностей, которыя могли случиться съ нимъ и съ его спутниками. Въ десяти верстахъ отъ города я разбилъ свой шатеръ; у меня былъ добрый запасъ вина и меду. Я простился съ Боусомъ и его свитою; онъ просилъ меня не терять изъ вида его безопасности, боясь какого-нибудь коварства на дорогѣ, что я и исполнилъ, хотя ничего ему не отвѣтилъ. До странности одержимый страхомъ, онъ благодарилъ меня за то, что я сдѣлалъ; говорилъ, что будетъ просить королеву и моихъ друзей изъявить мнѣ признательность, и что ни онъ, ни его друзья не забудутъ этого. Собственноручнымъ письмомъ изъ Переяславля онъ повторилъ сказанное мнѣ при прощаніи и просилъ продолжать заботиться о немъ. Богъ мнѣ свидѣтель, я дѣйствительно старался о его безопасности и пользѣ, выхлопоталъ у правителя, чтобы тотъ послалъ вслѣдъ за нимъ грамоты королевѣ и связку соболей ему въ подарокъ отъ себя. Но когда Боусъ прибылъ къ св. Николаю и вступилъ на корабль, то позволилъ себѣ крайне невоздержныя, опрометчивыя и нескромныя выраженія, обращаясь къ дворянину, его сопровождавшему; изрѣзалъ въ куски связку соболей и письма, отзывался высокомѣрно и оскорбительно о царѣ и его совѣтникахъ. По его отъѣздѣ важные государственные сановники Щелканы изъ друзей стали моими смертельными врагами за то, что я принялъ сторону Боуса. Я распространяюсь обо всемъ этомъ, чтобы разсказать впослѣдствіи, какъ сэръ Джеромъ Боусъ расквитался со мною.

Строй и управленіе русскимъ государствомъ такъ измѣнились противъ прежняго, что можно было назвать это государство совсѣмъ новымъ; все получило другой видъ, противоположный старому; каждый жилъ въ спокойствіи, радовался, занимаясь своимъ дѣломъ; вездѣ назначены новые чиновники, вездѣ творилось правосудіе. Но Богъ готовилъ великую казнь этому народу. Природныя наклонности этого народа были такъ злы и порочны, что еслибы старый царь не держалъ правленія въ жесткихъ и суровыхъ

рукахъ, то онъ не жилъ бы такъ долго; противъ него постоянно составлялись коварные и предательскіе заговоры; но онъ всегда открывалъ ихъ. Нельзя было ожидать, что великія сокровища, оставленныя Іоанномъ, будутъ такъ скоро расточены, и чтобы государство, царская власть, бояре и народъ въ такой степени пришли въ упадокъ. Неправедно пріобрѣтенное скоро теряется.

Царь Иванъ Васильевичъ царствовалъ около шестидесяти лѣтъ.—Онъ покорилъ Полоцкъ, Смоленскъ и много другихъ городовъ и укрѣпленій, на семьсотъ верстъ на югъ отъ Москвы, въ Литовскомъ краѣ, принадлежащемъ польской коронѣ. Онъ завладѣлъ также многими другими городами и укрѣпленіями въ восточной Ливоніи и въ другихъ областяхъ Польши и Швеціи; завоевалъ царства Казанское и Астраханское, земли многочисленныхъ нагаевъ, черкесскихъ татаръ и множество другихъ народовъ, обитавшихъ, на разстояніи двухъ тысячъ верстъ, по берегамъ знаменитой рѣки Волги, на югъ до самаго Каспійскаго моря. Онъ освободился отъ подати, или рабской дани, платимой и представляемой имъ и его предшественниками ежегодно великому скиѳскому царю, татарско-крымскому хану, кромѣ ежегоднаго платежа въ предохраненіе отъ ежегодныхъ татарскихъ набѣговъ. Сверхъ того, Іоаннъ покорилъ царство Сибирское и всѣ прилежащія къ сѣверу земли свыше 1500 верстъ и, такимъ образомъ, значительно расширилъ свои владѣнія и государство на всѣ стороны; старался заселить его и завелъ обширную торговлю со всѣми странами для обмѣна произведеній; этимъ средствомъ не только увеличились пошлины и доходы казны, но обогащались города и провинціи. Владѣнія этого государства теперь настолько обширны, что съ трудомъ могутъ состоять въ одномъ управленіи, и должны снова раздѣлиться на государства и княжества, однако находятся подъ одною верховною монархическою властью, наиболѣе могущественною между всѣми сосѣдними государями. Къ этой цѣли стремился Іоаннъ, могъ надѣяться и былъ на пути къ достиженію. Но необузданное честолюбіе и человѣческая мудрость оказываются безуміемъ передъ всесильной волею и властью Всемогущаго, какъ это оказалось впослѣдствіи.

Царь привелъ къ опредѣленной и точной формѣ писаннаго закона двусмысленные и неясные обычаи и судопроизводство, предоставивъ каждому подданному уразумѣть смыслъ закона и самому, безъ ходатая, вести тяжбу своего дѣла, а въ важныхъ случаяхъ обращаться безпрепятственно къ верховному суду правительства. Этотъ же царь установилъ и обнародовалъ одно всеобщее вѣроисповѣданіе, вѣроученіе и церковный порядокъ, сообразно тремъ символамъ (?) (какъ они называютъ) или право-

славной вѣрѣ, болѣе близко къ апостольскому чину первобытной церкви и согласно съ ученіемъ Аѳанасія и другихъ лучшихъ и знаменитѣйшихъ отцовъ церкви собора Никейскаго и прочихъ важнѣйшихъ соборовъ. Онъ и его предшественники, признавая, что первоначальныя и основныя правила христіанской религіи опираются на греческую церковь, производили древность собственной церкви отъ апостола Андрея и св. Николая, своего покровителя. Но церковь греческая, по причинѣ раздоровъ и разореній, въ послѣдніе годы пришла въ упадокъ и удалилась отъ основныхъ пунктовъ какъ въ сущности ученія, такъ и въ обрядахъ. Вслѣдствіе этого, царь отдѣлилъ московскую епархію отъ сообщенія съ нею и, такимъ образомъ, лишилъ послѣднюю пособій и даней, собираемыхъ для ея нуждъ, и уговорилъ малодушнаго патріарха Іеремію отказаться за патріаршество въ Константинополѣ въ пользу московской митрополіи [1]). При этомъ царь окончательно отвергъ и порицалъ ученіе папы, утверждая, что изъ всѣхъ христіанскихъ церквей оно самое ошибочное; что папы заботятся о своемъ честолюбіи, прибѣгаютъ къ выдумкамъ, чтобы поддержать незаконно присвоенную іерархію, и удивлялся, какъ это христіанскіе государи признаютъ за папой какое-либо первенство и свѣтскую власть. Все это, но болѣе подробно, онъ велѣлъ своимъ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и игуменамъ объявить во всеуслышаніе папскому нунцію Антонію Посавину (Posavinus), великому іезуиту, передъ царскими вратами въ церкви Пречистой въ городѣ Москвѣ. Іоаннъ построилъ въ свое время до сорока каменныхъ церквей, богато убранныхъ и украшенныхъ внутри, съ позолоченными чистымъ золотомъ верхами. Онъ основалъ около шестидесяти мужескихъ и женскихъ монастырей и, одаривъ ихъ колоколами и украшеніями, назначилъ всѣмъ содержаніе, ради молитвъ за его душу.

При Іоаннѣ построена была посреди Кремля башня изъ тесанаго камня, называемая Blaveshina Collicalits (Благовѣщенская колокольня), съ 30-ю большими колоколами пріятнаго звона, служащими для всѣхъ соборовъ и красивыхъ окружныхъ монастырей. Всѣ колокола заливаются разомъ въ праздничные дни (которыхъ очень много у русскихъ), или заунывно звонятъ во время полночной молитвы.

Не могу пройти молчаніемъ одного акта своеобразнаго милосердія, очень замѣчательнаго, и этимъ кончу говорить о благочестіи царя. Въ 1575 году ужасный голодъ послѣдовалъ за моровой язвой, истребившей лучшихъ людей. Города, улицы и дороги были переполнены бродягами, праздными попрошайками и притворными калѣками; не было отъ нихъ никакого спа-

[1]) Это случилось при Іереміи патріархѣ константинопольскомъ, въ январѣ 1589 г.

сенія въ эти времена общаго оскудѣнія. Объявлено было, что царь станетъ раздавать щедрую милостыню въ такой-то день въ Слободѣ. Явилось туда нѣсколько тысячъ; семистамъ самымъ негоднымъ обманщикамъ размозжили головы и бросили ихъ трупы въ озеро на кормъ рыбамъ, а остальныхъ, дѣйствительно слабыхъ, отправили въ монастыри и богадѣльни.

Кромѣ подобныхъ дѣлъ, царь въ свое время построилъ 155 крѣпостей въ разныхъ частяхъ своего государства и снабдилъ ихъ орудіями и гарнизономъ. Онъ построилъ 300 городовъ въ пустынныхъ и дикихъ мѣстахъ, назвалъ ихъ «ямами» —на версту и двѣ въ длину; каждому жителю въ городѣ далъ участокъ земли съ тѣмъ, чтобы онъ могъ содержать столько лошадей, сколько потребуется. Самую Москву царь обвелъ крѣпкою, широкою и красивою стѣною, снабдивъ орудіями; учредилъ начальство надъ стражею.

Этимъ я кончу о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Онъ былъ хорошъ собой, стройно сложенъ, съ высокимъ лбомъ, съ пронзительнымъ голосомъ, настоящій скиѳъ,—остроуменъ, жестокъ, кровожаденъ, безжалостенъ; его собственная опытность помогала ему въ управленіи государствомъ и общественными дѣлами. Его погребли великолѣпно въ церкви Архангела Михаила, гдѣ стерегли тѣло его день и ночь; гробъ его оставался страшнымъ зрѣлищемъ въ памяти тѣхъ, которые проходили мимо или слышали его имя; они клали крестное знаменіе и читали молитву, страшась мысли его появленія на землѣ вновь.

Борисъ Ѳедоровичъ, желая проявить свое величіе, назначилъ и снарядилъ наиболѣе годныхъ пословъ ко всѣмъ государямъ и союзникамъ русскаго государства. Но, прежде всего, были сдѣланы приготовленія къ царскому вѣнчанію, которое требуетъ болѣе подробнаго описанія, чѣмъ я могу удѣлить. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого торжества, причемъ мнѣ было оказано много милости и почета; но не стану разсказывать о немъ, а попрошу читателя обратиться къ сдѣланному уже описанію въ книгѣ путешествій Гаклюта и къ разсказу доктора Флетчера, отданному давно въ мои руки, вмѣстѣ съ другими разсужденіями о положеніи и управленіи этого государства [1]). Меня выбрали вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими и назначили посломъ къ королевѣ. Сущность на него посольства состояла почти въ слѣдующемъ: извѣстить Ея Величество, что, по волѣ Божіей,

[1]) Отчетъ Горсея о коронаціи Ѳеодора Ивановича, бывшей 10 іюня 1584 г., напечатанъ у Гаклюта въ его «Собраніи раннихъ путешествій, странствованій и открытій англійской націи», въ Лондонѣ 1809—1812 г. Т. I, стр. 525. Мы перепечатываемъ его въ приложеніяхъ (Прим. англ. издателя).

государь Θеодоръ Ивановичъ коронованъ и посаженъ на престолъ надъ всѣми государствами и землями, которыми владѣлъ его отецъ, блаженной памяти царь Иванъ Васильевичъ. При этомъ новый царь имѣетъ добрыя намѣренія, и, побуждаемый заботливымъ и свойственнымъ ему благимъ желаніемъ мира, извѣщаетъ государей на ихъ благоусмотрѣніе, что онъ предполагаетъ состоять съ ними въ союзѣ и братской дружбѣ; и если они примутъ ее, то обѣщаетъ сноситься съ ними и поддерживать торговыя и всякія другія отношенія между своими и ихъ подданными.

Меня отправили съ этой грамотой и порученіемъ вести переговоры о всѣхъ предметахъ, собственно касающихся пользы обѣихъ сторонъ, и отпустили особенно милостиво, съ благосклонными и лестными рѣчами, какъ частнымъ образомъ, такъ и публично сказанными мнѣ правителемъ Борисомъ Θедоровичемъ, который, кромѣ того, далъ отъ себя еще особенныя инструкціи и порученія [1]). Я пустился въ путь съ хорошимъ содержаніемъ и свитой, и, куда ни пріѣзжалъ, вездѣ меня принимали, содержали и обращались со мною, какъ съ посланникомъ. Я выѣхалъ изъ Москвы 20-го августа 1585 года; проѣхалъ сухимъ путемъ 600 верстъ до Пскова, оттуда въ Дерптъ въ Ливоніи, въ Пернау, Венденъ, Либаву и, наконецъ, въ Ригу, столицу этого края, гдѣ я имѣлъ порученіе переговорить съ королевой, вдовой Магнуса [2]), ближайшею наслѣдницею московскаго престола. Она жила очень бѣдно въ рижскомъ замкѣ на скудномъ содержаніи, которое выдавалось ей изъ казны польскаго короля. Къ ней не было доступа иначе, какъ съ разрѣшенія кардинала Радзвилла [3]), который проживалъ тогда въ Ригѣ. Это былъ утонченный князь-прелатъ, любившій общество ливонскихъ дамъ, красивѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ. Много мнѣ стоило труда добиться у него доступа къ королевѣ. Кардиналъ сначала принялъ на себя строгій видъ, показывая этимъ, что онъ затрудняется дать разрѣшеніе, но когда мы съ нимъ ближе познакомились, онъ развеселился, шутилъ и однажды, проходя мимо меня въ процессіи, засмѣялся и далъ мнѣ знакъ, чтобы я глядѣлъ на его степенный видъ.

Когда я пришелъ къ Еленѣ, вдовѣ короля Магнуса, то засталъ, какъ она расчесывала волосы своей дочери, хорошенькой девятилѣтней дѣвочки.

---

[1]) Смотри отдѣльный отчетъ Горсея объ этомъ и второмъ его посольствѣ въ 1589 году, напечатаный въ приложеніяхъ.

[2]) Марія, племянница Ивана Васильевича и вдова Магнуса, ливонскаго короля. Борисъ Θедоровичъ хлопоталъ о томъ, чтобы ее заточить въ Троицкій монастырь вмѣстѣ съ малолѣтнею дочерью Евдокіею.

[3]) Кардиналъ Юрій Радзивиллъ, губернаторъ Ливоніи.

Королева спросила, что мнѣ нужно. Я выразилъ желаніе говорить съ нею наединѣ; она сначала посмотрѣла на меня сурово и сказала, что не знаетъ меня и у ней нѣтъ особыхъ пріемныхъ комнатъ и свиты. Оставивъ свою дочь съ дворянкою, она отошла къ окну и приняла еще болѣе величественную осанку. «Государыня!» сказалъ я: «у меня нѣтъ времени распространяться о причинѣ посольства моего къ Вашему Величеству: позвольте мнѣ просить васъ сохранить въ тайнѣ то, о чемъ я буду говорить съ вами, имѣя въ виду одну вашу пользу». Она молчала; я продолжалъ: «Братъ вашъ царь Ѳедоръ Ивановичъ (онъ приходился ей двоюроднымъ братомъ), провѣдавъ о той нуждѣ, въ какой живете вы и дочь ваша, желаетъ, чтобы вы вернулись на родину; тамъ вы были бы поставлены, сообразно вашему царственному рожденію и сану, и получили бы приличное содержаніе; а правитель Борисъ Ѳедоровичъ, съ своей стороны, обязывается выполнить это». Она отвѣчала: «Они меня не знаютъ и я ихъ; но вашъ видъ, рѣчь и наружность побуждаютъ меня вѣрить вамъ болѣе, чѣмъ приказываетъ разсудокъ». Меня прервали и поспѣшно вывели, изъ чего я увидѣлъ, что комендантъ не совсѣмъ довѣряетъ мнѣ. Ей также не хотѣлось разстаться со мною. Она начала плакать; глядя на нее, заплакали дочь и дворянка. Королева выразила желаніе, чтобы я снова добился свиданія съ нею. Извѣстили объ этомъ кардинала; онъ послалъ за мною и спросилъ: «какими это шутками я заставилъ королеву смѣяться». Я отвѣтилъ, что ему передали что-нибудь не такъ.—«Вы знаете, что я разумѣю подъ этимъ? вы будете имѣть доступъ къ ней, но не будьте слишкомъ дерзки». Я попросилъ у него письменнаго разрѣшенія—и получилъ его. Она съ нетерпѣніемъ желала выслушать остальное; я также охотно сообщилъ ей все.—«Вы видите, сэръ», сказала она, «я здѣсь, какъ плѣнница; содержаніе мое самое скудное: едва тысяча талеровъ въ годъ!»—

Вы можете помочь этому, если пожелаете».—«Два сомнѣнія особенно тревожатъ меня: положимъ, что я бы согласилась ѣхать съ вами, но я не имѣю возможности бѣжать, и думаю, что это очень трудно, такъ какъ убѣдилась, что король и государство хотятъ пользоваться моимъ рожденіемъ и кровью, какъ египетскими божками; а съ другой стороны, я знаю московскіе обычаи, и мало имѣю надежды, чтобы такъ поступили со мной иначе, какъ обыкновенно поступаютъ съ царскими вдовами, запирая ихъ въ отвратительные монастыри; это мнѣ было бы хуже смерти».—«Ваше положеніе совсѣмъ другое, да и времена не тѣ; теперь никого не принудятъ къ этому, у кого есть ребенокъ или дѣти, которыхъ нужно воспитывать».—«Какое мнѣ ручательство въ этомъ и въ томъ, что дѣйствительно такъ думаютъ тѣ, отъ имени которыхъ вы говорите?»—«Если вы

согласитесь, то можете подвергнуть это опыту; а увѣренность въ успѣхѣ съ вашей стороны можетъ много способствовать благополучному исходу предпринятаго вами бѣгства; нужно только, чтобы вы убѣдились и увидѣли въ задуманныхъ средствахъ возможность безопасно выполнить его. — Итакъ, я должна положиться на Бога и на вашу христіанскую скромность и обѣщаніе; позвольте узнать ваше имя и приблизительно время, когда это можетъ случиться?» — «Не сомнѣвайтесь, милостивая государыня; черезъ два мѣсяца Ваше Величество узнаете и то и другое; я оставляю вамъ въ залогъ эти сто венгерскихъ золотыхъ дукатовъ, а черезъ семь недѣль, или около этого, ваша милость получите еще четыреста».

Королева приняла ихъ съ благодарностью; сверхъ того я поднесъ еще двадцать дукатовъ ея дочери.

Затѣмъ я раскланялся съ ними; королева и дочь ея пожали мнѣ руку на прощаніе, и я ушелъ очень довольный, что мнѣ удалось сдѣлать такъ много.

Мои слуги и комендантъ замка очень удивлялись тому, что я такъ долго оставался у королевы. Послѣдній донесъ объ этомъ снова кардиналу. «Да ну его!» отвѣтилъ тотъ, «не подозрѣвайте его; вы видите, какой онъ ловкій парень и красивый, и т. д. Я желалъ бы, чтобы она досталась ему; тогда я воротилъ бы то, чего она мнѣ стоила. Но на это не согласятся ни король польскій, ни государство и за сто тысячъ дукатовъ». Я подарилъ кардиналу красивый, шитый золотомъ носовой платокъ и нижайше благодарилъ его за расположеніе. — Я радъ, что вы имѣли такой успѣхъ, сэръ; когда мы встрѣтимся снова въ Польшѣ, то весело припомнимъ старое знакомство...

Когда я выходилъ изъ городскихъ воротъ, меня встрѣтила прилично одѣтая дѣвушка съ непокрытой головой и подала бѣлый, искусно тисненый носовой платокъ, въ уголкѣ котораго былъ завязанъ маленькій перстень съ рубинами недорогой цѣны; она не сказала мнѣ отъ кого это. Я поѣхалъ прямо, спѣша выбраться изъ мѣстности, подвластной кардиналу, черезъ Курляндію, Пруссію, Кёнигсбергъ, Мельвинъ и Данцигъ. Въ послѣднемъ городѣ я отдохнулъ немного и послалъ обратно одного изъ своихъ слугъ, данцигскаго поселянина съ письмами, платкомъ и донесеніемъ къ царю и Борису Ѳеодоровичу о томъ, что я сдѣлалъ. Все это я зашилъ въ подкладку его стеганаго одѣяла. Онъ проѣхалъ такъ благополучно и скоро, что королева, вдова Магнуса, съ дочерью были похищены очень ловко и отправлены на почтовыхъ черезъ Ливонію, прежде чѣмъ замѣтили, что ихъ нѣтъ. Комендантъ послалъ за ними верховыхъ, но было поздно. Его отставили отъ должности съ выговоромъ и назначили на его мѣсто другого, болѣе надежнаго.

Чтобы покончить съ этой исторіей, скажу, что, по возвращеніи моемъ изъ Англіи, я узналъ, что вдова Магнуса окружена большимъ почетомъ, имѣетъ свой дворъ, земли и приличное ея званію содержаніе; но вскорѣ послѣ того она и дочь ея были заключены въ женскій монастырь, наравнѣ съ другими царицами, причемъ она воскликнула: «Да будетъ проклято то время, когда я была обманута и повѣрила ему»! Но ей не было дозволено видѣться со мною, ни мнѣ съ нею. Эта услуга была достойно принята; но я очень раскаялся, что оказалъ ее.

Возвращусь къ моему разсказу: изъ Данцига я проѣхалъ черезъ Кашубію, Померанію, Штетинъ, Мекленбургъ, Ростокъ (гдѣ я чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти) и прибылъ въ знаменитый имперскій городъ Любекъ, и здѣсь былъ принятъ отлично и съ большимъ почетомъ. Бургомистръ и ратсманы поднесли мнѣ вина и печенья и поблагодарили за мое прежнее расположеніе къ нимъ. Изъ Гамбурга я отправился въ Англію, прибылъ ко Двору въ Ричмондъ, явился къ лорду-казначею и сэру Францису Уолсингэмъ. Они представили меня королевѣ. Ея Величество приняла письма царя, очень милостиво выслушала мою рѣчь, самымъ лестнымъ образомъ похвалила меня, говоря, что очень рада имѣть такого смышленаго и вѣрнаго слугу, которому великіе иностранные государи поручаютъ такія важныя дѣла. Затѣмъ, обратившись къ своему гофмейстеру м-ру Томасу Геннигу, сказала: — «Позаботились ли вы о его помѣщеніи? Уже поздно, завтра я побольше поговорю съ вами», сказала она мнѣ. Сэръ Джеромъ Боусъ и его братъ, мистеръ Рауфъ Боусъ, пришли ко мнѣ съ привѣтствіемъ, наговорили мнѣ много любезностей и съ нѣкоторой наглостью выпытывали меня. Боусъ отзывался съ большою похвалою о моихъ переговорахъ, о той милости и уваженіи, какими я пользовался при царскомъ Дворѣ. Я повѣрилъ ему потому, что королева то же самое говорила мнѣ. На слѣдующій день Ея Величеству угодно было назначить мнѣ длинную аудіенцію. Она коснулась, между прочимъ, неловкаго поведенія сэра Джерома Боуса; но я почти ничего не отвѣтилъ на это. Мнѣ поручили перевести письма; я принялся за дѣло, стараясь смягчить написанное противъ сэра Джерома; это не понравилось секретарю, который замѣтилъ это и сказалъ, что королева была бы недовольна, если бы узнала, такъ какъ Ея Величество приказывала мнѣ никого не опасаться.

Когда я перевелъ письма, секретарь прочелъ ихъ королевѣ. Ея Величество пожелала узнать, что̀ мнѣ было поручено передать ей изустно сверхъ того, что̀ заключалось въ царскихъ письмахъ. Я отвѣтилъ, что имѣю передать весьма много, и потому боюсь утомить высокое вниманіе Ея Величества; и такъ уже довольно поздно». —«Въ такомъ случаѣ, я на-

значу вамъ болѣе удобное время для дальнѣйшей аудіенціи», и, обратившись къ лордамъ, королева сказала: «Надѣюсь, лорды, вы согласитесь съ тѣмъ, что содержаніе этихъ писемъ такъ же лестно, какъ содержаніе всякаго другого письма, какое мы когда-либо получали отъ вновь вступившаго на престолъ государя: онъ предлагаетъ намъ свою дружбу и союзъ, а это мы должны были бы предложить первые сами собою, изъ вѣжливости и по принятымъ у государей обычаямъ .

Меня въ Лондонѣ помѣстили удобно, съ хорошимъ содержаніемъ и прислугой; а члены московской торговой компаніи—сэръ Роуландъ Гейвардъ, сэръ Джоржъ Барнсъ, таможенный Смитъ и многіе другіе альдермэны и знатные купцы оказывали мнѣ всякій почетъ, угощали и развлекали. Королева вызвала меня въ Гринвичъ; я доложилъ все, что зналъ и о чемъ угодно было Ея Величеству спросить меня, и, кромѣ того, прибавила, что «мы упустили удобный случай и большія сокровища, которыми могло бы завладѣть, при случаѣ, ея королевство».—Я употребилъ много времени, закупая разные запасы для царя и правителя, согласно данному отъ нихъ приказу. Кромѣ того, они черезъ меня спрашивали мнѣнія и совѣты у ученыхъ медиковъ оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ, относительно царицы Ирины въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (зачатія и рожденія дѣтей: она была уже семь лѣтъ замужемъ и часто бывала беременна, но не имѣла дѣтей), а также касательно супружескаго сожитія, о чемъ мнѣ было дано секретное порученіе. Но случилось такъ, что это навлекло на меня большія непріятности.

Сэръ Джеромъ Боусъ за нѣкоторое неудовольствіе, выказанное ему королевой, сталъ употреблять разные злобные происки, чтобы повредить мнѣ; возстановилъ противъ меня лорда Лечестера, новаго регента Нидерландъ, который прежде оказывалъ мнѣ много чести и вниманія и писалъ частныя милостивыя письма; а я, по его письменнымъ требованіямъ, высылалъ ему богатые мѣха, бѣлыхъ кречетовъ, бѣлыхъ медвѣдей и другіе цѣнные предметы, платя друзьямъ моимъ за доставку. Боусъ наговорилъ на меня, что я показывалъ разнымъ лордамъ иноблемэнамъ свою записную дощечку, на которой будто бы отмѣтилъ день и то, какимъ образомъ лордъ сбросилъ свою жену съ двухъ лѣстницъ, сломилъ ей голову и черезъ что сдѣлался любимцемъ королевы. Этимъ Боусъ думалъ погубить и меня и дѣло, которое было у меня въ рукахъ, тогда какъ до этого я даже не слыхивалъ о чемъ-нибудь подобномъ [1]). Графъ Лечестеръ написалъ обо

[1]) (Эми Робсартъ, первая жена Лечестера, умерла въ сентябрѣ 1560 г. Зловѣщіе слухи о родѣ ея смерти, на которую ссылаются въ текстѣ, скоро послѣ этого сдѣлались господствующими въ Англіи).

всемъ королевѣ и просилъ призвать меня къ допросу и задержать. Королева измѣнилась въ лицѣ, поклялась, что я отвѣчу за это, и приказала своему совѣту лордовъ разобрать дѣло.

Сэръ Джеромъ Боусъ вызвался доказать сказанное имъ черезъ посредство Финча, своего прихлебателя, котораго я, будто бы, хотѣлъ сжарить въ Москвѣ за доносъ. Однако королева открыто сказала: «Я не сомнѣваюсь, что Горсей покажетъ себя честнымъ человѣкомъ въ этомъ дѣлѣ».—Одинъ только лордъ Гонсдонъ, занимавшій тогда должность канцлера, принялъ сторону Боуса, а лордъ-казначей сэръ Христофоръ Гаттонъ и, въ особенности, сэръ Францисъ Уолсингэмъ упорно и съ довѣріемъ держались хорошаго мнѣнія обо мнѣ, да еще многіе друзья и родственники стояли твердо за меня. При Дворѣ и въ городѣ толковали объ этой гнусной исторіи. Насъ собрали. Сэръ Джеромъ Боусъ притворился больнымъ; лорды нарочно послали за нимъ, потому что этого желала королева. Онъ явился: сторона обвинителей была слаба, запиналась, боязливо и безпрестанно посматривала на Боуса, ожидая, что̀ онъ скажетъ лордамъ, которые всѣ казались недовольными. За меня были четверо значительныхъ купцовъ, жившихъ все время въ Москвѣ, когда находился тамъ этотъ Финчъ, который только всего какихъ-нибудь дней десять и былъ при мнѣ. Они показали и засвидѣтельствовали, какъ я дружелюбно относился къ Боусу, какъ дружески проводилъ изъ Москвы, какъ помогалъ ему въ нуждѣ и опасности. При этомъ я показалъ его собственноручныя письма, исполненныя благодарности и признательности. Лорды удалили Боуса изъ комнаты совѣта и приказали Финчу объявить истину. Тотъ сознался, что письма были собственноручно писаны имъ, и показалъ, что Боусъ часто и настойчиво принуждалъ его поддержать обвиненіе, говоря, что непремѣнно уничтожитъ Горсея и его посольское дѣло; а онъ самъ, Финчъ, прежде ничего объ этомъ и не слыхивалъ. Лорды приказали наложить на Финча тяжелыя оковы, а лордъ-казначей сказалъ ему: «Хотя васъ, сударь мой, и не жарили, но я очень жалѣю, что не содрали съ васъ немного шкуры!» Лордъ-камергеръ тайно отъ лордовъ поспѣшилъ къ королевѣ; но секретарь предупредилъ его, пройдя другимъ ходомъ, и разсказалъ Ея Величеству о томъ, что̀ произошло. Королева сдѣлала выговоръ лорду Гонсдону, а тотъ сложилъ всю вину на Боуса, которому сказали лорды, что онъ такъ уронилъ себя, что уже нельзя никакой цѣной поправить сдѣланнаго. «Пусть онъ, милорды, потерпитъ за свое ложное показаніе», сказала королева и запретила ему являться ко Двору.

Я утомилъ васъ, но могу еще столько же разсказать о недоброжелательствѣ этого дурного человѣка, надѣлавшаго зла болѣе, чѣмъ стоила его жизнь.

Однако, нанесенная мнѣ обида была замѣчена; для меня наступили болѣе ясные дни. Не взирая ни на что, при пособіи друзей: сэра Франциса Уолсингэмъ и сэра Джоржа Барна, я сдѣлалъ въ это время закупку львовъ, быковъ, собакъ, позолоченныхъ алебардъ, пистолей, ружей, всякаго вооруженія, разнороднаго антекарскаго снадобья, вина, органовъ, клавикордъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, алыхъ тканей, нитокъ жемчуга, посуды вычурной работы, разныхъ другихъ цѣнныхъ вещей, сообразно данному мнѣ порученію. Прощаясь съ королевой, я получилъ отъ Ея Величества письма къ царю и правителю и отпускныя грамоты на проѣздъ, причемъ мнѣ было сказано много милостивыхъ словъ и дано обѣщаній, а отъ лордовъ и компаніи купцовъ было мнѣ много наказовъ и инструкцій съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ, за поддержку добраго расположенія и за оказанныя имъ услуги при Дворѣ царя. Я отправился очень удобно изъ Англіи, въ сопровожденіи девяти хорошихъ купеческихъ кораблей. Прибылъ я къ порту св. Николая, оттуда на почтовыхъ къ Москвѣ[1]) и, проѣхавъ 1200 верстъ, явился къ правителю, теперь уже владѣтельному князю земли на Вагѣ, былъ принятъ имъ радушно; послѣ многихъ разговоровъ онъ провелъ меня къ царю заднимъ ходомъ, повидимому, былъ радъ моему возвращенію, потчивалъ (pochivatet), шутилъ и затѣмъ отпустилъ меня до времени. На другой день правитель послалъ за мною, разсказывалъ о разныхъ необыкновенныхъ происшествіяхъ, перемѣнахъ и событіяхъ, случившихся со времени моего отъѣзда, о которыхъ мнѣ было очень грустно слышать. Между прочимъ, онъ сообщилъ о тайныхъ замыслахъ вдовы царицы, матери царевича Дмитрія, ея родныхъ и нѣкоторыхъ другихъ бояръ, назначенныхъ волею покойнаго государя ему въ товарищи по управленію и которыхъ онъ, увѣренный въ своей собственной силѣ, не хотѣлъ вовсе имѣть соправителями. «Вы услышите многое», прибавилъ онъ; «но вѣрьте немногому, кромѣ того, что я сказалъ вамъ».

Отъ противниковъ Бориса Годунова я дѣйствительно слышалъ многое; нѣкоторые вельможи сообщили мнѣ причины своего неудовольствія: обѣ стороны другъ противъ друга работали, чтобы дать волю своему произволу, съ большою осторожностью, предусмотрительностью и ловкостью, что никому не могло принести пользы въ концѣ концовъ.

Борисъ спросилъ меня: «Когда же пріѣдутъ ваши подарки и мои закупки?»—«Я думаю, что они уже близко», отвѣчалъ я.

Меня позвали къ царю въ засѣданіе совѣта, который былъ почти въ полномъ составѣ. Послѣ вступительной рѣчи и перечисленія титуловъ, я

[1]) Горсей прибылъ въ Москву 2 апрѣля 1586 г.

прославилъ величіе царской монархіи и передалъ письменный отчетъ въ моемъ порученіи (какъ дѣлали это другіе посланники) и отвѣтныя письма Его Величеству отъ Ея Величества, королевы англійской. Когда ихъ приняли,—я хотѣлъ удалиться. Меня спросили о подаркахъ, посланныхъ Его Величеству. Я отвѣтилъ, что они таковы, что требуютъ довольно времени для перевозки. Немедленно данъ былъ приказъ послать одного дворянина съ двадцатью ловчими и со всѣмъ необходимымъ для поспѣшной доставки отъ Двины всего, привезеннаго мною. Тутъ меня похвалили за услуги и за исполненіе царскаго желанія и порученія, касательно благополучнаго прибытія въ Россію королевы, вдовы Магнуса.

Богданъ Бѣльскій, главный любимецъ покойнаго государя, былъ отправленъ въ укрѣпленный городъ Казань въ опалу, какъ опасный заговорщикъ и зачинщикъ мятежей между недовольными дворянами. Петръ Головинъ, главный казначей стараго царя, человѣкъ знатнаго рода и большой храбрости, за дерзость и рѣзкія выраженія противъ Бориса Өедоровича, тоже подвергся опалѣ, по наговору Ивана Воейкова, любимца новаго правителя, былъ высланъ и умерщвленъ дорогой. Иванъ Васильевичъ Сицкій, первый изъ князей царственной крови, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и властью, былъ главнымъ соперникомъ Бориса въ правительственной коммиссіи; его неудовольствія и могущество были опасны ему, и потому былъ найденъ предлогъ къ обвиненію. Царская немилость постигла Сицкаго внезапно, и ему приказали выѣхать изъ Москвы на покой, въ свою землю; по дорогой внезапно напалъ на него отрядъ царской гвардіи: онъ задохся въ избѣ, которую подожгли, обложивъ сырымъ сѣномъ и соломой, не въ далекомъ разстояніи отъ его имѣнія; всѣ оплакивали его [1]). Это былъ важнѣйшій и наиболѣе страшный камень преткновенія для дома и семьи Годуновыхъ; затѣмъ еще многихъ, наиболѣе подозрѣваемыхъ или не ладившихъ съ нимъ, постигла постепенно та же участь. Мнѣ грустно было видѣть, какъ въ сердцахъ и мнѣніи большинства возрастала ненависть къ правителю за его лицемѣріе и жестокость, которую еще болѣе преувеличивали. Однажды Борисъ Өедоровичъ взялъ меня съ собою за городъ, черезъ потаенныя ворота, при небольшомъ числѣ людей, его сокольничихъ, смотрѣть, какъ его кречеты гонятся на лету за журавлями, цаплями и дикими лебедями, царски забавляясь своими острыми когтями, но не разрывая и не истребляя добычи, потому что у нихъ былъ наготовѣ безконечный выборъ корма. Въ это время какой-то

[1]) Горсей ошибся въ фамиліи. По свидѣтельству Псковской лѣтописи, такая участь постигла Ивана Петровича Шуйскаго, знаменитаго военачальника при Иванѣ Грозномъ и защитника Пскова противъ Стефана Баторія.

нищенствующій монахъ подошелъ къ правителю и совѣтовалъ поспѣшить домой, потому что не всѣ друзья ему изъ тѣхъ, которые собираются смотрѣть на его забаву. Въ это время до пяти сотъ молодыхъ дворянъ и придворныхъ слугъ верхами ѣхали ему навстрѣчу ради почета, какъ говорилось, или съ тѣмъ, чтобы проводить его за городъ. Онъ послушался совѣта, который далъ ему монахъ, и сдѣлалъ такъ, что никто не замѣтилъ его ухода и не послѣдовалъ за нимъ. Когда легкій соколъ пролетѣлъ на ту сторону рѣки и схватилъ добычу, Борисъ Ѳедоровичъ переправился въ бродъ ближайшей дорогой и былъ у воротъ Кремля прежде, чѣмъ успѣла доѣхать остальная компанія. Я видѣлъ, какъ онъ доволенъ, что благополучно прибылъ во дворецъ, гдѣ епископы, вельможи, дворяне и всякій людъ ожидали его съ челобитными, не имѣя возможности добраться до него иногда два-три дня, такъ какъ онъ обыкновенно входилъ въ царскіе покои боковымъ входомъ, скрываясь отъ людскихъ взоровъ. Я просилъ его оглянуться и показаться на терасѣ; онъ бросилъ на меня свирѣпый взглядъ, какъ будто я совѣтовалъ ему дурное, потомъ одумался, подошелъ къ нимъ, поздоровался со многими и принялъ ихъ челобитныя при восклицаніяхъ: «Да здравствуетъ Борисъ Ѳедоровичъ! Онъ сказалъ, что представитъ ихъ челобитныя царю. «Ты самъ великій государь, Борисъ Ѳедоровичъ; какъ скажешь слово, такъ и будетъ!» Эти слова не были ему непріятны, какъ я замѣтилъ;—онъ уже домогался вѣнца.

Мои подарки и прочія вещи прибыли благополучно въ Москву. Въ назначенный день я снова долженъ былъ явиться къ царю, отъ имени Ея Величества, вмѣстѣ съ почтеннымъ пенсіонеромъ Петромъ Невою. И я, и онъ были на хорошихъ лошадяхъ; насъ сопровождали двадцать человѣкъ въ красивыхъ ливреяхъ и одеждахъ; по русскому, очень любимому у нихъ, обычаю, каждый несъ какой-нибудь подарокъ отъ меня царю. Въ ожиданіи царскаго приказа, мы остановились въ пріемной комнатѣ, пока царь и царица изъ оконъ дворца смотрѣли на львовъ и собакъ, привезенныхъ бирючемъ (birrowd) и его провожатыми. За нимъ шло вслѣдъ тысячъ пять народа, изъ любопытства: отличный бѣлый быкъ съ черными природными пятнами, съ висячимъ до колѣнъ зобомъ, съ позолоченными, привязанными рогами, въ зеленомъ бархатномъ ошейникѣ, украшенномъ гвоздиками, на красной веревкѣ. всталъ на колѣни передъ царемъ и царицей, потомъ поднялся, пристально и свирѣпо посматривая на всѣ стороны;—народу онъ показался необыкновеннымъ звѣремъ, и былъ принятъ за буйвола. Затѣмъ двѣнадцать людей вывели двѣнадцать превосходной породы собакъ [1]) въ ошейникахъ и съ бантами. Два льва были выпущены

[1]) Борзыхъ и кровныхъ гончихъ.

изъ клѣтокъ (привезенныхъ на саняхъ) маленькимъ татариномъ съ жезломъ въ рукѣ, которому они повиновались. Все это было выставлено передъ дворцомъ для зрителей.

Царь сѣлъ на свой царскій престолъ. Мы приступили къ болѣе серьезнымъ дѣламъ и привѣтствовали его. Меня подвели къ царю, а людей моихъ съ подарками поставили по сторонамъ. Я проговорилъ: «Милостивѣйшій, могущественнѣйшій, славнѣйшій государь Ѳеодоръ Ивановичъ! царь всея Руси, Владимірскій, Московскій, Казанскій, Астраханскій, Тверской, Великаго Новгорода, Пермскій, Вятскій, Сибирскій, Кондорскій, Ярославскій, Нижегородскій, государь и великій князь и пр. и пр. многихъ другихъ странъ! Королева Елизавета, Божіею милостію и соизволеніемъ, королева Англіи, Франціи и Ирландіи и многихъ другихъ земель и государствъ, защитница христіанской «каѳолической» вѣры, величайшая, могущественнѣйшая и славнѣйшая государыня, посылаетъ дружескій поклонъ Вашему Величеству, своему дорогому и возлюбленному брату, также посылаетъ поздравительныя письма и желаетъ Вашему царскому Величеству вожделѣннаго здравія и благополучія, дабы Вы могли царствовать и управлять въ счастіи, мирѣ и спокойствіи. Ея Величество приказала мнѣ, своему слугѣ и вассалу, передать Вашему царскому Величеству, что она съ благодарностью и великимъ удовольствіемъ получила послѣднія царскія грамоты, посланныя Ея Величеству, и весьма охотно принимаетъ изъявленіе братской дружбы. Ея королевское Величество обѣщаетъ съ своей стороны ненарушимо поддерживать братскій союзъ и сношенія съ Вашимъ царскимъ Величествомъ, какъ это велось прежде съ покойнымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, блаженной и славной памяти родителемъ Вашимъ, ко взаимной безопасности обоихъ государствъ и выгодѣ вѣрныхъ и любезныхъ подданныхъ Вашихъ, высочайшій, могущественнѣйшій государь царь». Тутъ я почтительно поклонился и сѣлъ на покрытую полавочникомъ скамью. Царь говорилъ мало, но держалъ себя хорошо. Канцлеръ шепнулъ ему что-то на ухо. Онъ всталъ, снялъ шапку и сказалъ, что ему пріятно слышать, что его любезная сестра королева Елизавета находится въ добромъ здоровьи, послѣ чего опять сѣлъ и отпустилъ меня. Я отправился домой тѣмъ же порядкомъ, какимъ пріѣхалъ, а главнѣйшіе подарки были внесены въ роспись; письма переписаны. Вслѣдъ за этимъ посланъ былъ отъ царя ко мнѣ на домъ Иванъ Чемодановъ, родственникъ правителя; а за нимъ полтораста дворянъ пронесли по улицамъ полтораста разнородныхъ кушаньевъ для моего обѣда,- также питье, хлѣбъ и пряности. Я поднесъ главному дворянину нарядное алое платье, потчивалъ, поилъ, веселилъ, а остальнымъ далъ каждому по подарку.

На слѣдующій день разные дворяне, должностныя лица, священники и купцы, мои друзья и знакомые пришли поздравить меня, по принятому обычаю, съ царскою милостію, пили, ѣли и веселились отъ царскаго обильнаго стола, пока не перевелись припасы. Правитель Борисъ Өедоровичъ провелъ цѣлый день въ разсматриваніи камней, жемчуга, блюдъ, позолоченнаго вооруженія, алебардъ, пистолей, ружей, бѣлыхъ, красныхъ и пунцовыхъ бархатовъ и другихъ рѣдкихъ дорогихъ вещей, доставленныхъ мною: все это ему необыкновенно понравилось. Царицу, сестру его, также пригласили смотрѣть на вещи; она особенно удивлялась органамъ и клавикордамъ, позолоченнымъ и разукрашеннымъ финифтью, чего она никогда прежде не видывала; она дивилась и восхищалась ихъ громкому и музыкальному звуку. Народъ тысячами толпился около дворца; ему также хотѣлось послушать музыки. Мои люди, которые умѣли играть на инструментахъ, допускались часто въ такое общество, куда я самъ не могъ входить. Настолько понравились всѣ привезенныя мною вещи и мой собственный портретъ, который попалъ туда же, что правитель заплатилъ мнѣ сполна за ихъ стоимость, именно около 4.000 ливровъ, и, кромѣ того, прислалъ мнѣ со своимъ конюшимъ Иваномъ Волковымъ три персидскія кобылы съ богатыми сѣдлами и сбруей, чтобы я выбралъ себѣ любую изъ нихъ для верховой ѣзды; я такъ и сдѣлалъ. Этотъ подарокъ стоилъ 200 ливровъ; другой знатный дворянинъ, Михаилъ Косой, доставилъ мнѣ отъ Его Величества три тысячи фунтовъ лучшей серебряной монеты, на память благосклонности и любви ко мнѣ отца его. Принявъ все это, я отпустилъ посланныхъ съ хорошимъ вознагражденіемъ. Зрѣлище рѣдкостей: бульдоговъ, львовъ, органовъ, музыкальныхъ инструментовъ и другихъ красивыхъ вещей безпрестанно напоминало обо мнѣ и побуждало дарить меня: вышитыми золотомъ платками, скатертями, салфетками, коврами, полавочниками, кушаньями и лакомствами. Все это посылалось правителемъ и друзьями его въ самой щедрой мѣрѣ; при этомъ я пользовался такою милостью, что многіе города, монастыри, должностныя лица, мѣстные и иностранные купцы получили черезъ мое посредство разныя льготы и изъятія отъ разныхъ пошлинъ и налоговъ, привилегіи и милости, не безъ хорошаго вознагражденія и признательности мнѣ за труды. Хотя, по настоящему, слѣдовало бы болѣе распространиться объ этихъ замѣчательныхъ въ ихъ лѣтописяхъ событіяхъ, но это не идетъ къ моему настоящему разсказу о Русскомъ государствѣ.

Царь или, лучше сказать, правитель, владѣя безчисленными сокровищами, ежедневно возрастающими, не зналъ, куда употребить ихъ и какъ распорядиться, чтобы болѣе прославить себя. Персидскій государь былъ

тогда сильно угнетаемъ могучимъ войскомъ турокъ, которые каждый годъ вторгались въ его владѣнія. Они уже отняли у него всю Мидію, Дербентъ, Шамаху, Бильбаль, Ардаль (Ардабиль) и другія богатѣйшія, лучшія и плодоноснѣйшія провинціи, дошли уже до горъ—или до высокихъ странъ Персіи: до Кавказа, Тавриды, Персиполя, Казбека и пр., ворвались и разорили дѣвственное и никогда еще, благодаря своему мѣстоположенію, не завоеванное царство грузинское, христіанское государство, окруженное со всѣхъ сторонъ магометанами и язычниками. Оба (персидскій и грузинскій) государи послали къ царю и правителю своихъ пословъ просить о помощи и содѣйствіи [1]); но такъ какъ не легко было отправить большое войско въ отдаленныя страны, за Каспійскимъ моремъ, то царь довольствовался тѣмъ, что послалъ персидскому государю подъ вѣрные залоги двѣсти тысячъ рублей на пять лѣтъ безвозмездно, а грузинскому царю 100.000 фунт. стерл., принявъ въ видѣ заклада отказъ его отъ царскаго титула, сдѣланный офиціальнымъ образомъ посредствомъ договора, совершеннаго коммисарами съ обѣихъ сторонъ [2]). Отъ этого возникла вражда между царемъ и турками.

Борисъ Ѳеодоровичъ, стараясь пріобрѣсти болѣе самобытный и громкій титулъ, послалъ заключить дружественный союзъ съ датскимъ королемъ Фридрихомъ, князя Ѳедора Ѳоррестена (Хворостинина), разсчитывая на супружество между третьимъ сыномъ короля—герцогомъ Іоганномъ и своею дочерью Маріею; но оно, по причинѣ ихъ малолѣтства, не могло быть рѣшено.

Равнымъ образомъ, чтобы выказать себя и заявить о своемъ значеніи въ государствѣ, онъ послалъ Аѳанасія Мосолова, опытнаго, умнаго государственнаго секретаря, съ достаточной свитою и съ подарками, къ Максимиліану германскому императору [3]). Мосоловъ ѣхалъ по Двинѣ, сѣлъ на англійскій корабль у св. Николая, доплылъ до Гамбурга и Любека, гдѣ былъ хорошо принятъ и угощаемъ, и явился къ императору въ Прагѣ. Здѣсь онъ отдалъ письма и подарки: бѣлыхъ кречетовъ, два прекрасныхъ персидскихъ ковра, двѣ штуки цѣльныхъ золотошвейныхъ платьевъ, четыре связки богатыхъ черныхъ соболей, четыре связки черныхъ лисицъ, замѣчательной работы золотой скипетръ и богатое персидское вооруженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая дружбы и прочнаго вѣчнаго союза съ принцами и императорскимъ австрійскимъ домомъ, посолъ, отъ имени своего правительства,

---

[1]) Переговоры, о которыхъ здѣсь упоминается, происходили въ 1586—1588 годахъ.

[2]) Объ этихъ ссудахъ нѣтъ извѣстія въ русскихъ источникахъ.

[3]) Вѣроятно, Аѳанасія Розанова, посланнаго въ 1589 г. къ императору Рудольфу, а не Максимиліану, уже тогда умершему.

изъявилъ готовность поднять оружіе съ ними вмѣстѣ противъ турокъ, смертельныхъ враговъ Христа и христіанства, недавно ворвавшихся въ Венгрію и другія части имперіи. На этотъ конецъ, онъ предложилъ 50.000 русской конницы, храбрыхъ и опытныхъ солдатъ, съ обезпеченіемъ на три мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы доставленъ былъ отъ Стефана Баторія, короля польскаго, свободный безопасный пропускъ для означеннаго войска чрезъ его владѣнія. Посольство было хорошо принято: посла содержали отлично и отпустили съ большою честью. Но императоръ, не получая отъ польскаго короля дозволенія пройти чрезъ его владѣнія большому войску его врага—московита, ограничился тѣмъ, что послалъ своего посла къ русскому царю съ равноцѣнными подарками, состоящими изъ отличныхъ лошадей, нѣмецкаго платья и проч., и, съ цѣлью испытать, на что можетъ годиться предлагаемая дружба, просилъ у него взаймы 300.000 р., что̀ составляло 900.000 талеровъ. Но царь и Борисъ просили залоговъ, а Фридрихъ, датскій король,—обезпеченія для себя; и потому изъ этого ничего не было, кромѣ осмѣянія и зла отъ Турціи и крымскихъ татаръ, которыхъ турки послали снова на московитовъ съ такою большою военною силою, что царь московскій потерпѣлъ чрезвычайные расходы и потери людьми. Поляки и шведы соединились и замышляли, какъ бы напасть—каждый на его сопредѣльныя владѣнія и воспользоваться случаемъ возвратить себѣ въ это время раздоровъ отнятыя покойнымъ царемъ Іоанномъ прежнія ихъ границы. Русскіе были въ это время заняты завоеваніемъ Сибири, сильно распространили свои предѣлы и перевезли въ Москву сибирскаго царя Чиллика Алоса[1]) съ матерью и мурзами (т.-е. лучшими дворянами). Здѣсь я видѣлъ, когда онъ дѣлалъ странные военные маневры, то на конѣ, то пѣшкомъ, по ихнему обычаю; и слышалъ я отъ него, что въ ихъ землѣ были англичане, или люди такіе по виду, какъ я, взятые ими съ кораблемъ, года два тому назадъ, съ пушками, порохомъ и другими запасами, когда они ѣхали по рѣкѣ Оби искать пути въ Китай черезъ сѣверо-востокъ. Нѣсколько шведскихъ солдатъ бѣжали оттуда въ Москву служить царю, и между ними Габріель Эльфингстенъ, храбрый шотландскій капитанъ, что̀ видно было изъ писемъ, которыя онъ доставилъ мнѣ отъ полковника Стюарда, служившаго у датскаго короля; съ нимъ были еще шесть шотландцевъ; всѣ они были совсѣмъ безъ платья и безъ денегъ. Они желали, чтобъ я доставилъ имъ мѣсто и помогъ въ нуждѣ. Я далъ ему и его товарищамъ 300 талеровъ; одѣлъ ихъ, купилъ имъ пистолеты и сабли; и, во время маршировки, они казались наряднѣе прочихъ шведскихъ

---

[1]) Маметкула царевича.

солдатъ, пришедшихъ съ ними въ одной компаніи. Я доставилъ капитану Эльфингстену надъ ними начальство, выпросилъ для него денегъ, лошадей и жалованье пищею и питьемъ. Нѣсколько времени они вели себя хорошо, но не могли выплатить мнѣ и вознаградить меня чѣмъ-либо до сего дня, что видно изъ ихъ писемъ.

Въ это время составился какой-то тайный заговоръ между недовольными дворянами, чтобы свергнуть правителя и уничтожить его замыслы и значеніе; но онъ не посмѣлъ явно обратить на него вниманіе, а только окружилъ себя хорошею стражею. Еще другой замыселъ былъ открытъ: хотѣли отравить и умертвить молодого царевича, третьяго сына покойнаго царя, Дмитрія, съ матерью и роднею, друзьями и приближенными, который содержался подъ строгимъ присмотромъ въ отдаленномъ городѣ Угличѣ. Заподозрѣли Никиту Романовича, дядю царя; это былъ третій вельможа котораго старый царь помѣстилъ въ своемъ завѣщаніи вмѣстѣ съ Борисомъ Ѳедоровичемъ: послѣдній не терпѣлъ никакого товарищества по управленію, и уже двоихъ другихъ вельможъ сбылъ съ этого свѣта, какъ было сказано выше. Этотъ Никита Романовичъ, мужественный, храбрый вельможа, всѣми любимый и уважаемый, былъ околдованъ и внезапно лишился языка и разсудка; но еще жилъ нѣсколько времени. Правитель сказалъ мнѣ, что онъ недолго протянетъ. Старшій сынъ его, Ѳедоръ Никитичъ, молодой, красивый, подающій большія надежды (для котораго я составилъ, какъ умѣлъ, латинскую грамматику славянскими буквами, доставлявшую ему большое удовольствіе), былъ принужденъ жениться на одной черкешенкѣ, служанкѣ сестры Бориса, и имѣлъ отъ нея сына, о которомъ вы много услышите впослѣдствіи. Этого Ѳедора Никитича, за любовь и уваженіе къ нему народа, вскорѣ послѣ отцовской смерти постригли въ монастырь и, несмотря на молодость, сдѣлали ростовскимъ архіепископомъ. Его другой братъ, Александръ Никитичъ, человѣкъ не менѣе благородной души, по причинѣ большихъ гоненій, не въ силахъ былъ болѣе терпѣть и притворяться, воспользовался случаемъ, чтобы подставить ногу правителю (не такъ опасному, какъ полагали) и убѣжалъ въ Польшу, гдѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ, любимцемъ покойнаго царя, чрезвычайно богатымъ, и другими недовольными вельможами, проживавшими какъ за границею, такъ и въ Россіи, задумалъ не только конечную гибель Бориса Ѳедоровича и его фамиліи, а переворотъ всего царства, какъ услышите послѣ[1]).

---

[1]) Извѣстіе объ этомъ дошло до Горсея уже послѣ, когда онъ болѣе не бывалъ въ Россіи. Александръ Романовъ не убѣгалъ въ Польшу, но въ царствованіе Бориса сосланъ въ Усолье къ Бѣлому морю и тамъ, какъ говорили, былъ задушенъ. Вообще, извѣстія о заговорахъ противъ Бориса и преслѣдованіяхъ его недруговъ у Горсея изложены сбивчиво.

Но время обратиться къ моимъ собственнымъ дѣламъ и переговорамъ, которые были поручены мнѣ.

Я не былъ празднымъ: выхлопоталъ англійской компаніи большія льготы для всѣхъ ея домовъ въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ и у св. Николая, пріостановившихъ-было свою торговлю, вслѣдствіе большихъ на нихъ пошлинъ, по неудовольствію на с. Джерома Боуса, за его дурное поведеніе. Я выхлопоталъ также освобожденіе отъ платежа 1.000 р., наложенныхъ на компанію для постройки новой стѣны около Москвы, къ чему обязывали и всѣхъ другихъ иностранцевъ и купцовъ. Съ помощью нѣкоторыхъ важныхъ совѣтниковъ и должностныхъ лицъ я добился погашенія спора между купцами московскими и англійскою компаніею за долгъ 30.000 руб., сдѣланный ея факторомъ Антономъ Маршемъ. Выплаченъ былъ старый царскій долгъ за мѣдь, свинецъ и другіе товары на 2.000 руб., который считали безнадежнымъ. Отпущенъ на волю Джонъ Чапелль и возвращено его имущество цѣною въ 3.000 ливровъ, которое онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отъ компаніи, и оно было задержано у него по опалѣ, какъ у любекскаго купца. Занялъ я у царя 4.000 р. для купцовъ, которые посылались въ Псковъ для заготовки льну, пока они не продадутъ свои товары. Занялъ я также у правителя (для нихъ и ни на что болѣе) 5.000 р., причемъ онъ предложилъ еще сверхъ этого 10.000 фунт. стерл. безъ процентовъ изъ своей казны, если окажется нужнымъ. Всѣ купцы, которые вели торговлю контрабандою въ этомъ краѣ, безъ позволенія англійской компаніи, въ числѣ 29, были отданы въ мои руки для препровожденія въ Англію. Сверхъ того, прощены 2.000 руб. готовой пошлины, которую слѣдовало платить въ царскую казну за всѣ товары. Я получилъ льготную привилегію отъ царя для компаніи торговать въ государствѣ по р. Волгѣ, на Каспійскомъ морѣ и въ Персіи, безъ платежа налоговъ и пошлинъ. Я получилъ еще подъ царскою печатью льготную привилегію для компаніи англійскихъ купцовъ торговать во всѣхъ царскихъ владѣніяхъ, безъ всякаго платежа податей и пошлинъ на ихъ товары, какъ вывозные, такъ и ввозные въ такомъ широкомъ объемѣ, въ какомъ я могъ желать. Ничего подобнаго не пріобрѣталъ до этого ни одинъ изъ пословъ, хотя истрачивались тысячи, чтобы получить что-либо подобное. Все это было составлено, утверждено и выдано мнѣ правителемъ самымъ торжественнымъ образомъ, въ присутствіи вельможъ и должностныхъ лицъ, и опубликовано для свѣдѣнія по всему государству. Правитель отослалъ въ это время казну свою въ Соловецкій монастырь, находящійся на морѣ, недалеко отъ шведскихъ и датскихъ границъ, на сѣверномъ берегу.

Его намѣреніе было таково, чтобы въ случаѣ надобности убѣжать въ Англію, которую онъ считалъ безопаснѣйшимъ мѣстомъ убѣжища. Это все были его собственныя сокровища, не принадлежавшія русской коронѣ; они были неимовѣрной цѣнности, какія когда-либо Англія имѣла случай держать въ сохраненіи. Но все еще онъ колебался и пробовалъ вступить въ союзъ съ Даніею, чтобы она поддержала его, при случаѣ, своею дружбою и могуществомъ. Ни онъ, ни его друзья не могли и не умѣли сохранить въ секретѣ этихъ плановъ, и многіе изъ дворянства древнихъ фамилій очень подозрительно смотрѣли на меня; и они и епископы такъ завидовали милости правителя ко мнѣ, что уже не выказывали прежняго дружескаго расположенія. Поэтому я спѣшилъ окончить мои дѣла, какъ можно скорѣе, и, все исполнивъ и устроивъ, какъ требовалось, и даже болѣе того, что мнѣ было поручено въ наказахъ и инструкціяхъ, какъ отъ Совѣта, такъ и отъ компаніи купцовъ, торгующихъ въ этихъ земляхъ,— въ опредѣленное время получилъ я отъ царя письма и былъ отправленъ съ почетомъ [1]).

Дворянину Аѳанасію Савора поручено было проводить меня съ своими экипажами на семидесяти телѣгахъ съ сорока почтовыми лошадьми, изъ Москвы (кромѣ моихъ собственныхъ коней) для меня и моихъ спутниковъ до Вологды, въ пятистахъ верстахъ отъ столицы сухимъ путемъ. Мнѣ передали богатые подарки королевѣ какъ отъ царя, такъ и отъ Бориса Ѳедоровича, и поручили закупить многія дорогія вещи и исполнить нѣкоторыя тайныя дѣла. Правитель прислалъ мнѣ замѣчательное и рѣдкое платье изъ серебряной парчи, тканное и сдѣланное въ Персіи, безъ шва, стоившее болѣе, чѣмъ я полагалъ; красивый вышитый шатеръ, тисненые платки, рубашки и полотенца, чеканное серебро и золото. Все это вручилъ мнѣ его близкій родственникъ Семенъ Чемодановъ отъ имени Ирины Ѳедоровны; сверхъ того, связку отличныхъ соболей, двадцать отборныхъ соколовъ всякаго рода, и назначены были люди, чтобы везти ихъ къ морскому порту. При прощаніи я получилъ еще двѣ милости: освобожденіе, по моему ходатайству, всѣхъ ливонцевъ, мужчинъ и женщинъ, вдовъ и дѣтей, съ ихъ семьями, посланныхъ въ опалу въ Нижній Новгородъ, за 500 верстъ, въ пустынныя мѣста, вдали отъ столицы, гдѣ они проживали въ самомъ плачевномъ и бѣдственномъ состояніи, какъ видно изъ ихъ писемъ и прошеній. Взятъ былъ списокъ и каталогъ ихъ именъ, и Михаилъ Косовъ былъ немедленно посланъ съ царскими о нихъ грамотами къ воеводѣ. Ихъ письма, гдѣ они радуются своему освобожде-

[1]) Горсей отправился въ Англію лѣтомъ 1587 г.

нію со слезами, молитвами и изъявленіями благодарности, посланныя вслѣдъ за мною, еще существуютъ и достойны чтенія. Другая милость была освобожденіе сына одного дворянина изъ Гельдерланда Захарія Глизенбергта, главнаго надсмотрщика царскихъ лошадей, храбраго воина, уже умершаго, которому было десять лѣтъ отъ роду; по смерти отца онъ оставался въ Россіи: его не могли выкупить даже при посредничествѣ и письменномъ ходатайствѣ короля Даніи. Теперь его сдали на мои руки, и я отослалъ его къ его матери Маргаритѣ Фёглерсъ съ моимъ слугою, Ганцемъ Фриссомъ. Гильсъ Гофманъ и Антоній ванъ-Зельманъ, которые хлопотали объ этомъ, прислали мнѣ 1.000 рейхсталеровъ и хорошо отблагодарили моего посланнаго.

Я выѣхалъ изъ Москвы съ почетнымъ конвоемъ; путь мой былъ веселый: вездѣ для меня разставляли шатры, приготовляли обѣды, ужины, и всякая провизія припасалась мнѣ по дорогѣ. Въ Вологдѣ воевода князь Михаилъ Долгорукій вышелъ ко мнѣ съ большою свитою и поздравлялъ съ царскою милостью. Приготовили мнѣ двѣ большихъ барки, или досчаника, съ лоцманами и 50 гребцами, чтобы проводить меня внизъ по Двинѣ за 1.000 верстъ; сопровождавшій меня дворянинъ съ моимъ слугою присматривали дорогою: не берутъ ли они взятокъ и не разоряютъ ли страны посланные впередъ люди. Они плыли въ маленькой лодкѣ и заготовляли мнѣ пищу, питье и пр. въ каждомъ городѣ, куда я приставалъ, пока мы не достигли монастыря и замка Архангельскаго. Здѣсь князь Михаилъ Звенигородскій [1]) встрѣтилъ меня у воротъ крѣпости съ 300-ми стрѣльцовъ, при залпѣ изъ пищалей и всѣхъ крѣпостныхъ орудій, въ честь моего прибытія; всѣ нѣмецкія и французскія суда въ гавани выстрѣлили также изъ своихъ орудій, по распоряженію князя при моемъ прибытіи. Онъ угощалъ меня и, на слѣдующій день, самъ проводилъ къ моему судну, приказавъ 50 гребцамъ и 100 стрѣльцамъ слѣдовать за мною на маленькихъ лодкахъ до острова (Rose Island). Князь оказывалъ мнѣ всякій почетъ, оставаясь въ золотой своей одеждѣ, говоря, что такъ приказано ему въ царскихъ грамотахъ, и простился со мною, съ просьбою напомнить о его стараніи Борису Ѳедоровичу, въ выполненіи царскихъ повелѣній касательно меня. Въ тридцати верстахъ отъ Архангельска встрѣтили меня всѣ англійскіе мастера, агенты и купцы. Стрѣльцы высадились раньше и, ставъ въ ряды, выстрѣлили изъ своихъ орудій; находившіеся тамъ корабли, заслыша это, отвѣчали тѣмъ же. Стрѣльцовъ, лоцмана и гребцовъ напоили у виннаго погреба и отправили назадъ въ ту же ночь въ крѣпость.

---

[1]) Князь Василій Андреевичъ Звенигородскій (Hamel, p. 239).

На слѣдующій день монахи Св. Николая принесли мнѣ въ даръ свѣжей семги, ржаного хлѣба, чашки и разрисованную посуду. На третій день послѣ моего прибытія присланъ былъ дворянинъ Саблокъ Савора отъ князя Звенигородскаго; онъ вручилъ мнѣ копію наказа своего обо мнѣ царя и Бориса Өедоровича, исполненнаго милости и благосклонности, прислалъ мнѣ, въ видѣ провіанта, 70 живыхъ овецъ, 20 живыхъ быковъ, 600 куръ, 40 штукъ дичи, двѣ дойныя коровы, двѣ козы, десять свѣжихъ семгъ, 40 галлоновъ водки, 100 галлоновъ меду, 200 галлоновъ пива, 1.000 бѣлыхъ хлѣбовъ, 60 четвериковъ муки, 2.000 яицъ и запасъ чесноку и луку. Было прислано четыре большихъ плашкота; прибыло много гребцовъ, другіе пріѣхали съ припасами. Я всѣхъ отпустилъ съ приличнымъ вознагражденіемъ и, немного отдохнувъ, перечитывалъ милостивыя письма, которыми королева почтила меня, а также общія и частныя письма лордовъ достоуважаемаго приватнаго королевскаго Совѣта Ея Величества, окружныя письма компаніи англійскихъ купцовъ и письма моихъ друзей, которыя остаются у меня до сего дня, мнѣ въ утѣшеніе и для чтенія моему потомству. Нѣсколько времени я веселился съ мастерами и купцами, и забавлялся сопровождавшими меня шутами, танцующими медвѣдями, дудками, литаврами и барабанами, чествовалъ своихъ гостей, щедро надѣляя присланною провизіею. Между тѣмъ, я отправилъ довѣреннаго слугу Сэмейтена (Sameiten) на почтовыхъ къ Борису Өедоровичу съ письмами, исполненными искреннѣйшей благодарности за его ласки, и къ другимъ вельможамъ и должностнымъ лицамъ, отъ которыхъ получилъ самыя милостивыя письма и новые подарки черезъ Франциса Шерри,—штуку матеріи шитой золотомъ для платья, отъ Бориса Өедоровича, и связку хорошихъ соболей на подбивку этого платья.

Послѣ всего этого, будучи совсѣмъ готовъ, я со своей компаніей вошелъ на большой корабль, называемый Центуріанъ, на другой день послѣ дня св. Варөоломея, и съ нимъ прибылъ благополучно черезъ пять недѣль въ Тайнмаусъ [1]), въ Нортумберландѣ. Отсюда я поѣхалъ съ четырьмя людьми на почтовыхъ въ Іоркъ, а потомъ въ Лондонъ, и, на четвертый день, явился въ Ричмондскій дворецъ.

Лордъ-казначей и секретарь сэръ Францисъ Уолсингэмъ ввели меня къ королевѣ; я представилъ Ея Величеству грамоты царя и привилегіи, данныя подданнымъ Ея Величества, въ знакъ его братской любви къ королевѣ, утвержденныя золотыми печатями и орломъ. По прочтеніи отчета о моемъ порученіи (который Ея Величество изволила выслушать съ ла-

---

[1]) Горсей высадился въ Тайнмаусѣ 30 сентября 1587 г.

сковымъ и благосклоннымъ видомъ), королева поручила меня вниманію и заботамъ секретаря мистера Уолсингэмъ и отпустила до времени. Чрезъ нѣсколько недѣль письма и привилегіи были переведены и прочитаны королевѣ, причемъ Ея Величество сказала: «Вотъ, милорды, истинно царскій подарокъ отъ московскаго государя; купцы наши даже не заслужили этого». (Королеву вооружили противъ нихъ жалобы сэра Джерома Боуса, вслѣдствіе спора и распрей между ними). «Но я надѣюсь», продолжала она, «что они лучше обойдутся теперь съ моимъ слугою, Джеромомъ Горсеемъ, и будутъ ему признательны. Я прошу васъ наблюдать, чтобы это такъ было», сказала она, обратясь къ лорду-казначею и мистеру секретарю. Она приказала мнѣ встать передъ нею на колѣни, и, разсматривая украшенія и буквы привилегіи, имѣющія нѣкоторое сходство съ греческими, спрашивала, не такое ли имѣетъ значеніе та и другая буква, и сказала: «Я бы скоро выучилась этому». Затѣмъ королева предложила лорду Эссексу выучиться этому знаменитому и богатѣйшему въ свѣтѣ языку; и его свѣтлость занялся русскимъ языкомъ, полюбилъ его и вѣрно бы успѣлъ въ этомъ, еслибы стало у него терпѣнія и времени.

Корабли благополучно прибыли въ Лондонъ; мои подарки и все необходимое было теперь налицо. Я выхлопоталъ себѣ новую аудіенцію; меня позвали въ Гринвичъ. Двѣнадцать служителей несли за мною подарки, которые Ея Величество, противъ моего желанія, приказала пронести заднимъ ходомъ. Въ сопровожденіи мистера Генриха Сакфильда я вошелъ въ пріемную, гдѣ сидѣла Ея Величество, въ присутствіи графа Эссекса, лорда-казначея, сэра Христофора Готтона, сэра Франциса Уолсингэмъ, сэра Томаса Генеджа, сэра Валтера Раули, лэди Маркезъ (sic), лэди Уорвикъ и другихъ госпожъ. Я представилъ письма Бориса Θеодоровича и передалъ отъ него изъявленіе любви и завѣренія, что онъ болѣе всѣхъ другихъ государей и монарховъ міра уважаетъ Ея могущественное священное Величество и готовъ Ей служить. «Если правитель такъ изъясняется на словахъ, то что же скажутъ письма? Распечатайте, пускай прочтетъ ихъ секретарь», сказала королева. Тотъ отвѣчалъ: «Прикажете перевести ихъ, Ваше Величество? это не потребуетъ много времени. Я поручу это тѣмъ, которые доставили эти письма». — Ея Величество спросила о подаркахъ. Они были въ галлереѣ. Она попросила присутствующихъ немного обождать, а другихъ отпустила, вѣроятно, изъ боязни, чтобы у ней чего-нибудь не выпросили. Я представилъ подарки Ея Величеству. Она дотрогивалась рукою до всякой мелочи; сначала ей поднесены были четыре штуки персидской золотой парчи и два цѣльныхъ платья, шитыя серебромъ, удивительной работы; богатѣй-

шее широкое парадное платье бѣлой набивной ткани, на которомъ было изображено сіяющее солнце въ полномъ блескѣ; золотые и серебряные лучи затканы были самыми яркими восточными цвѣтами, по гладкой землѣ, плоско шитой золотыми шелками и серебромъ, чѣмъ еще болѣе выдавалась красота рисунка. Затѣмъ поданъ былъ прекрасный турецкій коверъ, четыре связки черныхъ богатѣйшихъ соболей, шесть большихъ съ пятнами люцернъ (luzerance), двѣ шубы или платья, крытыя бѣлой матеріей. Королева даже вспотѣла отъ усталости, ощупывая золотую тканую одежду, а въ особенности богатые соболя и другіе мѣха, и приказала г-жѣ Скидморъ и г-жѣ Ретклифъ, постельничьимъ дамамъ Ея Величества, и мистеру Джону Стенгопу уложить эти вещи и отнести въ кладовую Ея Величества. Изъ оконъ дворца смотрѣла королева на двухъ кречетовъ, свору собакъ, на соколовъ и двухъ ястребовъ, приказавъ при этомъ лорду Кумберленду и сэру Генриху Ли взять на себя попеченіе о нихъ и давать ей подробный отчетъ. Ея Величество при этомъ указала рукой на окно и опять сказала, что это, въ самомъ дѣлѣ, рѣдкіе, истинно царскіе подарки; затѣмъ, поблагодаривъ меня, отпустила.

Я просилъ вицкамергера позвать лондонскихъ знатоковъ, чтобы осмотрѣть мѣха, и продавцовъ разныхъ матерій для оцѣнки золотошвейныхъ тканей, а милорду Кумберленду и сэру Генриху Ли предоставить оцѣнить соколовъ.

Письма и привилегіи были переведены. Сэръ Роулендъ, Гейвардъ, сэръ Джоржъ Барнъ, сэръ Джонъ Гартъ, таможенникъ Смитъ и другіе почтенные альдермэны и купцы были позваны для полученія привилегій, которыя были имъ отданы со строгимъ, по милостивымъ замѣчаніемъ отъ королевы. Эти господа обошлись со мною дружелюбно и съ большимъ уваженіемъ. Я тутъ же замѣтилъ между ними различныя партіи и тайное стремленіе поставить свои частныя отношенія и выгоды выше общественной пользы, и предугадывалъ, что ихъ непохвальное и дурное веденіе торговли какъ въ Англіи, такъ и въ чужихъ краяхъ не допуститъ ихъ сохранить льготы и воспользоваться выгодами такой большой и милостивой привилегіи.

Мнѣ надоѣло придворное толченіе воды, какъ называлъ мой почтенный добрый другъ, сэръ Францисъ Уолсингэмъ, ласковыя слова и безтолково расточаемыя похвалы, и я хотѣлъ удалиться, чтобы пользоваться безопасностью частной и болѣе спокойной жизни. Цѣлыя семнадцать лѣтъ провелъ я въ опасныхъ переѣздахъ среди страха и житейскихъ треволненій; и все, что пріобрѣталъ, то растрачивалъ болѣе, чѣмъ слѣдовало воздержному человѣку, помнящему о будущемъ. Теперь мнѣ хотѣлось

устроить и привести въ порядокъ свое небольшое состояніе, и пользоваться имъ, независимо отъ компаніи. Но Ея Величеству и Совѣту угодно было возложить на меня порученіе самое трудное и опасное изъ всѣхъ, какія я исполнялъ до этого времени, такъ какъ они приняли во вниманіе мою опытность и знаніе языковъ, какое я пріобрѣлъ въ теченіе семнадцати лѣтъ.

Лордъ-казначей и мистеръ секретарь Уолсингэмъ пожелали, чтобы я написалъ что-нибудь на каждомъ языкѣ и прочиталъ написанное, чтобы услышать произношеніе и видѣть различіе этихъ языковъ между собою, которые я усвоилъ въ точности по привычкѣ, бесѣдуя съ посланниками, дворянами и купцами, персіянами, греками, поляками, нѣмцами; напр.,

По-славянски:

[illegible]

По-польски:

Bozia da vashinîns Coopovia malascova moia pana.

По-нѣмецки:

Der hemmel ys hoth (sic) und de erde doep averst der h^{0}.

По-персидски:

Sollum alica. Barracalla. Shonan cardash. alica so' (sollum?).

По-ливонски:

Cusha casha keil sop sull yu umaluma dobrofta.

Королевѣ угодно было также разспросить меня подробно о правителѣ Борисѣ Өедоровичѣ, князѣ правителѣ, о его величіи и управленіи, о царицѣ, о его супругѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Она изъявила желаніе имѣть какой-нибудь изъ русскихъ праздничныхъ нарядовъ, что̀ стоило моему кошельку болѣе, чѣмъ я могъ потомъ воротить. Ея Величество спрашивала, какія средства избираетъ правитель для приведенія своихъ намѣреній въ исполненіе, и на чемъ основана такая увѣренность, что онъ рѣшается довѣрять ея государству безопасность своей сокровищницы и пр. Я далъ на все отвѣтъ, попросилъ сохранить его въ тайнѣ, такъ какъ нѣкоторыя частности, ввѣренныя мнѣ, уже разгласились помимо меня и вскорѣ дошли до ушей правителя и царицы, что̀ подало поводъ къ зависти и неудовольствію; и разные посланцы, напр., Бекманъ, а потомъ Кроу и Герлендъ, были отправлены съ тѣмъ, чтобы разузнать не

только, ка́къ это было принято, но кто именно разгласилъ. Разсказывалось это различно, вслѣдствіе чего произошли большія непріятности какъ мнѣ, такъ и разнымъ высокимъ особамъ, о которыхъ неудобно говорить, а еще меньше печатать. Богъ да проститъ это сэру Джерому Боусу. «Хорошо (сказала королева), мы добьемся и узнаемъ истину!»—«Нѣтъ, ради Бога! Если Ваше Величество желаете какого-нибудь успѣха возложеннаго на меня дальнѣйшаго порученія, то не говорите болѣе объ этихъ недоразумѣніяхъ и не затрогивайте ихъ», просилъ я.

Недавно предъ этимъ Фридрихъ, датскій король, остановилъ и задержалъ англійскіе купеческіе корабли и имущества въ Зундѣ, у Копенгагена, за противозаконный ввозъ черезъ его таможню полотенъ и другихъ товаровъ, которые при этомъ были произвольно конфискованы. Купцы просили королеву письменно требовать отъ короля удовлетворенія; съ такою же просьбою обращались восточные купцы къ польскому королю, жалуясь на разныя оскорбленія и несправедливости, нанесенныя имъ подданными датскаго короля. Секретарь, желая мнѣ добра, посовѣтовалъ ѣхать черезъ Кёльнъ, гдѣ долженъ былъ происходить сеймъ, а также проводить туда сэра Орацio Паллавичино [1]) и Мосье де Фрезенъ [2]), французскаго посланника въ Германіи, полагая, что эти дѣла могутъ быть выполнены заодно по дорогѣ въ Московію. Я приготовился какъ слѣдуетъ; мнѣ назначили по сорока шиллинговъ содержанія въ день; сверхъ того, снабдили письмами и патентами на проѣздъ по различнымъ землямъ и государствамъ, и дали другіе коммиссіи и наказы. Королева вручила мнѣ небольшую стклянку того цѣлебнаго бальзама, что̀ ей привезъ сэръ Францисъ Драке, какъ самое дѣйствительное и драгоцѣнное средство противъ яду и ранъ. Кромѣ этого Ея Величество подарила мнѣ за различные привезенные мною московскіе платки, наволоки, скатерти и разныя вещи, шитыя золотомъ, серебромъ и персидскими шелками,—свой портретъ, вырѣзанный на прекрасномъ сапфирѣ, съ тѣмъ, чтобы я носилъ его въ память ея милостей. Я поцѣловалъ руку Ея Величества и отправился [3]).

Одинъ изъ кораблей былъ назначенъ для Орацio Паллавичино и французскаго посланника, а другой, по имени Каррель, для меня и моей

---

[1]) Орацio Паллавичино генуэзскій протестантъ, жившій въ Англіи, былъ дѣятельнымъ агентомъ королевы Елизаветы, которая посылала его въ Германію и Нидерланды для поддержанія тамъ протестантовъ.

[2]) Филиппъ де Канэ, сіеръ де Френъ (Philippe de Canaye, sieur Frezne), французскій протестантъ, котораго Генрихъ IV посылалъ съ политическими порученіями въ Англію и Германію, вмѣстѣ съ Жаномъ de la Fin, синьоромъ де Бовуаръ и де ла Нокль, въ 1589 г.

[3]) Горсей послѣдній разъ отправился въ Россію въ апрѣлѣ 1589 года.

компаніи. Мы прибыли въ Линнъ; но Совѣтъ, получивъ увѣдомленіе, что тамъ не безопасно для кораблей Ея Величества, назначилъ намъ ѣхать въ Ярмутъ (Yarmouths). Дорогой завернули мы въ Кембриджъ, противъ воли сэраОраціо, но по желанію французскаго посланника, гдѣ его и насъ отлично угощали; мы посѣтили Нордвичъ и Ярмутъ, гдѣ задержало насъ нѣсколько времени безвѣтріе, и гдѣ горожане и жившіе въ окрестностяхъ дворяне обходились съ нами очень дружелюбно. Тогда же возникли нѣкоторыя недоразумѣнія между двумя послами. Я старался ихъ примирить: одинъ былъ высокомѣренъ, другой отличался изворотливостью; я боялся, чтобы не случилось какого-нибудь препятствія дѣламъ, которыя были поручены обоимъ. Пришло время отправиться имъ за своимъ дѣломъ, а мнѣ за моимъ; корабли наши подверглись бурѣ на берегахъ Эмбдена, на пути къ Стаде, куда наконецъ мы прибыли. Королевскіе корабли были узнаны по своимъ пушкамъ и флагамъ; насъ приняли хорошо и горожане и англійскіе купцы; каждый получилъ помѣщеніе и былъ снабженъ виномъ, свѣжими припасами и радушными привѣтствіями. СэръОраціо и французскій посланникъ едва спаслись посредствомъ выкупа отъ недовольныхъ (malcontents), которыхъ шайка напала на нихъ близъ женскаго монастыря Буктогоу. Они отправились къ саксонскому герцогу и къ другимъ имперскимъ государямъ, союзникамъ королевы, а я—по пути въ Кёльнъ. По прибытіи въ Гамбургъ я приказалъ одному изъ сопровождавшихъ меня людей, Джону Фризу, прибить рано утромъ къ дверямъ ратуши приказъ по-латини и по-нѣмецки о запрещеніи Ея Величествомъ, англійской королевой, купцамъ Ганзы и другихъ приморскихъ городовъ провозить черезъ проливы въ Испанію какіе бы то ни были припасы: хлѣбъ, порохъ, военные снаряды, канаты и другія корабельныя снасти подъ страхомъ конфискаціи. Затѣмъ я тайкомъ проѣхалъ въ Любекъ, отстоящій въ десяти миляхъ отъ Гамбурга, и передалъ бургомистру такой же приказъ; но тотъ пренебрегъ этимъ и объявилъ, что они будутъ проходить со своими кораблями, гдѣ хотятъ, не обращая вниманія на могущество англійской королевы. Оттуда я направился къ Лейпцигу, а потомъ въ Кёльнъ, въ которомъ былъ назначенъ сеймъ; но онъ не состоялся по малочисленности съѣзда имперскихъ владѣтельныхъ принцевъ. Трирскій епископъ заболѣлъ, не было епископа мецскаго, пфальцграфа, саксонскаго герцога, бранденбургскаго и другихъ. Я послалъ нарочнаго, сообразно моему порученію, а именно мистера Парвиса, извѣстить англійскую королеву и Совѣтъ, что сеймъ на три года отложенъ и соберется въ Регенсбургѣ, вслѣдствіе чего отправленный на сеймъ королевскій посолъ, сэръ Эдуардъ Диръ, былъ пріостановленъ. Однако стоило посмотрѣть на про-

чихъ собравшихся государей, кардиналовъ, посланниковъ, ихъ свиты, народъ и на сдѣланныя приготовленія къ сейму.

Орацiо Паллавичино, посланникъ Ея Величества, и Мосьё де Фрезенъ, посланникъ короля наваррскаго [1]), просили герцоговъ саксонскаго, бранденбургскаго и другихъ имперскихъ государей послать въ помощь королю 800 швейцарцевъ, чтобы возложить французскую корону на его голову, такъ какъ онъ теперь во враждѣ со своими подданными. Они не хотѣли признавать ни французскаго короля, ни его посланника, но изъ любви и уваженія къ Ея Величеству, королевѣ англійской, по ея слову и ручательству въ исправности платежа, отпустили королю наваррскому 8.000 прежнихъ солдатъ, изъ которыхъ 4.000 были снаряжены и посланы въ 14 дней по старанію и кредиту Орацiо Паллавичино, забравшаго на вексель во Франкфуртѣ, Стаде и Гамбургѣ 80.000 ф. стер. при посредствѣ Джильса Гофмана (на дочери котораго онъ женился тогда), Антонія Ансельмана и другихъ купцовъ въ этихъ краяхъ, чѣмъ онъ и заплатилъ за вербованіе швейцарцевъ. Пришло письмо отъ французскаго короля къ его посланнику, гдѣ предписывалось изъяснить имперскимъ государямъ, что если они ему самому не довѣряють, то онъ полагается на посредничество любимой сестры своей, королевы англійской. Четыре тысячи швейцарцевъ были наготовѣ и послано семь тысячъ волонтеровъ отъ королевы съ родовитымъ предводителемъ [2]). Кромѣ того, безчисленное множество друзей и союзниковъ ежедневно прибывало подъ его команду въ войско, такъ что онъ могъ бы не только водворить миръ побѣдой надъ домашними врагами, но завоевать Римъ и больше того. При этомъ, чтобы не потерять вербовныхъ денегъ, онъ распустилъ другія 4.000 швейцарцевъ. Но я долженъ оставить эти дѣла, которыя болѣе касаются тѣхъ, кому они поручены, и возвратиться къ моему трудному путешествію.

Я прибылъ назадъ въ гг. Веймаръ и Ростокъ, въ Мекленбургѣ, и переправился въ Эльзеноръ и Копенгагенъ, гдѣ, при посредствѣ Рамеліуса, датскаго канцлера, былъ представленъ Фридриху датскому королю. Я вручилъ письмо королевы и говорилъ рѣчь передъ королемъ. Онъ привѣтствовалъ меня. Поклонившись, я прикоснулся рукою къ щиколкѣ его ноги. Онъ спросилъ меня о здоровьи королевы. «Ея Величество королева была здорова при моемъ отъѣздѣ, чего желаю и Вашему Величеству». Меня отпустили и проводили въ мое жилище въ домѣ Фридриха Ліэлля. Фрицъ ванъ Вардъ, состоящій при прошеніяхъ или докладчикъ королев-

[1]) Французскаго короля Генриха IV.

[2]) Лордомъ Виллоубе.

скій, былъ присланъ ко мнѣ спросить: имѣю ли я что̀ сказать, кромѣ того, что заключается въ письмахъ королевы? Я отвѣчалъ: «да, если Его Величеству угодно будетъ допустить меня до аудіенціи». Тутъ былъ и доблестный дворянинъ, сэръ Эндрю Кейсъ, посланникъ шотландскій, котораго хорошо содержали и который познакомился со мною, живя по сосѣдству. Я сначала обращался съ нимъ подозрительно, но онъ показывалъ мнѣ явное расположеніе, и сказалъ, что король недоволенъ тѣмъ, что Ея Величество не дала такъ скоро, какъ ожидали, согласія въ дѣлѣ между королемъ и его дочерью. Меня призвали къ королю: и я употребилъ самые отборные титулы и выраженія, чтобы понравиться ему. «Наша сестра, королева англійская», началъ онъ: «требуетъ отъ насъ слишкомъ большой денежной потери. Мы получили по этой конфискаціи 3.000 фунтовъ, въ пользу нашей короны, за коварства и мошенничества англійскихъ купцовъ, которые, злоупотребляя нашею монаршею довѣренностью, обманывали насъ въ нашихъ пошлинахъ на многія тысячи; имъ все прощали ради любви и добраго расположенія къ Ея Величеству; но они еще возбуждаютъ другихъ иноземцевъ дѣлать то же самое, къ нашему большему ущербу. Адмиралъ и казначей Ея Величества не только дѣлали намъ непріятности, но и пренебрегли нашею волею и желаніемъ сохранить неприкосновенность старинныхъ договоровъ и дружества: въ недавнее время они захватили разные суда и товары, принадлежавшіе нашимъ подданнымъ, единственно за то, что они проходили черезъ проливъ по торговымъ дѣламъ, а послѣ того наши подданные не могли добиться отъ нихъ ни суда, ни удовлетворенія. Съ другой стороны, каждый годъ слѣдуетъ намъ платить сто дукатовъ: это признаніе нашихъ правъ и почесть, оказываемая предками Ея Величества нашимъ предшественникамъ, государямъ и королямъ Норвегіи и всего прилегающаго моря, еще недавно признанная и подтвержденная, по порученію Ея Величества, посланникомъ ея Гербердомъ; и, по здравомъ обсужденіи, мы намѣрены пользоваться этимъ правомъ и не забывать его. Вотъ пункты, которые мы будемъ отстаивать въ нашемъ отвѣтѣ на письмо къ нашей возлюбленной сестрѣ. Вы видите, теперь уже поздно и я не имѣю времени выслушать ваши возраженія. Если вы желаете, то я назначу съ этою цѣлью коммисаровъ, хотя не можетъ быть другого отвѣта».

Пробило двѣнадцать. «Я не стану утруждать терпѣнія Вашего Величества просьбою о немедленномъ отвѣтѣ», сказалъ я, «такъ какъ, не взирая на неудобство, Вашему Величеству угодно было назначить коммисаровъ. Я прошу только о врученіи мнѣ писемъ Вашего Величества для отвѣта Ея Величеству». Король, сдѣлавъ легкій поклонъ, прекратилъ

аудіенцію и отвернулся; а я отправился домой обѣдать, хотя у меня не было особеннаго аппетита послѣ такого пріема.

На слѣдующій день за мной послали. Датскій канцлеръ, два назначенныхъ коммисара и секретарь приняли меня въ большой комнатѣ, красиво убранной обоями. Моя свита состояла изъ одного дворянина, моихъ слугъ и четырехъ или пяти купцовъ, отъ которыхъ я получилъ инструкціи. «Милостивые государи», началъ я свою рѣчь: «Его Величеству неугодно было выслушать меня; и такъ какъ, повидимому, мнѣ предоставлено говорить о дѣлѣ безъ всякаго церемоніала, то, насколько я помню, словесный отвѣтъ Его Величества, на два пункта писемъ Ея Величества, заключался въ слѣдующемъ»,—и я буквально повторилъ по памяти слова короля. Затѣмъ я продолжалъ свою рѣчь, въ которой подробно изложилъ содержаніе писемъ королевы; заявилъ, что не защищаю англійскихъ купцовъ; что они здѣсь налицо и могутъ подтвердить свои показанія. Единственная просьба королевы, относительно ихъ, заключается въ томъ, чтобы имъ было оказано правосудіе, которое Его Величество оказываетъ всѣмъ безъ исключенія. Посланникъ Ея Величества, англійской королевы, м-ръ Герберть не былъ уполномоченъ дать согласіе на пошлину или плату въ 100 дукатовъ, взимаемую съ подданныхъ Ея Величества, торгующихъ въ сѣверныхъ моряхъ. Такая пошлина или право не можетъ быть признано; предки Ея Величества никогда не платили пошлины предшественникамъ Его Величества: ни въ лѣтописяхъ, ни въ исторіи и въ хроникахъ не упоминается объ этомъ. Подданные Ея Величества, занимаясь торговлей и рыболовствомъ на датскомъ побережьи, въ городахъ Нордергардъ, Трондъ и Уордгаузѣ платятъ обычную пошлину, наравнѣ съ другими націями, отъ которыхъ не требуютъ особой пошлины, а тѣмъ болѣе дани. Условіе это ни въ какомъ случаѣ не будетъ одобрено, ни принято. Что касается захвата кораблей и товаровъ подданныхъ датскаго короля англійскимъ лордомъ-казначеемъ и лордомъ-адмираломъ, то на это были особенныя причины;—и вамъ извѣстно, милостивые государи, что Ея королевское Величество всегда заботилась и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы не подать какого-либо повода къ неудовольствію Его Величества. Датскіе корабли были задержаны, по выходѣ изъ Зунда, въ далекомъ разстояніи отъ датской территоріи, и они были нагружены амуниціей, порохомъ, военными и съѣстными припасами для нуждъ короля шведскаго, общаго врага Ея Величества и другихъ націй, и, вопреки запрещенію, проходили черезъ Британскій проливъ. О! неужели такіе или подобные этому поводы послужатъ къ нарушенію давняго союза и договора, заключеннаго между двумя великими державами. Сколько разъ и, въ различное время,

втайнѣ предложено было англійскимъ купцамъ, чтобы ихъ корабли плыли къ Стокгольму, Нарвѣ, Ригѣ, Ревелю, Данцигу, Кёнигсбергу и другимъ приморскимъ торговымъ городамъ, минуя Зундъ и проходя черезъ моря Норвежское и Финляндское. До сихъ поръ они вынуждены были слѣдовать тѣмъ же путемъ, какъ и прежде, ради мира и дружескихъ отношеній, противъ желанія и воли государей, равнодушныхъ къ общему благу и даже, отчасти, довольныхъ пролитію крови, которое возможно при этихъ условіяхъ въ каждый моментъ, по ничтожному поводу. Но я не сомнѣваюсь, что вы, знатнѣйшіе сановники государства, по своей разсудительности и великой мудрости, постараетесь предупредить опасность». Они возражали мнѣ. Я просилъ извинить меня и дозволить мнѣ удалиться для отдыха, такъ какъ сильно усталъ;—и меня отпустили домой, въ сопровожденіи дворянина. Король послалъ спросить меня: имѣю ли я порученіе окончить дѣло и принять какое-либо рѣшеніе? «Нѣтъ», возразилъ я; «мнѣ велѣно только представить письма Ея Величества, дать требуемыя объясненія и получить отвѣтъ».—«Успокойтесь, сэръ», заявили они, «при этомъ условіи мы рѣшимъ дѣло въ короткихъ словахъ». Я обѣдалъ съ королемъ; но не могъ отвѣчать на всѣ тосты и пилъ только за здоровье Ея Величества англійской королевы, за здоровье Его Величества, королевы Софьи и пр.

Мнѣ вручили письма Его Величества, золотую цѣпь, цѣною около 40 ливр., и милостиво отпустили. Я снова прибылъ въ Любекъ, откуда послалъ въ Лондонъ мои письма и записку о томъ, что было мною сдѣлано съ почтеннымъ купцомъ, мистеромъ Даніэлемъ Бондъ. Повидимому, мои переговоры имѣли нѣкоторый успѣхъ. Купцы, которые согласились-было на сдѣлку, отказались отъ нея и рѣшили послать въ Данію съ грамотами королевы д-ра Перкинса [1]), который былъ немедленно отправленъ, и выручилъ ихъ корабли и товары, за что былъ прилично вознагражденъ. Между тѣмъ я ничего не получилъ за мои труды, или очень мало.

Когда я прибылъ въ Данцигъ, за 500 миль отъ Любека, то депутаты и уполномоченные англійскихъ купцовъ, м-ръ Баркеръ и др., узнавъ о моемъ пріѣздѣ, явились ко мнѣ и просили, чтобы я ѣхалъ въ Польшу, черезъ Мельвиль, мѣсто ихъ жительства, для полученія отъ нихъ инструкцій. Поэтому я выбралъ путь черезъ Торнъ и Подолію, плодоносную страну, и далѣе до Варшавы, гдѣ находился польскій король Сигизмундъ.

[1]) Д-ръ Хр. Перкинсъ, повидимому, имѣлъ порученіе отъ королевы вести переговоры съ датскимъ королемъ въ 1590 году.

Здѣсь встрѣтили меня упомянутые депутаты м-ръ Баркеръ и его компанія, и я приготовился вступить въ новый лабиринтъ, еще болѣе запутанный и трудный. Великій канцлеръ Замойскій жилъ въ десяти миляхъ отъ королевскаго Двора, въ собственномъ городѣ, построенномъ и названномъ его именемъ; къ нему я прежде всего долженъ былъ найти доступъ, такъ какъ онъ былъ главный воевода, намѣстникъ и первый сановникъ въ королевствѣ. Но чтобы не навлечь на себя неудовольствіе другихъ важныхъ пановъ и высшихъ должностныхъ лицъ и не повредить моимъ переговорамъ, я обратился къ главному секретарю и подканцлеру, который выхлопоталъ мнѣ доступъ ко Двору и возможность передать письма Его королевскому Величеству. Однако, въ дѣлѣ произошла остановка, и пришлось ждать прибытія великаго канцлера ко Двору, такъ какъ всѣ мои хлопоты проникнуть къ нему не имѣли успѣха. Къ счастью, панъ Янъ Глѣбовичъ, ковенскій воевода, близкій пріятель его, зналъ меня, благодаря тому, что я оказалъ нѣкоторыя услуги его друзьямъ и родственникамъ, которые одно время находились въ плѣну у покойнаго царя Ивана Васильевича. Панъ Глѣбовичъ употребилъ всѣ усилія, чтобы расположить въ мою пользу великаго канцлера, который принялъ меня съ почетомъ, но съ видимымъ недоброжелательствомъ за то, что я приступилъ къ дѣлу, не дождавшись его соизволенія.

Назначены были два коммисара, секретарь Станиславъ и референдарій Оброскій, чтобы вести со мною переговоры, по поводу жалобы Ея королевскаго Величества, относительно англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Польшѣ, которые довѣрили въ долгъ мѣстнымъ купцамъ и подданнымъ польскаго короля суконъ и другихъ товаровъ стоимостью на восемьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Но эти объявили себя несостоятельными, перемѣнили мѣсто жительства, и на деньги, вырученныя за товары, купили себѣ дома и помѣстья, проживали въ нихъ, выхлопотавъ у короля льготныя грамоты, по которымъ они были изъяты отъ суда и какихъ-либо взысканій, къ великому ущербу и разоренію многихъ изъ означенныхъ англійскихъ купцовъ. Коммисары заявили мнѣ, что «это новая жалоба, о которой они ничего не слыхали, и полагаютъ, что дѣло происходило не такъ и не совсѣмъ точно доложено Ея Величеству, англійской королевѣ». Къ счастью, тутъ присутствовали англійскіе купцы, и они не только могли привести всѣ доказательства, но подтвердили сказанное мною передъ ихъ милостями, представивъ перечень своихъ именъ и долговыя обязательства, изъ которыхъ было видно, сколько времени имъ пришлось ждать уплаты.—«Возможно», возразили к[о]ммисары, «что все это вѣрно, однако значительная часть долга выплачена и погашена: во всякомъ случаѣ, необходимъ

болѣе продолжительный срокъ для разслѣдованія. Должниковъ также слѣдуетъ выслушать».—На это мною и нѣкоторыми изъ купцовъ было заявлено, что мы обращаемся къ соизволенію и милости Его Величества, польскаго короля, и просимъ оказать помощь въ нашемъ дѣлѣ. — «Его Величество и ясновельможные паны будутъ немедленно освѣдомлены о вашей просьбѣ, и вы затѣмъ услышите о принятомъ рѣшеніи», — отвѣтили коммисары.

Я опять обратился къ моему пріятелю, ковенскому воеводѣ Глѣбовичу, чтобы онъ попросилъ великаго канцлера о его милостивомъ содѣйствіи къ моему выѣзду изъ Польши, тѣмъ болѣе, что онъ, повидимому, пересталъ гнѣваться на меня. Дѣйствительно, время отъ времени онъ посылалъ мнѣ привѣтствія и подарки, и даже позвалъ меня къ себѣ въ то время, когда у него были другіе члены Совѣта. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что Его королевское Величество удивляется, какимъ образомъ англійская королева рѣшается писать настойчивыя письма такому великому королю относительно какихъ-то холоповъ, которые могутъ жаловаться и безъ всякаго повода. — «Осмѣливаюсь доложить вашей милости и ясновельможнымъ панамъ, что Ея Величество, англійская королева, пишетъ Его Величеству тѣмъ же слогомъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ всѣмъ другимъ царствующимъ государямъ, ея возлюбленнымъ братьямъ и союзникамъ, ставитъ и цѣнитъ дружбу и значеніе Его Величества на первомъ мѣстѣ, среди многихъ другихъ. Дѣйствительно, какъ видно изъ произведеннаго слѣдствія и допроса, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ правдивости всего сказаннаго въ письмахъ Ея Величества и жалобъ, принесенныхъ достойными подданными Ея Величества, королевскими купцами, которыхъ Ея Величество почитаетъ далеко выше класса поселянъ. Они покорнѣйше просятъ только, чтобы имъ было оказано правосудіе, которое коронный судъ Его Величества, польскаго короля, предоставляетъ всѣмъ людямъ, безъ изъятія».—«Приведите доказательства тому, что вы утверждаете», возразили паны, «и согласно съ этимъ будетъ оказано правосудіе; но да будетъ вамъ извѣстно, что ваша королева не можетъ ни назначать предѣлы, ни препятствовать верховной волѣ и усмотрѣнію Его Величества въ дарованіи милостей тому или тѣмъ подданнымъ, которыхъ Его королевская мудрость признаетъ достойными этого». — «Ничего подобнаго не было въ помыслахъ Ея Величества, ясновельможные паны, и не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо ограниченіи. Желательно только, чтобы, по законамъ вашего королевства, подданнымъ Ея Величества были возвращены товары и имущество, попавшее въ руки такихъ лицъ, которыя незаконно добыли себѣ охранныя грамоты и должны быть арестованы. Благоустройство и мудрое управленіе польскаго государства хорошо извѣстны міру и, при

вѣжливомъ обхожденіи, способствуютъ торговлѣ и сношеніямъ со всѣми націями, и такимъ образомъ происходитъ сбытъ лишнихъ запасовъ, издавна накопившихся въ государствѣ, и ввозъ иностранныхъ товаровъ въ томъ размѣрѣ, насколько великъ спросъ на нихъ. При этомъ, накопляются коронныя пошлины, съ наибольшей пользой употребляются доходы дворянъ, богатѣютъ купцы и различные ремесленники, что̀ и даетъ возможность польскому народу и государству находиться въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, болѣе блестящемъ, нежели многія иностранныя націи.

«Все изложенное мною предоставляю на ваше мудрое усмотрѣніе, ясновельможные паны, и прошу извинить меня, если что̀ было иначе понято вами». Мы разстались въ болѣе дружескихъ отношеніяхъ, нежели встрѣтились; и на слѣдующее утро канцлеръ послалъ спросить меня, какъ я провелъ ночь, и приказалъ доставить ему, черезъ одного изъ купцовъ, списокъ фамилій кредиторовъ и ихъ векселя, съ указаніемъ мѣста жительства. Все это было исполнено мною; и черезъ одного изъ моихъ слугъ я послалъ канцлеру красивый платокъ съ рѣдкими узорами, пару надушенныхъ перчатокъ и цѣпочку изъ сѣрой амбры. Канцлеръ принялъ подарки съ благодарностью, и щедро наградилъ посланнаго. Между тѣмъ, мы развлекались скачками, ѣздили по окрестностямъ; я видѣлъ многіе памятники и народныя увеселенія, пока дождался счастливаго дня, когда канцлеръ и упомянутые паны послали за мной. Мнѣ было объявлено, что Его королевское Величество согласенъ исполнить требованія Ея Величества (королевы), желаетъ жить съ нею въ дружбѣ, и Ея купцы будутъ всегда хорошо приняты въ Польшѣ, и имъ не будетъ никакихъ притѣсненій. При этомъ были напечатаны двѣнадцать объявленій, которыя были немедленно разосланы, обнародованы и провозглашены герольдами въ Мельвилѣ, Данцигѣ, Кёнигсбергѣ и въ другихъ большихъ торговыхъ городахъ и мѣстечкахъ къ свѣдѣнію проживавшихъ тамъ купцовъ и исполненію: — «Чтобы всѣ подданные Его Величества—купцы или другого званія люди, которые остались должны за какое-либо имущество, забранные товары, деньги или по контракту англійскимъ купцамъ, торгующимъ въ Польскомъ королевствѣ,—должны немедленно удовлетворить ихъ, заплатить деньгами или по соглашенію съ ними, или черезъ кого-либо изъ нихъ. Они обязаны исполнить это въ трехмѣсячный срокъ со дня означеннаго объявленія, подъ страхомъ великаго гнѣва Его Величества, продажи и конфискаціи всего ихъ состоянія, земель, товаровъ, домовъ и движимаго имущества, гдѣ бы то ни было, не взирая на охранныя грамоты, привилегіи или льготы. Дано въ нашемъ имперскомъ городѣ Варшавѣ, сего послѣдняго числа іюля, во второмъ году нашего царствованія, anno Domini 1589, stilo veteri».

Я обѣдалъ у короля; Его Величество сказалъ мнѣ нѣсколько словъ; я поцѣловалъ его руку и, получивъ королевскія грамоты и патенты, былъ отпущенъ. Панъ Лука Обровскій, оберъ-камергеръ, любимецъ короля, устроилъ для меня пиръ. Я отправилъ купцовъ въ Англію съ письмами къ м-ру секретарю Уолсингэмъ, съ подробнымъ описаніемъ всего происходившаго. Купцы дали мнѣ довольно приличное вознагражденіе и обѣщали еще наградить меня, тѣмъ болѣе, что до этого м-ръ Джонъ Гербертъ не имѣлъ никакого успѣха въ ихъ дѣлѣ [1]).

У меня явилось желаніе увидѣть королеву Анну, третью дочь короля Сигизмунда, вдову покойнаго Стефана Баторія;—и по этому поводу позволю себѣ нѣкоторое отступленіе отъ моего разсказа. Я одѣлъ ливрею одного изъ моихъ слугъ и пробрался во дворецъ королевы. Передъ окнами стояли рядами большія массивныя растенія и горшки съ жасминами, китайскими розами, красивыми лиліями, пахучими травами и чужеземными цвѣтами, распространявшими самый тонкій ароматъ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ находилась королева, и всталъ среди многихъ другихъ дворянъ. Ея Величество сидѣла за ужиномъ, подъ бѣлымъ шелковымъ балдахиномъ, въ покойномъ креслѣ, на большомъ турецкомъ коврѣ, и далеко не отличалась красотой. Ея фрейлины и статсъ-дамы ужинали тутъ же за длиннымъ экраномъ, поставленнымъ поперекъ комнаты. Я видѣлъ, какъ подавали кушанья королевѣ, ея манеру держать себя и всю обстановку. Меня замѣтилъ одинъ дворянинъ и неожиданно выдалъ меня, сказавъ обо мнѣ дворецкому, стоявшему за кресломъ королевы: этотъ взглянулъ на меня и обратилъ вниманіе стоявшихъ около него. Я отступилъ назадъ; но дворецкій уже доложилъ королевѣ.—«Позовите его сюда, хотя онъ и не въ парадѣ».—Пожилой господинъ спросилъ меня: — «Вы желаете обратиться къ Ея Величеству по какому-либо дѣлу?»—«Нѣтъ, милостивый государь, я желалъ только видѣть особу Ея Величества и великолѣпіе ея Двора, и прошу извиненія, если оскорбилъ этимъ».—«Ея Величество желаетъ говорить съ вами».—Меня замѣтили въ толпѣ, благодаря тому, что у ворота и рукавовъ моего платья были особыя брыжжи, обратившія на меня общее вниманіе. Дамы, сидѣвшія за особымъ столомъ, встали и окружили королеву. Я поклонился Ея Величеству, и она спросила меня черезъ переводчика: не тотъ ли я джентльменъ изъ Англіи, который недавно велъ переговоры съ королемъ, и пожелала узнать имя англійской королевы.—«Елизавета», повторила она за мною, «такое благословенное имя у королевы, которая является бичемъ католической церкви; ея сестру звали Маріей,

[1]) Джонъ Гербертъ былъ отправленъ съ порученіями въ Польшу въ 1583 году.

это преподобная святая на небесахъ!» — Я просилъ дозволенія говорить безъ переводчика, который невѣрно передалъ мои слова.—«Говорите, прошу васъ».—«Имя королевы Елизаветы», началъ я, «вездѣ славится и въ большомъ почетѣ у самыхъ могущественныхъ и величайшихъ изъ властвующихъ королей и государей сего міра; она защитница истинной древней католической церкви и вѣры и, какъ подобаетъ, одинаково почитаема и величаема, какъ врагами, такъ и друзьями».—«Ну, ну, сэръ, если бы она была дѣйствительно такая, то почему она такъ жестоко казнила такое множество святыхъ католиковъ,—Стори, Кампіона и другихъ божіихъ мучениковъ?»—«Они были богоотступники и измѣнники, замышляли свергнуть Ее съ престола и погубить Ея королевство». — «Если бы это была правда, то какъ могла она пролить кровь помазанниковъ Божіихъ, королевы болѣе великой, нежели она сама, безъ слѣдствія, суда, согласія ея пэровъ, святого отца папы и всѣхъ христіанскихъ государей Европы».— «Подданные Ея Величества и парламентъ считали это необходимымъ, помимо Ея королевскаго согласія, для большей безопасности Ея Величества и спокойствія Ея царствованія, которое ежедневно подвергалось опасности».

Королева, выслушавъ мой отвѣтъ, неодобрительно покачала головой. Въ комнату вошелъ ея духовникъ, извѣстный іезуитъ Антоній Поссевинъ, и былъ видимо недоволенъ моимъ присутствіемъ, такъ какъ съ нимъ у меня было столкновеніе въ былыя времена въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ нунціемъ, и откуда его удалили. Ея Величество спросила стаканъ венгерскаго и два куска хлѣба съ сыромъ, и приказала дворецкому подать мнѣ; а когда я отказался, то взяла стаканъ и тарелку въ свои руки, сама поднесла мнѣ и отпустила. Я былъ радъ вернуться домой и снять ливрею; но вслѣдъ затѣмъ хозяйка гостинницы, гдѣ я остановился, пригожая женщина, хорошо извѣстная при Дворѣ, была позвана къ Ея Величеству. Королева желала видѣть ожерелье, которое было на мнѣ въ воскресенье, когда я въ послѣдній разъ являлся къ королю, такъ какъ, по ея словамъ, еврей, главный королевскій поставщикъ, будто бы имѣлъ въ рукахъ это ожерелье и увѣрилъ короля, что оно поддѣльное и что вмѣсто жемчуга — высушенные рыбьи глаза. Кромѣ того, королева велѣла спросить, какъ накрахмалены брыжжи, которыя она видѣла на мнѣ, красиво сдѣланныя съ серебряной проволокой и плоеныя въ Англіи. Мнѣ возвратили обратно мое жемчужное ожерелье, которое не потеряло своей цѣны въ глазахъ королевы оттого, что побывало въ ея рукахъ.

Но пора вернуться къ моему разсказу. Я выѣхалъ изъ Варшавы вечеромъ, переправился черезъ рѣку, гдѣ на берегу лежалъ мертвый змѣй-крокодилъ (?), которому мои люди распороли животъ багромъ. При этомъ

распространилось такое зловоніе, что я былъ отравленъ имъ и пролежалъ нѣсколько дней больной въ ближайшей деревнѣ. Здѣсь я встрѣтилъ столько христіанскаго милосердія, такой уходъ за мной и помощь отъ разныхъ лицъ, навѣщавшихъ меня, какъ иностранца, что я выздоровѣлъ какимъ-то чудомъ. Когда я прибылъ въ Вильно, главный городъ Литвы, то предъявилъ грамоты и патенты королевы, въ которыхъ было указано мое званіе и имя, великому князю, воеводѣ Радзивиллу, извѣстному своими высокими качествами и доблестями, весьма могущественному и набожному протестанту, и представился ему. Онъ принялъ меня съ большимъ почетомъ, щедро угостилъ и сказалъ, что хотя я не имѣю ничего передать ему отъ имени англійской королевы, но онъ настолько поклоняется Ея рѣдкимъ качествамъ и добродѣтелямъ, что приметъ меня въ качествѣ посланника Ея Величества. Это была своего рода политика, чтобы его подданные вообразили, что я посланъ англійской королевой вести съ нимъ переговоры. Онъ повелъ меня въ церковь; я слышалъ божественную службу, псалмы, пѣніе, проповѣдь и совершеніе св. Таинствъ по обряду протестантской церкви; при этомъ кардиналъ Радзивиллъ, братъ его, бормоталъ молитвы. Князь Радзивиллъ пригласилъ меня къ обѣду. 50 алебардщиковъ проводили меня черезъ городъ во дворецъ, передъ которымъ были разставлены жолнеры и княжеская гвардія изъ 500 дворянъ. Князь встрѣтилъ меня на терасѣ съ многочисленной свитой изъ молодыхъ дворянъ, и провелъ въ огромную залу, откуда слышалось пѣніе и играли органы и гдѣ былъ накрытъ длинный столъ, за которымъ сидѣли воеводы, паны и панни; надъ кресломъ князя Радзивилла былъ балдахинъ. Меня помѣстили противъ князя, посреди стола, при звукѣ трубъ и рокотѣ барабановъ. Послѣ первой подачи кушанья явились шуты и поэты и увеселяли гостей, подъ тихія и нѣжныя мелодіи музыкальныхъ инструментовъ. Затѣмъ вышла разряженная толпа карликовъ и карлицъ, при пѣніи гармоничныхъ пѣсенъ и заунывныхъ протяжныхъ звукахъ свирѣлей, которыя они называли кимвалами Давида и сладкозвучными колокольчиками Аарона. Время шло пріятно и быстро при такомъ разнообразіи. Князь Радзивиллъ предложилъ тостъ за здоровье ангелоподобной королевы англійской, превозносилъ Ея величіе и высокія качества. Всѣ вельможи и дамы, сидѣвшіе за столомъ, подняли свои бокалы, наполненные дорогимъ виномъ, въ видѣ отвѣтнаго тоста, что сдѣлалъ и я, и выпилъ за здоровье Ея Величества. Послѣ этого подали сдѣланныя изъ сладкаго тѣста разныя причудливыя изображенія—львы, единороги, орлы съ распростертыми крыльями, лебеди и другія птицы, пропитанныя виномъ и начиненныя всякаго рода пряностями и конфектами. Каждый изъ гостей бралъ своей серебряной вилкой куски, вырѣзан-

ные изъ брюшной части изображенной птицы или животнаго. Вообще, было бы утомительно разсказывать все по порядку и о каждой подачѣ кушанья, а также о всѣхъ рѣдкостяхъ. Однимъ словомъ, меня угощали на-славу и оказывали возможный почетъ и уваженіе. Я вернулся домой въ сопровожденіи тѣхъ же алебардщиковъ. Мнѣ вручили патенты и дали дворянина, чтобы проводить меня до границы литовскихъ владѣній, гдѣ я и простился съ нимъ. Не стану распространяться о видѣнныхъ мною въ Литвѣ своеобразныхъ состязаніяхъ и зрѣлищахъ со львами, медвѣдями и быками.

Во время моего проѣзда черезъ Литву я вездѣ встрѣчалъ радушный пріемъ. Отсюда я отправился въ Смоленскъ, большой торговый городъ, первый на русской границѣ. Мой старый знакомый, жившій по сосѣдству со мною въ Москвѣ, князь Иванъ Голицынъ, былъ теперь въ Смоленскѣ воеводой и намѣстникомъ; онъ казался озабоченнымъ и довольно странно встрѣтилъ меня. Оказалось, что князь Голицынъ, царь и правитель Борисъ Θедоровичъ уже слышали о моемъ прибытіи и о томъ, какъ я былъ принятъ у польскаго короля Сигизмунда и великаго князя литовскаго, и приготовили мнѣ худшую встрѣчу, нежели я ожидалъ. Они позволили мнѣ слѣдовать далѣе, но послали впередъ извѣстить о моемъ пріѣздѣ, такъ что за десять миль отъ Москвы на встрѣчу мнѣ былъ высланъ приставъ, который проводилъ меня и помѣстилъ въ домѣ суздальскаго епископа (въ подворьѣ). Здѣсь за мною былъ строгій присмотръ, не совсѣмъ обычный, потому что я не могъ вести переговоры съ польскимъ посломъ, который прибылъ по непріятному для нихъ дѣлу, а именно—требовать возвращенія значительной части южныхъ областей, одно время принадлежавшихъ польской коронѣ. При этомъ, онъ велъ дѣло очень настойчиво, такъ что его переговоры подвигались впередъ, а мои остановились. Нѣкоторые изъ прежнихъ моихъ друзей послали тайно сообщить мнѣ черезъ нищихъ женщинъ, что относительно меня произошла перемѣна при Дворѣ и чтобы я былъ насторожѣ. За мной послали. Я вручилъ лично королевскія грамоты царю; онъ передалъ ихъ Андрею Щелкану, думному дьяку посольскаго приказа, который враждебно относился ко мнѣ изъ-за сэра Джерома Боуса. Но тутъ царь началъ плакать, при своемъ слабоуміи, крестился, говоря, что онъ никогда не давалъ мнѣ повода для обиды: онъ видимо былъ чѣмъ-то разстроенъ. Меня поспѣшно увели отъ него. Князя-правителя не было при этомъ; и я ничего не слышалъ о немъ до одного вечера, когда, проѣзжая мимо моего жилища, онъ послалъ дворянина сказать мнѣ, чтобы я пріѣхалъ къ нему верхомъ, и что онъ приметъ меня въ своемъ пригородномъ домѣ. Удаливъ всѣхъ, Борисъ Θедоровичъ поцѣ-

ловалъ меня, по русскому обычаю, и, «со слезами на глазахъ», сказалъ мнѣ, что, по разнымъ причинамъ, не можетъ выказывать мнѣ такой дружбы и пріязни, какъ прежде. Я отвѣтилъ, что это тѣмъ болѣе огорчаетъ меня, что я могу, по совѣсти, засвидѣтельствовать, что не далъ ему никакого повода къ неудовольствію, всегда былъ вѣренъ ему, поступалъ честно и чистосердечно. «Въ такомъ случаѣ», сказалъ Борисъ Ѳедоровичъ, «пусть будетъ это на душѣ тѣхъ, кто хотѣлъ поссорить насъ»,—затѣмъ онъ заговорилъ о дѣлахъ, о которыхъ неудобно распространяться на бумагѣ, и добавилъ, что не допуститъ, чтобы волосъ упалъ съ моей головы;—конечно, это была пустая фраза.

Между тѣмъ, я получилъ нѣсколько предостереженій отъ моихъ друзей, хотя нѣкоторые уже выѣхали изъ Москвы въ мое отсутствіе или были удалены. Оказалось, что многіе пункты мнѣ ставились въ вину, а именно: что грамоты и письма королевы писаны не тѣмъ слогомъ и не съ тою печатью, какъ въ прежнія времена, съ умаленіемъ царскаго титула и неуважительныя къ царицѣ. Кромѣ того, меня обвиняли въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ и княземъ литовскимъ, и что, будто бы, я увезъ значительныя сокровища изъ государства. На всѣ эти обвиненія я отвѣтилъ такъ подробно и обстоятельно, что они прекратили дальнѣйшій допросъ, и, противъ ихъ желанія, обнаружились такіе факты, которые расположили многихъ изъ нихъ въ мою пользу. Вода для приготовленія моего кушанья была отравлена; посылаемые мнѣ напитки, трава тысячелистника были отравлены; уносили мое бѣлье для отравы; и они должны были сознаться въ этомъ и указать: кѣмъ и когда это сдѣлано и какимъ способомъ, тѣмъ болѣе, что у меня были относительно этого точныя свѣдѣнія. Мой поваръ и дворецкій умерли отъ яда. У меня былъ слуга Агацій Дускеръ, сынъ дворянина изъ Данцига, у котораго вслѣдствіе отравы появилось на тѣлѣ до двадцати болячекъ и нарывовъ; и онъ едва остался живъ. Я считалъ неудобнымъ оставаться долѣе въ Москвѣ, гдѣ было такъ много иностранныхъ пословъ, которые завидовали мнѣ. Борисъ Ѳедоровичъ послалъ сказать мнѣ, чтобы я ничего не опасался. Между тѣмъ, царь и его совѣтники сослали меня въ Ярославль, за двѣсти миль отъ Москвы. Въ это время было много всякихъ событій, о которыхъ не стоитъ писать; нѣкоторыя извѣстія изъ Москвы были радостны, другія приводили въ ужасъ. Господь какимъ-то чудомъ хранилъ меня. Но однажды ночью я думалъ, что уже совсѣмъ наступилъ мнѣ конецъ, и молилъ Всевышняго о спасеніи моей души. Кто-то въ полночь постучалъ въ ворота моего дома. У меня былъ достаточный запасъ пистолей и оружія. Я и пятнадцать человѣкъ моихъ слугъ, вооружившись этимъ оружіемъ, вышли къ

воротамъ: «Мой добрый, благородный другъ Джеромъ, впустите меня, я долженъ поговорить съ вами».—Я узналъ при лунномъ свѣтѣ Аѳанасія Нагого, брата послѣдней жены покойнаго царя и матери юнаго царевича Димитрія, которая жила съ нимъ въ Угличѣ, на разстояніи 25 миль отъ Ярославля.—«Царевичъ Димитрій скончался; въ шестомъ часу дьяки перерѣзали ему горло; слуга одного изъ нихъ сознался, подъ пыткой, что они посланы Борисомъ; царица отравлена и при-смерти: у ней вылѣзли волосы и ногти и лупится кожа; помогите, дайте что-нибудь Христа ради».—«Увы, у меня нѣтъ такого средства, которое стоило бы послать». Не открывая воротъ, я поспѣшилъ въ домъ, досталъ небольшую склянку чистаго салатнаго масла (склянку того бальзама, который дала мнѣ королева) и коробочку венеціанскаго теріака: «Вотъ все, что я имѣю», сказалъ я. «Дай Богъ, чтобы это помогло царицѣ».—Я подалъ лѣкарство черезъ заборъ; и Нагой поспѣшно удалился. Немедленно послѣ этого уличные сторожа подняли городъ и сообщили жителямъ объ убіеніи царевича Димитрія. Дня четыре передъ этимъ подожжены были предмѣстья Москвы и сгорѣло около двѣнадцати тысячъ домовъ. Стража Бориса грабила во время пожара; а четыре или пять негодяевъ изъ низшихъ чиновъ, нанятые съ тѣмъ условіемъ, чтобы выдержать пытку, дали показанія, которыя были обнародованы, будто бы царевичъ Димитрій, его мать царица, съ ихъ родственниками Нагими наняли ихъ, чтобы они убили царя и Бориса Ѳедоровича и подожгли Москву. Это было сдѣлано съ цѣлью возбудить ненависть народа противъ царевича, его матери и семьи Нагихъ. Но это была слишкомъ наглая ложь, всѣмъ одинаково ненавистная, и Господь не замедлилъ воздать и отомстить виновнымъ самымъ ужаснымъ и нагляднымъ образомъ, чтобы показать, что онъ правосуденъ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ и обращаетъ злые замыслы и діавольскіе происки людей имъ на открытое посрамленіе и гибель. Епископъ Крутицкій, съ 500 стрѣльцовъ, со многими боярами и дворянами былъ посланъ, чтобы похоронить царевича Димитрія въ Угличѣ, гдѣ онъ былъ положенъ, какъ мнѣ говорили, въ главномъ придѣлѣ церкви Св. Іоанна. Никому и въ голову не приходило въ это время, что такъ скоро явится призракъ царевича Димитрія, на гибель Бориса Ѳедоровича и всей его семьи. Больная отравленная царица была немедленно пострижена въ монахини для спасенія ея души убіеніемъ плоти, и умерла для свѣта. Всѣ ея родственники, братья, дяди, друзья и слуги были разосланы въ разные тайные вертепы, чтобы никогда больше не увидѣть свѣта Божія.

Наступило время моего отъѣзда изъ Россіи. Мнѣ объявили, что грамоты отъ царя и Бориса Ѳедоровича будутъ посланы вслѣдъ за мною.

*

Я хотѣлъ собрать многіе мелкіе долги, мою утварь, которая находилась въ разныхъ мѣстахъ, а также получить значительныя суммы денегъ, обѣщанныя Борисомъ Ѳедоровичемъ. Онъ писалъ мнѣ письма, которыя хранятся у меня до сихъ поръ, выражалъ въ нихъ сожалѣніе, что не можетъ сдѣлать для меня то, что желалъ бы, и выказать мнѣ попрежнему свою милость и полное благоволеніе, такъ какъ для этого нужно удалить нѣкоторыя препятствія. Но пока, если я нуждаюсь въ деньгахъ, то онъ пошлетъ мнѣ изъ собственной казны. Царскому приставу велѣно было проводить меня по теченію Двины и посадить на корабль. Когда я очутился на палубѣ, то почувствовалъ такую же радость, какъ сэръ Джеромъ Боусъ, когда онъ вырвался изъ Россіи.

Я прибылъ въ Англію цѣлымъ и невредимымъ, и возблагодарилъ Бога. Меня представили королевѣ; и я вручилъ Ея Величеству царскія грамоты, которыя оказались лучше и дружелюбнѣе, нежели можно было ожидать. Между компаніей англійскихъ купцовъ и мною произошло соглашеніе, относительно всѣхъ когда либо происходившихъ между нами недоразумѣній, при посредничествѣ четырехъ почтенныхъ лицъ. Компанія выплатила мнѣ 1845 ливр.—стоимость имущества и товаровъ, оставленныхъ мною въ Россіи и перешедшихъ въ ея собственность. Окончательный разсчетъ былъ сдѣланъ въ 1589 году: произведена расплата, выданы квитанціи съ подлинными подписями и печатью завѣдывающихъ дѣлами, сэра Джоржа Барта и сэра Джона Гарта, которые при послѣднемъ дружескомъ свиданіи поднесли мнѣ отъ имени товарищества красивую золоченую чашу съ крышкой. Все это съ ихъ письменными порученіями, инструкціями и важными дѣлами сохранилось у меня, равно и копіи королевскихъ грамотъ, порученій, инструкцій и другихъ бумагъ, относящихся къ происходившимъ въ разное время дипломатическимъ переговорамъ и дѣламъ. Документы эти весьма замѣчательны и заслуживаютъ вниманія и прочтенія. Нѣкоторыя выдержки изъ нихъ давно напечатаны у м-ра Гаклюйта въ его книгѣ путешествій, а также у Камдена [1]) и, главнымъ образомъ, въ болѣе научномъ сочиненіи д-ра Флетчера. Онъ подробно касается природныхъ свойствъ и наклонностей русскаго народа, законовъ, языка,

[1]) По мнѣнію Е. Бонда, Горсей несомнѣнно ссылается на книгу Камдена «History of Queen Elisabeth», въ которой встрѣчаются случайныя свѣдѣнія о переговорахъ между англійскимъ и русскимъ Дворами; но что, вообще, нѣтъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе указанія Горсея, что онъ доставилъ Флетчеру матеріалъ для его сочиненія «О государствѣ русскомъ.» Но д-ръ Гамель въ своей книгѣ «England and Russia» упоминаетъ на стр. 225, что онъ видѣлъ подлинникъ «Записокъ» Горсея, которыя онъ намѣренъ былъ передать Флетчеру.

правительственнаго, церковнаго и государственнаго строя, доходовъ, промышленности, климата, мѣстоположенія, составныхъ частей, а также государствъ, съ которыми русскіе находятся въ болѣе частыхъ и торговыхъ сношеніяхъ. Всѣ эти свѣдѣнія доставлены мною д-ру Флетчеру въ особомъ трактатѣ.

Кромѣ того, я надѣюсь представить два другихъ обѣщанныхъ мною трактата о Польшѣ, Литвѣ, Ливоніи, Венгріи, Трансильваніи, Германіи Верхнихъ и Нижнихъ кантонахъ, о скандинавскихъ соединенныхъ королевствахъ, Даніи и Норвегіи, которые составлены на основаніи собраннаго мною матеріала, пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и полученныхъ инструкцій. Мнѣ приходилось также много бесѣдовать по этому поводу, чтобы доказать моимъ друзьямъ, что я съ пользою употребилъ время, руководимый желаніемъ собрать возможно точныя свѣдѣнія, и готовъ дать имъ отчетъ относительно всего, что они еще пожелаютъ спросить у меня.

Мое повѣствованіе кончено; но я считаю необходимымъ, хотя черезъ извѣстный промежутокъ времени, дополнить мой разсказъ нѣкоторыми подробностями, въ связи съ предъидущими событіями. Послѣдствія дурныхъ и злыхъ поступковъ вполнѣ очевидны, чтобы люди помнили и знали, что, по волѣ Всевышняго, праведный судъ Божій всегда постигаетъ тѣхъ, которые проливаютъ невинную кровь въ смутное время тираніи. Такихъ примѣровъ всегда достаточно въ утѣшеніе избраннымъ; и справедливой кары не избѣжать людямъ, которые слѣдуютъ діавольскому навожденію, своимъ собственнымъ дурнымъ побужденіямъ и честолюбивымъ замысламъ. Въ справедливости этого не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Вамъ извѣстно и, только отчасти, о жестокости, варварскомъ и деспотическомъ правленіи царя Ивана Васильевича, о томъ, какъ онъ жилъ, сколько пролилъ невинной крови, какіе совершалъ ужасные грѣхи и находилъ въ нихъ услажденіе. Вы знаете также, какой смертью умеръ его старшій сынъ; и для управленія огромнымъ царствомъ остался полуумный сынъ, какъ въ притчахъ Соломона, болѣе чѣмъ слабыхъ способностей, вслѣдствіе чего было пролито еще больше крови. Послѣ смерти Ивана Васильевича перерѣзали горло его третьему, десятилѣтнему сыну, царевичу, который былъ одаренъ острымъ умомъ и на котораго возлагали большія надежды. Съ нимъ прекратилось, вымерло съ корнемъ и угасло въ крови потомство кровожадной династіи, существовавшей болѣе 300 лѣтъ. Что касается такъ называемаго Бориса Ѳедоровича Годунова, захватившаго престолъ, то вы, вѣроятно, помните, что я сообщилъ вамъ о моемъ послѣднемъ свиданіи съ нимъ. Съ этого времени я получалъ письма отъ моихъ старинныхъ достойныхъ друзей, имѣлъ другія вполнѣ досто-

вѣрныя извѣстія о положеніи русскаго государства и правительства; а также впослѣдствіи узналъ многое отъ свѣдущаго монаха и изъ бесѣды съ двумя посланниками. Борисъ, желая достигнуть власти и наибольшаго могущества для себя и своей семьи, постепенно подавлялъ, притѣснялъ и удалилъ значительную часть бояръ самыхъ знатныхъ и древнихъ родовъ, ловко расправлялся съ ними и долго безнаказанно мучилъ ихъ, чтобы сдѣлаться грознымъ и внушить къ себѣ страхъ. Хотя онъ дѣйствительно царствовалъ и до этого, но теперь онъ заточилъ самого царя Ѳедора Ивановича и свою сестру-царицу въ монастырь и заставилъ патріарха, митрополитовъ, епископовъ, монаховъ, вновь созданное имъ дворянство, а также служилыхъ людей, купцовъ и другихъ своихъ приверженцевъ просить его о принятіи вѣнца. Въ назначенное время онъ былъ посвященъ на царство, торжественно вѣнчанъ и всенародно провозглашенъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ, царемъ всея Руси, великимъ княземъ владимірскимъ, московскимъ, царемъ казанскимъ, царемъ астраханскимъ, царемъ сибирскимъ и пр. У него красивая наружность; онъ хорошо сложенъ, обходителенъ, охотно выслушиваетъ дурные совѣты; но горе дающимъ ихъ. Ему около 45 лѣтъ; онъ съ хорошими способностями; при этомъ склоненъ къ некромантіи, безъ всякаго образованія, но быстро соображаетъ, отъ природы хорошій ораторъ, говоритъ прекрасно и внятнымъ голосомъ. Ловкій, хитрый и мстительный, онъ не особенно сластолюбивъ, умѣренъ въ ѣдѣ, отличается величественной осанкой, щедро угощаетъ иностранныхъ пословъ и дѣлаетъ богатые подарки иностраннымъ государямъ. Чтобы распространить свою славу и заставить говорить о себѣ, онъ добивался прочнаго союза и дружбы съ германскимъ императоромъ и датскимъ королемъ, а также со скиѳскимъ ханомъ, польскимъ королемъ и шведскимъ,—его врагами, а также поддерживалъ дружбу со всѣми, кто непріязненно относился къ нему, что̀ и погубило его. Онъ продолжалъ управлять государствомъ попрежнему; но чтобы расположить къ себѣ подданныхъ, доставилъ имъ больше безопасности. Для продолженія своего рода, собственной безопасности и чтобы упрочить свое могущество Борисъ задумалъ выдать свою дочь за принца Гартика Ганса, третьяго сына датскаго короля. Состоялось соглашеніе относительно условій свадебнаго договора, приданаго, штатовъ и времени празднованія свадьбы. Это былъ доблестный и умный молодой принцъ, подающій большія надежды; и Борисъ надѣялся, что съ его связями и при его помощи совершить чудеса. Но Господу было угодно, чтобы молодой принцъ внезапно заболѣлъ и скончался въ Москвѣ. Такимъ образомъ разстроился этотъ бракъ, и рушились всѣ надежды и замыслы Бориса. Вскорѣ онъ очутился въ безвыходномъ поло-

женіи, вслѣдствіе вторженій крымцевъ, поляковъ и шведовъ, которые напали на смежныя владѣнія и границы русскаго государства.

Считаю лишнимъ распространяться о многихъ дальнѣйшихъ удивительныхъ событіяхъ и о томъ, что произошло между Борисомъ, боярами и народомъ, и перейду къ внезапной развязкѣ, наступившей для него самого, всѣхъ его соумышленниковъ и разрушившей всѣ задуманные имъ планы. Я говорилъ выше о Богданѣ Бѣльскомъ, временщикѣ и любимцѣ великаго царя Ивана Васильевича, который служилъ ему вмѣстѣ съ Борисомъ Ѳедоровичемъ, былъ его повѣреннымъ и исполнителемъ всѣхъ замысловъ. Никто лучше не зналъ и не понималъ ихъ, никто не былъ настолько могуществен и способенъ, чтобы справиться съ наиболѣе опасными врагами царя, боярами и другими недоброжелателями и довести ихъ до гибели. Но онъ получилъ ту награду, какая всегда выпадаетъ на долю такихъ вѣроломныхъ орудій. Самъ царь Борисъ, его сестра царица и вся ихъ семья и приверженцы страшились тонкихъ происковъ Бѣльскаго, искали случая и дѣлали попытки, чтобы избавиться отъ него, подвергли опалѣ и, вмѣстѣ съ его приверженцами, отправили на далекое разстояніе отъ Москвы, въ безопасное мѣсто, какъ имъ казалось, въ убѣжденіи, что при этихъ условіяхъ онъ не въ состояніи будетъ принести имъ какой-либо вредъ. Однако безчисленныя сокровища и масса денегъ, захваченныя Бѣльскимъ во времена его благополучія и отправленныя имъ на всякій случай за границу, пригодились для его плана мести. Онъ спасся бѣгствомъ, соединился со многими другими недовольными боярами и вліятельными людьми, не только съ цѣлью оказать имъ помощь, но задумалъ поднять противъ Россіи польскаго короля, главнѣйшихъ воеводъ и князей литовскихъ. Собравъ незначительную армію, онъ двинулся съ нею въ увѣренности, что у него будетъ достаточно силъ, по прибытіи въ Россію, и послалъ заранѣе объявить радостную вѣсть о всеобщемъ избавленіи, отъ имени Димитрія, истиннаго и законнаго наслѣдника вѣнца и русскаго царства, младшаго сына царя Ивана Васильевича, яко бы убитаго, по повелѣнію самозваннаго царя Бориса Ѳедоровича. Царевичъ спасся чудомъ, остался живъ, по волѣ Божіей и милосердію къ несчастному народу, и теперь приближается къ стѣнамъ Москвы имъ на помощь и утѣшеніе. Борисъ Ѳедоровичъ вооружился, насколько могъ, съ помощью своихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ и бояръ; у него было достаточно войска, амуниціи, артиллеріи, всякихъ запасовъ; но у него не хватило храбрости и мужества для битвы;—это разбило его сердце. Ничто уже не могло спасти его. Сендомірскій воевода, предводительствуя арміей вновь воскресшаго Димитрія, и многіе другіе его именемъ осадили и окружили

Москву со всѣхъ сторонъ, такъ что Годуновымъ не было никакой надежды найти спасеніе въ бѣгствѣ. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ, его супруга царица, сынъ и дочь приняли всѣ яду и легли головами вмѣстѣ на полу; трое изъ нихъ тотчасъ скончались, и ихъ тѣла лопнули. Но сынъ еще томился; и нѣкоторые изъ представителей семьи Годуновыхъ провозгласили его царемъ Иваномъ Борисовичемъ, царемъ всея Руси и пр. и пр., въ надеждѣ умиротворить и успокоить умы смущеннаго народа; но юноша вскорѣ скончался. Тогда народъ сталъ еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ждать спасеннаго отъ смерти царевича Димитрія. Ворота Москвы были открыты,—и Димитрій вошелъ въ городъ со своимъ войскомъ.

Овладѣвъ столицей, Димитрій занялъ дворецъ внутри Кремля. Епископы, все духовенство и народъ принесли присягу, объявили и вѣнчали его царемъ и великимъ княземъ всея Руси, хотя онъ былъ самозванецъ (обманщикъ), безобразной наружности, сынъ попа, продававшаго въ разносъ водку въ окрестностяхъ столицы.

Народъ роптал по поводу перемѣны правленія, и былъ въ высшей степени недоволенъ заносчивостью и вторженіемъ поляковъ, овладѣвшихъ городомъ, такъ что было вывѣшено объявленіе, чтобы защитить ихъ отъ оскорбленій народной ярости и ругательствъ. Сендомірскій воевода, предводитель польской арміи, который привелъ въ Россію самозванца, вынужденъ былъ для умиротворенія народа, ради собственной безопасности и возможности оставаться въ Россіи, выдать свою дочь за этого царя Димитрія; и она сдѣлалась царицей. Поляки—высокомѣрная нація, заносчивая въ счастьи,—стали проявлять свою власть надъ русскимъ боярствомъ, вмѣшивались въ православную религію, нарушали законы, мучили, угнетали, грабили, опустошали сокровища. Они преслѣдовали приверженцевъ и родственниковъ Бориса; многихъ изъ нихъ подвергли постыдной смерти или требовали выкупа, и вели себя, какъ побѣдители. Наконецъ, русскія бояре, митрополиты, епископы, монахи, всѣхъ сословій люди, выведенные изъ терпѣнія и возмущенные новаго рода правленіемъ и порядками, воспользовались случаемъ, чтобы справиться съ поляками и смирить ихъ наглость. Они рѣшили прекратить свои несогласія, и стали вооружаться, такъ что образовалось два враждебныхъ лагеря въ государствѣ, которое дошло до полнаго разстройства. Польскій король и магнаты, издавна враждебные московитамъ, пользуясь удобнымъ моментомъ, стали собирать армію, чтобы овладѣть московскимъ государствомъ и короной. Между тѣмъ, русскіе, сговорившись, напали однажды на самозваннаго царя Димитрія, убили стражу, схватили съ постели жены его, царицы, и выволокли на террасу. Стрѣльцы и воины зарубили его ножами, сѣкли и кромсали его тѣло, роз-

няли по кускамъ голову, ноги и туловище, снесли на площадь и три дня показывали народу, который стекался со всѣхъ сторонъ, проклиная измѣнниковъ, призвавшихъ его. Сендомірскій воевода, его дочь и польскіе воины были отпущены на родину съ бóльшимъ милосердіемъ, нежели они того заслуживали. Затѣмъ рѣшено было въ Москвѣ приступить къ избранію новаго царя изъ ихъ племени. Хотѣли выбрать одного изъ двухъ: князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго или князя Василія Шуйскаго; но оба опасались принять царскій вѣнецъ въ такое смутное время. Между поляками и русскими были различныя партіи;—все распалось и, повидимому, должно было пройти много времени прежде, чѣмъ образовалась какая-либо форма мирнаго правленія. Однако, вѣнецъ и царство имѣли такую притягательную силу, что явился человѣкъ, готовый принять ихъ. Это былъ князь Василій Петровичъ Шуйскій (?), храбрый и доблестный князь, третій братъ великодушнаго князя Ивана Шуйскаго, сосланнаго и задушеннаго, о которомъ я говорилъ выше. Князь Василій былъ вѣнчанъ и посвященъ на царство съ общаго согласія и съ большой торжественностью, по старинному способу и обряду, названъ царемъ Василіемъ Петровичемъ и великимъ княземъ всея Руси, съ приложеніемъ другихъ титуловъ и наименованій. Онъ и его народъ вооружились не только съ тою цѣлью, чтобы сбросить съ себя чужеземное иго, но чтобы изгнать поляковъ и приготовиться противъ новаго вражескаго вторженія.

Поляки, считая новаго царя, князя Василія, своимъ вассаломъ, требовали отъ него черезъ герольда изъявленія покорности коронѣ польской и признанія ихъ правъ надъ вновь завоеванной и присоединенной къ ихъ королевству монархіи и княжества всея Руси. Они не хотѣли сразу и безъ борьбы отказаться отъ присвоенныхъ ими правъ, такъ какъ имѣли въ запасѣ еще много Димитріевъ съ притязаніями на московскій престолъ, не принимали никакихъ доводовъ и возраженій и не соглашались ни на какія уступки. Поляки ковали желѣзо, пока оно горячо, и разсчитывали на поддержку среди утомленныхъ бояръ и измученнаго народа. Но эти были теперь въ высшей степени довольны своимъ новымъ царемъ и молили Бога о продолженіи его царствованія. Между тѣмъ Господь отвергъ ихъ молитвы и приготовилъ новыя бѣды и кару вѣроломному и нечестивому народу. Поляки явились съ храброй и сильной арміей, напали на малодушныя московскія войска и города; много военачальниковъ и храбрыхъ воиновъ было убито съ обѣихъ сторонъ. Поляки одержали побѣду, снова овладѣли Москвой и перебили множество людей. Царь Василій былъ взятъ и уведенъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами; его содержали подъ сильной охраной, въ крѣпости города Вильно, столицы Литвы. Теперь

поляки больше прежняго оскорбляли и притѣсняли русскихъ, захватывали ихъ товары, деньги, сокровища и имущество; и много было отправлено добычи и драгоцѣнностей въ Польшу и Литву. Только сокровища, принадлежавшія царю Ивану Васильевичу и Борису Ѳедоровичу, были спрятаны въ такихъ неизвѣстныхъ тайникахъ, что несомнѣнно не открыты до сихъ поръ, потому что люди, которымъ они довѣряли и которые принимали въ этомъ участіе, были удалены или убиты. Русскіе покорились, сдѣлались польскими вассалами, признали верховную власть польскаго короля и торжественнымъ образомъ дали письменное обязательство навсегда остаться въ зависимости отъ польской короны; просили королевича пріѣхать въ Россію вѣнчаться на царство и жить въ знаменитомъ городѣ Москвѣ. Но король не хотѣлъ и слышать объ этомъ, а тѣмъ болѣе довѣрить имъ особу своего сына; не желали этого и польскіе паны, которые были самовластными господами и считали опаснымъ для польской короны принять такое наслѣдіе. Они не желали также оказать подобной чести врагу, и рѣшили черезъ своихъ резидентовъ время отъ времени давать русскимъ такіе законы и постановленія, которыми они могли бы властвовать и управлять страною по своему усмотрѣнію, пока ими будетъ принято окончательное рѣшеніе. Русскіе вооружились терпѣніемъ и выносили все, скрѣпя сердце, пока не нашли исходъ для своего освобожденія. Набѣги и вторженія крымскихъ татаръ сильно безпокоили поляковъ. Но еще опаснѣе были для нихъ бунты и нашествія черемисовъ, нагайцевъ, мордвы, татаръ, черкесовъ и ихъ князей и правителей, испытанныхъ, смѣлыхъ наѣздниковъ. Эти инородцы долго находились подъ властью русскихъ царей, которые обходились съ ними лучше, нежели со всѣми другими націями; и теперь, лишенные привычнаго хорошаго обращенія и притѣсняемые поляками, они возненавидѣли ихъ, что̀ и послужило имъ и русскимъ на пользу. Они поднялись въ огромномъ числѣ, вооружились, напали на поляковъ, подвергли ихъ неминуемой опасности, грабили, расхищали ихъ имущество и убивали. Поляки принуждены были обратиться въ поспѣшное бѣгство, вмѣстѣ съ захваченными ими сокровищами и добычей. Такимъ образомъ, страна была освобождена отъ нихъ.

Русскіе бояре, духовенство, всякаго состоянія люди ободрились, снова набрались храбрости, стали придумывать, какъ устроить государство и взять правленіе въ свои руки, свергли власть поляковъ и другихъ иноземцевъ; сдѣлали это осмотрительно и на извѣстныхъ условіяхъ. Хотя имъ пришлось уступить часть земель, но за Россіей продолжали числиться нѣкоторые пограничные города и области, издавна принадлежавшіе Польшѣ. Послѣдній царь, князь Василій Шуйскій, о которомъ всѣ жалѣли, не могъ

быть выкупленъ и все еще содержался въ плохой тюрьмѣ; и былъ поднятъ вопросъ объ избраніи новаго царя, потому что такое огромное государство, какъ Россія, не могло оставаться безъ главы и твердаго правленія. Я упоминалъ о томъ, что въ началѣ протекторства Бориса Ѳеодоровича у него былъ соперникъ еще болѣе значительный, нежели онъ, а именно—дядя царя, Никита Романовичъ, который былъ заколдованъ, лишился языка и рѣчи, затѣмъ и жизни, вслѣдствіе ли колдовства или умопомѣшательства, а можетъ быть того и другого. Его старшій сынъ, Ѳеодоръ Никитичъ доблестный и подающій большія надежды, былъ постриженъ въ монахи, несмотря на молодость, назначенъ ростовскимъ епископомъ; и теперь, по слухамъ,—московскій патріархъ. У него былъ сынъ до его постриженія и водворенія въ монастырѣ; этотъ сынъ былъ выбранъ и вѣнчанъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, великимъ княземъ всея Руси, въ порядкѣ установленнаго престолонаслѣдія, съ общаго одобренія, согласія и по желанію всѣхъ сословій государства. Господь послалъ ему долгое царствованіе въ мирѣ, благополучіи и полной безопасности, съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели его предшественники, хотя онъ вступилъ на престолъ при наименѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ они, при расхищенной казнѣ и отсутствіи средствъ для поддержанія царскаго вѣнца и управленія. Но, благодаря совѣтамъ и опытности своего благочестиваго отца, онъ справился со всѣмъ этимъ и продолжалъ царствовать съ большимъ искусствомъ, насколько позволяли условія времени. По желанію Михаила Ѳеодоровича, какъ я упоминалъ выше, въ дни его молодости я составилъ для него славянскими буквами и латинскими словами и фразами родъ грамматики, которая доставила ему большое удовольствіе. При этомъ считаю долгомъ сообщить о любопытномъ фактѣ, заслуживающемъ вниманія. Извѣстная компанія англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи, поднесла новому царю, въ началѣ его царствованія, сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ на случай чрезвычайныхъ расходовъ Его Величества, въ знакъ весьма похвальной благодарности за расположеніе и благосклонность, оказанныя имъ его предкамъ.

Что касается положенія русскаго государства въ это время и дальнѣйшихъ событій, то свѣдѣнія можно получить изъ описанія сэра Томаса Смита [1]), нѣкоторое время служившаго тамъ, и, особенно, изъ книги сэра Джона Меррике [2]), человѣка, исполнявшаго важныя порученія и хорошо

[1]) См. «Sir Thomas Smithes. Voyage and Entertainment in Russia», etc.; 4 to., London, 1605.

[2]) Сэръ Джонъ Меррике былъ главнымъ агентомъ русской компаніи англійскихъ купцовъ въ Москвѣ въ 1596 году и въ послѣдующіе годы. Онъ исполнялъ разныя порученія между русскимъ и англійскимъ Дворами; въ 1615 году былъ отправленъ посломъ въ Россію, чтобы ходатайствовать о мирѣ между Россіей и Швеціей. См. Hamel, p. 374 и сл.

знакомаго со страной. Въ послѣдніе годы было нѣсколько посольствъ между Россіей и Англіей, для частныхъ цѣлей, и которыя, по общимъ отзывамъ, принесли больше вреда, нежели пользы.

Чтобы не злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ, считаю лишнимъ сообщать вамъ дальнѣйшія свѣдѣнія, собранныя мною о Россіи, хотя можно сказать еще многое и дополнить нѣкоторыми данными для объясненія непривычныхъ именъ, незнакомыхъ оборотовъ рѣчи, терминовъ и пр. Все изложенное мною я предоставляю вамъ обсудить, и по зрѣломъ размышленіи вы тогда убѣдитесь, что ни въ одной исторіи, кромѣ русской, не упомянуто о подобныхъ событіяхъ и страшныхъ происшествіяхъ, которыя совершились въ короткое время и которыя Господь допустилъ по своему божественному соизволенію, за грѣхи міра, при воздѣйствіи злыхъ и нечестивыхъ людей.

Съ тѣхъ поръ, по окончаніи моихъ странствованій, я прожилъ болѣе тридцати лѣтъ въ благодатномъ Букингемскомъ графствѣ, служилъ въ разныхъ коммисіяхъ, по мѣрѣ силъ и возможности старался честно исполнить обязанности мирового судьи и шерифа. При этомъ я встрѣтилъ много дружескаго расположенія среди судей, кліентовъ и людей разныхъ сословій. Затѣмъ считаю необходимымъ воздать должное людямъ, облеченнымъ властью, «набожно, разсудительно и съ истиннымъ человѣколюбіемъ» правящимъ страною, а также вліянію и необычайнымъ трудамъ достойныхъ ученыхъ и благочестивыхъ духовныхъ лицъ, съ Божьяго благословенія повсемѣстно проповѣдующихъ Евангеліе. Господь да пошлетъ имъ свою благодать и да продлится это на долгія времена.

Равнымъ образомъ, служилъ я и въ парламентѣ болѣе тридцати лѣтъ, и пріобрѣтенный мною опытъ сего нечестиваго міра, какъ въ отечествѣ, такъ и въ другихъ государствахъ, внушаетъ мнѣ желаніе жить въ лучшемъ мірѣ. Пока я долженъ довольствоваться тѣмъ, что, подобно старому кораблю, совершившему много плаваній, поставленъ въ докъ со всѣми снастями. Поистинѣ долженъ сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ націй и государствъ міра ни одно не можетъ сравниться въ благоденствіи съ трижды благословенной націей, ангельскимъ царствомъ Ханаана—нашей Англіей. Итакъ, не желая болѣе испытать или извѣдать что-либо въ этой жизни, я признаю за истинный adagium, si Christum (sic) sis, nihill est si cetera non sis.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

№ 1.

Изъ Гаклюта «Главнѣйшія плаванія и путешествія англійской націи и пр.» изд. Лондонъ 1809—1812 т. I, стр. 525[1]).

Описаніе торжественной и великолѣпной коронаціи Ѳеодора Ивановича, Государя всея Руси и пр., происходившей 10 іюня 1584 года, видѣнной и наблюдаемой мистеромъ Джеромомъ Горсеемъ, дворяниномъ, слугою Ея Величества англійской королевы, человѣкомъ свѣдущимъ и долго путешествовавшимъ въ этихъ странахъ, съ приложеніемъ разсказа о его путешествіи, по сухопутью, отъ Москвы до Эмдена.

Когда скончался старый царь Иванъ Васильевичъ (около 18 марта 1584 года) въ городѣ Москвѣ, послѣ пятидесятичетырехлѣтняго царствованія, произошли шумныя несогласія между дворянствомъ и чернью; но спокойствіе было скоро водворено. Въ ту же самую ночь князь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ (котораго Іоаннъ называлъ своимъ третьимъ сыномъ, братъ царицы, любимый всѣми сословіями и вполнѣ достойный этого какъ по доблестямъ, такъ и по уму), князь Иванъ Ѳеодоровичъ Мстиславскій, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, Никита Романовичъ и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, бояре, назначенные стоять во главѣ правленія, по волѣ покойнаго царя, и его душеприкащики возвели на престолъ Ѳеодора Ивановича. Они присягали другъ другу въ вѣрности; за ними присягала царю вся знать, должностныя лица и всѣ безъ разбора. Утромъ почившій царь былъ положенъ въ церкви Михаила Архангела въ

[1]) (From Hakluyt's «Principal Navigations, Voyages, etc., of the English Nation»; ed. London, 1809—1812, vol. I. p. 525).

высѣченной гробницѣ, подъ богатымъ, приличнымъ этому случаю, покровомъ, послѣ чего было провозглашено слѣдующее: «Ѳеодоръ Ивановичъ государь всея Руси и пр.». По всей Москвѣ были разставлены караулы и сторожи изъ солдатъ и стрѣльцовъ, порядокъ возстановленъ; и офицерамъ было поручено укрощать мятежниковъ и охранять спокойствіе. Стоило посмотрѣть, съ какою расторопностью и какъ отлично все это дѣлалось. Въ Смоленскъ, Псковъ, Казань, Новгородъ и другіе пограничные города были посланы вельможи и другіе довѣренные люди со свѣжими гарнизонами, которые должны были смѣнить прежнихъ.

Четвертаго мая былъ собранъ парламентъ (совѣтъ) изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, настоятелей монастырей, высшихъ духовныхъ лицъ и всего дворянскаго сословія безъ разбора; обсуждались многіе предметы, не имѣющіе отношенія къ моему разсказу, но клонившіеся къ новымъ преобразованіямъ въ правленіи. Прежде всего опредѣлили срокъ и время празднованія коронаціи новаго царя.

Между тѣмъ, царица, вдова покойнаго Ивана Васильевича, съ сыномъ Димитріемъ, имѣвшимъ отъ роду годъ или около того, отцомъ своимъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Нагимъ, родственниками и пятью братьями была послана въ городъ, называемый Угличъ, который и былъ отданъ ей и молодому царевичу въ удѣлъ, со всѣми прилежащими ему землями. При этомъ назначена ей свита всякаго рода, одежда, драгоцѣнности, содержаніе, лошади и все прочее на широкую ногу, какъ прилично сану царицы. Когда прошло время сорокодневной печали (по-русски сорочины), наступилъ день празднованія коронаціи, къ которой дѣлались большія приготовленія; назначена была она 10 іюня 1584 года, въ воскресенье, такъ какъ Ѳеодору Ивановичу исполнилось 25 лѣтъ. За мистеромъ Джеромомъ послали и помѣстили въ комнату, откуда было удобно видѣть всю церемонію.

Царь вышелъ изъ дворца; за нимъ шли съ пѣніемъ митрополиты, архіепископы, епископы, главнѣйшія лица изъ монашества и бѣлаго духовенства въ богатѣйшихъ шапкахъ и священническомъ облаченіи; они несли образъ Божьей Матери и другіе образа, знамена, хоругви, кадильницы и прочія вещи, употребляемыя при церемоніяхъ. Ѳеодоръ Ивановичъ и вельможи вошли въ порядкѣ въ церковь, называемую Благовѣщенье, гдѣ совершалось богослуженіе по обрядамъ русской церкви. Затѣмъ они перешли въ церковь Михаила Архангела; тамъ повторились тѣ же молитвы и то же богослуженіе; оттуда въ церковь Пречистой Богоматери — ихъ каѳедральный соборъ. Тамъ посерединѣ стоялъ царскій престолъ, на который издревле садились цари въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ. Ѳеодору Ивановичу перемѣнили платье и надѣли самое блестящее и драгоцѣнное.

Когда царь занялъ свое мѣсто, бояре встали вокругъ него по разрядамъ. Митрополитъ возложилъ ему на голову царскій вѣнецъ, въ правую руку далъ скипетръ и державу, а въ лѣвую драгоцѣнный мечъ правосудія; передъ нимъ положили шесть коронъ подвластныхъ ему царствъ, а Бориса Ѳеодоровича поставили по правую сторону. Затѣмъ митрополитъ, открывъ небольшую книгу, прочелъ громогласно царю увѣщаніе творить истинное правосудіе и мирно носить вѣнецъ предковъ, который даровалъ ему Господь, причемъ употребилъ слѣдующія выраженія: «Всемогущій и безначальный, прославляемый нами во Святой Троицѣ, единосущный Богъ, Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, Творецъ всѣхъ тварей и всего; вездѣсущій и всяисполняющій, по своей волѣ дающій жизнь людямъ, вдохновляющій своимъ словомъ каждаго изъ насъ, Его единыхъ чадъ, познать Бога черезъ Іисуса Христа, Святымъ животворящимъ Духомъ; нынѣ въ сіе смутное время своею волею повелѣлъ намъ сохранять скипетръ правды и допускаетъ насъ править самимъ собою, къ преуспѣянію земли Русской, укрощенію народа, покоренію враговъ и водворенію добродѣтели».

При этомъ митрополитъ благословилъ Ѳеодора Ивановича и возложилъ на него крестъ. Царь всталъ съ престола; его верхнее платье было украшено драгоцѣнными камнями всякаго рода и множествомъ жемчуга; оно вѣсило двѣсти фунтовъ; подолъ его и полы несли за нимъ шесть бояръ. На головѣ царя былъ драгоцѣнный вѣнецъ, а въ правой рукѣ царскій жезлъ, сдѣланный изъ кости однорога, трехъ футовъ съ половиною длиною, обсаженный дорогими каменьями, который былъ купленъ прежнимъ царемъ у аугсбургскихъ купцовъ въ 1581 году, за семь тысячъ фунт. стерл. (Мистеръ Горсей до этого владѣлъ нѣкоторое время этой драгоцѣнностью). Борисъ Ѳеодоровичъ несъ передъ царемъ скипетръ и державу, другой бояринъ несъ Его богатую шапку, украшенную жемчугомъ и каменьями, а шесть коронъ несли: Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, дядя царя Никита Романовичъ, другой дядя царя, затѣмъ Степанъ Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ, Григорій Васильевичъ, три брата царской крови.

Когда Ѳеодоръ Ивановичъ дошелъ такимъ образомъ до большихъ церковныхъ дверей, народъ воскликнулъ «Спаси, Боже, государя нашего Ѳеодора Ивановича, царя всея Руси»! Ему подвели богато убраннаго коня подъ покрываломъ, вышитымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, съ такимъ же сѣдломъ и со всѣмъ приборомъ цѣною, какъ говорили, въ триста тысячъ фунт. стерл. Для царя, князей и бояръ были сдѣланы подмостки въ 3 фута вышины, 2 ширины и въ 150 футовъ длиною на три стороны, для перехода изъ одной церкви въ другую, чтобы избѣгнуть тѣсноты отъ

народа, собравшагося въ такомъ безчисленномъ количествѣ, что многіе тогда были задавлены.

По возвращеніи царя изъ церквей подъ ноги подостлали ему золотую парчу; паперти церковныя были также покрыты краснымъ бархатомъ, мостки алымъ сукномъ; а отъ одной церкви до другой протянута камковая матерія. Лишь только кончилось шествіе, золотная, бархатная и скарлатная матеріи были разрѣзаны на куски, ихъ бралъ, кто могъ; каждому хотѣлось получить лоскутокъ на память. Въ народъ бросали большое количество золотой и серебряной монеты, нарочно вычеканенной по этому случаю. Борисъ Ѳеодоровичъ былъ въ пышной одеждѣ, покрытой крупнымъ жемчугомъ и украшенной драгоцѣнными каменьями. Не менѣе богато были наряжены всѣ члены семейства Годуновыхъ и остальные князья и бояре; платье и убранство лошади одного изъ нихъ, князя Ивана Михайловича Глинскаго, по своей древности, оказалось въ регистрѣ стоимостью въ 100.000 фунт. стерл. Царица не присутствовала на церемоніи и сидѣла во дворцѣ передъ большимъ открытымъ окномъ, съ вѣнцомъ на головѣ, въ драгоцѣнной блистательной одеждѣ, украшенной дорогими камнями и жемчугомъ; княжны и другія знатныя боярыни стояли возлѣ нея. При видѣ ея народъ воскликнулъ: «Да хранитъ Господь нашу царицу Ирину».

Царь послѣ этого отправился въ палату Думы, богато убранную, и сѣлъ на приготовленное для него мѣсто. Шесть коронъ положили на столъ передъ нимъ; кувшинъ и царскую золотую чашу держалъ одинъ изъ тѣлохранителей; его люди, называемые рындами, встали по два съ обѣихъ сторонъ въ бѣлыхъ серебряныхъ одеждахъ, съ золотыми сѣкирами въ рукахъ. Князья и бояре размѣстились по разрядамъ, всѣ въ богатыхъ одеждахъ. Послѣ короткой рѣчи царь позволилъ каждому изъ присутствующихъ подойти къ рукѣ, затѣмъ сѣлъ за столъ, за которымъ прислуживали ему бояре.

Трое широкихъ и большихъ сѣней были заняты кругомъ золотой и серебряной посудой, разставленной одна надъ другою отъ полу до самыхъ сводовъ; тутъ же стояло много золотыхъ и серебряныхъ боченковъ. Это празднество и торжества длились цѣлую недѣлю, въ продолженіе которой было много истинно царскихъ увеселеній и зрѣлищъ. Затѣмъ главнѣйшіе изъ бояръ были избраны на различныя должности; Борисъ Ѳеодоровичъ былъ назначенъ главнымъ совѣтникомъ, конюшимъ, правителемъ государства, распорядителемъ военныхъ силъ и намѣстникомъ царствъ: казанскаго, астраханскаго и другихъ областей. Кромѣ этихъ почестей, Дума и царь даровали ему много доходовъ и богатыхъ земель; и тогда же предоставили ему и его наслѣдникамъ провинцію, называемую Вагой, въ 300

англійскихъ миль длиною и 250 шириною, со многими городами и большими деревнями населенными и богатыми. Годовой доходъ съ этой провинціи 37.000 фунтовъ стерлинговъ былъ только пятая часть его ежегоднаго дохода. Однимъ словомъ, Борисъ Θеодоровичъ и его домъ пользовались такою властью и могуществомъ, что въ какіе-нибудь сорокъ дней могли поставить въ поле 100.000 хорошо снаряженныхъ воиновъ.

Въ заключеніе коронаціи была сооружена пирамида изъ пушекъ, названная царской пирамидой, за двѣ мили отъ города; она состояла изъ 170 большихъ орудій всякаго калибру, насколько возможно хорошо сдѣланныхъ. Изъ всѣхъ этихъ орудій выстрѣлили въ валы, нарочно насыпанные для этой цѣли. Кромѣ этого, 20.000 стрѣльцовъ, разставленныхъ въ восемь рядовъ на двѣ мили въ длину, одѣтые въ бархатныя, разноцвѣтныя шелковыя и стаметныя одежды, выстрѣлили дважды въ полномъ порядкѣ. Послѣ этого царь отправился черезъ городъ обратно во дворецъ, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ князей и бояръ, такъ что всадниковъ было, по крайней мѣрѣ, 50.000.

Потребовалось бы много времени и бумаги, чтобы описать подробно, какъ совершилась тогда царская коронація. Довольно сказать, что подобнаго великолѣпія еще не видно было на Руси.

По окончаніи празднествъ, согласно принятому обычаю, всѣ бояре, чиновники и купцы, каждый по своему мѣсту и званію, поднесли богатые дары царю, желая ему долголѣтія и счастливаго царствованія.

Въ это самое время мистеръ Джеромъ Горсей, состоящій въ Россіи на службѣ Ея Величества англійской королевы, былъ призванъ ко Двору, вмѣстѣ со вновь прибывшимъ въ Москву извѣстнымъ нидерландскимъ купцомъ, по имени Джонъ де-Уэль, который выдавалъ себя за подданнаго испанскаго короля. Нѣкоторые изъ вельможъ хотѣли допустить его къ царю прежде мистера Горсея; но послѣдній ни за что не хотѣлъ допустить это, и говорилъ, что скорѣе позволитъ себѣ отрѣзать ноги до колѣнъ, чѣмъ потерпитъ такое оскорбленіе своей государынѣ, англійской королевѣ, чтобы ему нести подарки царю послѣ подданнаго короля испанскаго и кого бы то ни было другого. Царь и Борисъ Θеодоровичъ, провѣдавъ объ этомъ спорѣ, послали къ Горсею изъ боярской Думы казначея Петра Ивановича Головина и Василія Щелкалова, и тѣ передали слова его царю; и англійскій подданный былъ допущенъ первый (какъ и слѣдовало). Онъ поднесъ царю подарки отъ имени англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи, съ пожеланіемъ Ему благополучія и долгаго, спокойнаго царствованія, и поцѣловалъ руку Θеодора Ивановича, который принялъ милостиво подарки, обѣщая ради сестры своей, королевы Елиза-

веты, быть такъ же милостивымъ къ ея купцамъ, какъ его отецъ. Затѣмъ царь, отпустивъ Горсея, въ тотъ же день послалъ ему 70 блюдъ съ различнымъ кушаньемъ и 3 телѣги, нагруженныя отличными напитками всякаго рода. Послѣ этого допущенъ былъ со своимъ подаркомъ вышеупомянутый испанскій подданный, которому царь выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ не менѣе вѣренъ и полезенъ ему, какъ были всегда подданные англійской королевы; и тогда подданные испанскаго короля получатъ согласно съ этимъ и милости.

Послѣ всѣхъ этихъ церемоній совершены были благодарственныя молебствія во всѣхъ церквахъ. Набожные царь и царица обошли пѣшкомъ многія главнѣйшія церкви города, а на Троицынъ день отправились въ процессіи на богомолье въ знаменитый, такъ называемый Троицко-Сергіевскій монастырь, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, въ сопровожденіи большого количества вельможъ, бояръ и другихъ подданныхъ, ѣхавшихъ верхами на хорошихъ лошадяхъ.

Царица изъ благочестія шла пѣшкомъ всю дорогу съ большою свитою княженъ и знатныхъ боярынь. Не менѣе 20.000 гвардіи и стрѣльцовъ сопровождало ее; тутъ былъ и знатный думный бояринъ, дядя царицы, Дмитрій Ивановичъ Годуновъ. Окончивъ богомолье, царь съ царицей воротились въ Москву. Вскорѣ послѣ того царь Ѳеодоръ, по совѣту Бориса Ѳеодоровича, послалъ значительное войско въ Сибирь, откуда добывались богатые соболи и мѣха.

Въ полтора года завоевано было 1.000 миль земли; и самъ государь этой страны, по имени Шеръ Сибирской, взятъ въ плѣнъ, со множествомъ своихъ князей и вельможъ, и привезенъ въ Москву отрядомъ стрѣльцовъ и пушкарей. Въ русской столицѣ его приняли съ почетомъ; онъ въ ней и остался.

Развращенные чиновники, судьи, военачальники и намѣстники были смѣщены и замѣнены честными людьми, съ именнымъ указомъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, прекратить старыя взятки и насилія, обычныя при покойномъ царѣ; и велѣно творить правый судъ, не взирая на лица. При этомъ, для бо́льшаго успѣха увеличили ихъ земли и ежегодное жалованье.

Тяжкія работы, налоги и пошлины, возложенныя на народъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, были уменьшены, а нѣкоторые совсѣмъ отмѣнены; не позволялось совершать наказанія безъ достаточныхъ уликъ, хотя бы преступленіе было велико и заслуживало смерти. Многіе князья и бояре знатныхъ фамилій, находившіеся подъ опалою при прежнемъ царѣ, даже тѣ, которые двадцать лѣтъ содержались въ тюрьмахъ, были выпу-

щены и получили обратно свои помѣстья; всѣмъ заключеннымъ была возвращена свобода и объявлено прощеніе. Вообще большая перемѣна послѣдовала во всемъ правленіи; произошла она спокойно, безъ тревоги для царя, безъ обиды подданныхъ и принесла безопасность и честь государству, которое всѣмъ этимъ было обязано мудрой царицѣ Иринѣ.

Когда положеніе дѣлъ въ Россіи сдѣлалось извѣстнымъ государямъ и князьямъ пограничныхъ земель, они стали бояться за свою безопасность. Повелитель всѣхъ скиоовъ, называемыхъ крымскими татарами, самъ великій ханъ по имени Софеть-Кери-Алли прибылъ изъ своей земли къ русскому царю, въ сопровожденіи большого количества своихъ вельможъ; ѣхали они верхами на хорошихъ лошадяхъ. Хотя христіанамъ они и казались свирѣпыми, но это были видные собою и храбрые люди. Посѣщеніе это было пріятно русскому царю; гостей приняли съ почестями и оказали самый ласковый пріемъ ханскимъ женамъ, согласно ихъ званію. Недолго спустя 1.200 польскихъ дворянъ, храбрые и доблестные воины, прибыли въ Москву и предложили свои услуги Θеодору Ивановичу; ихъ приняли и дали хорошее содержаніе; пріѣзжали также многіе черкесы и люди различныхъ странъ съ подобными же предложеніями. Вѣсть о новомъ царѣ дошла наконецъ до европейскихъ государствъ, и они отправили къ нему различныхъ пословъ, съ желаніемъ радостнаго и благополучнаго царствованія. Пріѣзжали послы отъ турокъ, персовъ, бухарцевъ, крымцевъ, грузинъ и разныхъ татарскихъ князей, отъ германскаго императора, поляковъ, шведовъ, датчанъ и другихъ. Съ времени коронаціи ни одинъ изъ враговъ царя не одержалъ верхъ въ своихъ посягательствахъ.

Случилось, что царь пожелалъ послать письмо великой англійской королевѣ, и для этого порученія онъ не нашелъ ни одного болѣе годнаго человѣка, какъ мистера Джерома Горсея, предполагая, что одинъ изъ подданныхъ Ея Величества будетъ лучше принятъ Ею. Сущность этого посольства была та, что царь предлагалъ королевѣ продолженіе прежняго союза, дружбы и торговыхъ отношеній, какія были между Его отцомъ и Ея королевскимъ Величествомъ и ихъ подданными. Кромѣ того, послу были даны другія частныя порученія, о которыхъ говорить не слѣдуетъ.

Мистеръ Горсей получилъ письма и порученія царя и, сдѣлавъ нужныя приготовленія къ своему сухопутному путешествію, выѣхалъ изъ Москвы 5-го сентября, и черезъ Тверь, Торжокъ, Великій Новгородъ, Псковъ, Ньюгаусъ въ Ливоніи и Венденъ добрался до Риги (гдѣ былъ остановленъ и представленъ кардиналу по имени Реджевиллу, но тотъ отпустилъ его). Изъ Риги Горсей отправился на Митаву, Голденъ, Либаву въ Курляндіи, Мемель и Кёнигсбергъ въ Пруссіи, Эльбингъ, Данцигъ,

Штетинъ въ Помераніи, оттуда въ Ростокъ, Любекъ, Гамбургъ, Бременъ, Эмденъ, а тамъ водою въ Лондонъ. Здѣсь онъ представился ко Двору королевы и вручилъ царскія письма, которыя были приняты Ею благосклонно и милостиво. Затѣмъ, Горсею опять было приказано возвратиться въ Россію, съ письмами отъ королевы къ царю Ѳеодору Ивановичу и Борису Ѳеодоровичу, въ которыхъ она просила царя о продолженіи той же милости и расположенія, какія отецъ его оказывалъ англійскимъ купцамъ въ Россіи; и сами лондонскіе купцы той же торговой компаніи усердно молили Горсея дѣйствовать въ ихъ пользу. Англійскій посолъ отправился изъ Лондона моремъ, прибылъ въ Москву 20-го апрѣля 1586-го года и былъ тамъ принятъ съ почестями. Всѣ его просьбы относительно купцовъ были выполнены, благодаря покровительству Бориса Ѳеодоровича, который всегда оказывалъ ему особенное расположеніе. Выхлопотавъ привилегіи для купцовъ, Горсей былъ вторично отправленъ царемъ къ королевѣ, его государынѣ. При этомъ Борисъ Ѳеодоровичъ въ знакъ почитанія и добрыхъ отношеній послалъ Ея королевскому Величеству царскіе подарки: соболей, люцерну, золотыя одежды и другія богатыя вещи. Равнымъ образомъ, компанія англійскихъ купцовъ, не забывая, чѣмъ обязана королевѣ, не могла не приписать трудамъ мистера Горсея полученныя ею особенныя выгоды; ибо онъ выхлопоталъ для нея такія привилегіи, которыя двадцать лѣтъ тому назадъ не были бы ей дарованы.

Способъ послѣдняго отправленія мистера Горсея въ Англію былъ такъ почетенъ, что слѣдуетъ описать его. Ему дали открытый листъ на почтовыхъ лошадей для него самого и прислуги, запасы и все нужное для такого продолжительнаго путешествія. Въ каждомъ городѣ, черезъ который онъ проѣзжалъ отъ Москвы до Вологды, на разстояніи 500 верстъ по сухопутью, его щедро снабжали лошадьми и всѣмъ нужнымъ, также и по рѣкѣ Двинѣ, на протяженіи 1.000 верстъ, онъ вездѣ получалъ свѣжіе запасы и провизію отъ царскихъ чиновниковъ. Когда онъ прибылъ въ ново-укрѣпленный городъ Архангельскъ, его встрѣтилъ, по царскому приказу, князь Василій Андреевичъ Звенигородскій; стрѣльцы были разставлены по обычаю рядами, и его прибытіе праздновалось великолѣпно. Отсюда, снабдивъ его запасами и деньгами, отправили на княжескомъ судне съ сотнею гребцовъ, а также сотнею стрѣльцовъ, ѣхавшихъ съ ихъ головою изъ дворянъ на другихъ судахъ. Когда они доѣхали до мѣста, гдѣ стояли на якорѣ англійскіе, датскіе и французскіе корабли, стрѣльцы дали залпъ, корабли выстрѣлили въ свою очередь изъ 46 орудій; затѣмъ Горсея доставили на мѣсто жительства, въ англійскій домъ на Розъ-Эйландъ (Rose Island).

Полнѣйшимъ и окончательнымъ доказательствомъ расположенія царя и Бориса Ѳеодоровича къ мистеру Горсею было то, что на слѣдующій день ему послали дальнѣйшую провизію на дорогу, которая заключалась въ слѣдующемъ:

16 живыхъ быковъ.
70 овецъ.
600 куръ.
25 окороковъ.
80 четвериковъ муки.
600 короваевъ хлѣба.
2.000 яицъ.
10 гусей.
2 журавля.
2 лебедя.
65 галоновъ меду.
40 галенокъ водки.
60 галенокъ пива.
3 молодыхъ медвѣдя.
4 сокола.
Запасъ луку и чесноку.
10 свѣжихъ семгъ.
Дикій кабанъ.

Все это было доставлено Горсею однимъ дворяниномъ, отъ имени государя, а другимъ отъ Бориса Ѳеодоровича и принято въ порядкѣ Джономъ Фрезомъ, слугою мистера Горсея, вмѣстѣ съ подарками и наградою, посланными черезъ англичанина, мистера Францисa Черри [1]). Подарокъ этотъ состоялъ изъ богатаго куска золотой парчи и превосходной пары соболей.

Кромѣ этихъ замѣтокъ, Горсей записалъ много другихъ рѣдкихъ наблюденій относительно этихъ странъ, которыя (если Богу будетъ угодно) выйдутъ въ свѣтъ въ болѣе удобное и свободное время.

Милостивая грамота Ѳеодора Ивановича, новаго царя, дарующая привилегіи англійскимъ купцамъ, полученная мистеромъ Джеромомъ Горсеемъ въ 1586 году (Фев. 1587).

По волѣ всемогущаго и безначальнаго Бога, прославляемаго нами во Святой Троицѣ, единосущнаго Отца, Сына и Святаго Духа Творца всѣхъ тварей и всего, вездѣ сущаго и всяисполняющаго, по Своей волѣ дающаго жизнь людямъ, вдохновляющаго Своимъ словомъ каждаго изъ насъ, Его единыхъ чадъ, къ познанію Бога чрезъ Іисуса Христа, святымъ животворящимъ Духомъ нынѣ, въ смутное время, утверждающаго насъ править самодержавно къ преуспѣянію земли Русской, къ укрощенію народа, покоренію враговъ и защиты доблестей.

---

[1]) Францисъ Черри обязанъ своимъ водвореніемъ въ Россіи русской компаніи купцовъ, которой онъ и сдѣлался членомъ. Онъ былъ избранъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ англійскимъ переводчикомъ; его употребляли потомъ на посылки между россійскимъ и англійскимъ Дворами (см. Гаммель, стр. 302).

Мы Θеодоръ, сынъ Іоанна, всемогущій государь и великій князь всея Руси, Володиміра, Москвы и Новгорода, царь казанскій, царь астраханскій, государь Пскова, великій князь Смоленска, Твери, Угорья, Вятки, Перми, Болгаріи и пр. Государь и великій князь Нижняго Новгорода, Чернигова, Рязани, Полоцка, Ростова, Ярославля, Бѣлозерска, Лифляндіи и пр. Государь и правитель всея Сибири и всего сѣвернаго побережья и Государь многихъ другихъ странъ.

Мы даруемъ слѣдующія милости англійскимъ купцамъ, а именно: сэру Роуланду Гэйуорду и Ричарду Мартину, альдерманамъ, сэру Джоржу Барну, Томасу Смиту эсквайру, Джерому Горсею и Ричарду Сальтонстоллу съ товарищами:

Дозволяемъ имъ плавать съ кораблями въ принадлежащей Намъ Двинской землѣ, со всякаго рода товарами, и торговать свободно въ нашемъ государствѣ Москвѣ и другихъ городахъ Московіи.

Англійскіе купцы, сэръ Роуландъ Гейуордъ и компанія просили Насъ даровать имъ право безпошлинной купли и продажи товаровъ въ Московской землѣ, въ нашемъ наслѣдномъ Новгородѣ и другихъ частяхъ нашего государства:

И такъ, Мы, ради Нашей сестры королевы Елизаветы и во вниманіе къ тому, что, согласно ихъ свидѣтельству, они подвергаются большимъ потерямъ и препятствіямъ при мореплаваніи и пр., даруемъ вышеупомянутымъ англійскимъ купцамъ, сэру Роуланду Гэйуорду и ихъ обществу, дозволеніе свободно пріѣзжать въ Москву и во всѣ наши владѣнія со всякаго рода товарами, и торговать ими, какъ пожелаютъ. Приказываемъ не взимать никакихъ пошлинъ съ ихъ товаровъ, ни другихъ сборовъ при переѣздѣ съ мѣста на другое водою или сухимъ путемъ, при спускѣ кораблей, при проѣздѣ черезъ какую-нибудь землю, за корабли и суда, такъ и поголовныхъ денегъ не брать съ нихъ, равно и за проѣздъ черезъ мосты, за переправу и за свидѣтельства въ мѣстахъ, гдѣ будутъ останавливаться, не требовать съ нихъ никакихъ пошлинъ и налоговъ.

Англійскіе купцы не должны ввозить и вывозить изъ нашихъ владѣній чужихъ товаровъ, не присвоивать ихъ себѣ, не продавать и не вымѣнивать за свои.

Наши подданные не должны покупать и продавать товаровъ отъ ихъ имени; равно и они не должны удерживать у себя имуществъ или залоговъ Нашихъ подданныхъ и выдавать ихъ за свои.

Англійскіе купцы не должны посылать ни одного изъ состоящихъ у нихъ на службѣ русскихъ подданныхъ въ какой бы то ни было городъ, забирать или закупать товары, но въ этотъ городъ должны сами при-

быть, сами продать и купить; и должны торговать только своими собственными товарами, а не русскими. По прибытіи ихъ съ товарами въ Нашу отчину, Великій Новгородъ и Псковъ, и во всѣ другія наши владѣнія приказываемъ своимъ дворянамъ, начальникамъ и другимъ служилымъ людямъ творить имъ пропускъ, согласно сей грамотѣ, и не брать съ нихъ вовсе пошлинъ ни за переѣздъ черезъ земли, или проѣздъ мимо, ни за мосты, и никакихъ другихъ налоговъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Равно и въ тѣхъ мѣстахъ Нашихъ владѣній, гдѣ имъ случится быть и торговать, и даже тамъ, гдѣ они просто проѣдутъ со своими товарами, не покупая или не продавая ничего, не приказываемъ брать съ нихъ никакихъ пошлинъ и налоговъ, согласно вышесказанному.

Дозволяемъ и даруемъ имъ свободу торговли со своими товарами по всѣмъ землямъ и городамъ Нашего государства, покупая и продавая всякаго рода товары безъ всякихъ пошлинъ и какихъ бы то ни было налоговъ.

Если англійскіе купцы пожелаютъ купить, продать или вымѣнять свои товары у нашихъ купцовъ, то должны продавать свои произведенія оптомъ, а не по мелочи, т.-е. не малымъ вѣсомъ и не аршиномъ; должны производить оптовую продажу въ своихъ собственныхъ домахъ—матеріи продавать тюками или цѣлымъ кускомъ; камку и бархатъ кусками, а не аршинами; и всякаго рода товары сбывать большимъ, а не малымъ вѣсомъ, не по фунту и не по унціямъ. Равно и вина они должны продавать галенками, а штофами и кружками не должны продавать.

Они должны продавать, покупать и мѣнять свои произведенія сами; ни русскіе купцы не должны вести за нихъ, или отъ ихъ имени торговлю, или вымѣнивать ихъ товары, ни они не должны никуда провозить чужихъ товаровъ, вмѣсто своихъ собственныхъ. Если кто-либо изъ англійскихъ купцовъ захочетъ продать свои товары въ Холмогорахъ, Ярославлѣ и Вологдѣ, то это дозволяется имъ во всякое время безпошлинно; и съ ихъ товаровъ наши дворяне, начальники и другіе служилые люди не должны брать съ нихъ никакихъ пошлинъ, какъ сказано выше. И во всѣхъ Нашихъ владѣніяхъ и городахъ они будутъ нанимать на свой счетъ извощиковъ и суда съ рабочими для провозки своихъ товаровъ.

Если англійскіе купцы вздумаютъ выѣхать изъ Нашего государства въ свое отечество, или въ другую какую-нибудь землю, то обязаны взять, если Мы того пожелаемъ, Наши имущества изъ Нашей казны, должны продать или промѣнять ихъ на произведенія, нужныя Нашему государству, и доставить ихъ въ Нашу казну. Съ этими товарами наши дворяне, на-

чальники и всякаго рода служилые люди будутъ пропускать ихъ безпошлинно черезъ всѣ Наши города, согласно сей грамотѣ.

Если же англійскіе купцы, продавъ сами свои товары и закупивъ себѣ новые, захотятъ выѣхать изъ Москвы, то они должны объявить объ этомъ Нашему главному дьяку Андрею Щелкалову, въ Приказѣ Посольскомъ.

Если англійскіе купцы потерпятъ какое-нибудь несчастіе на морѣ, какъ, напримѣръ, въ случаѣ, если разобьется ихъ корабль, или его прибьетъ къ берегу въ какомъ-либо мѣстѣ Нашего государства, то Мы велимъ отыскать бывшіе на немъ товары и безъ утайки возвратить ихъ англійскимъ людямъ, проживающимъ въ то время въ Россіи. Если же не случится тогда англичанъ въ Россіи, то Мы прикажемъ сберечь эти товары и передать ихъ англійскимъ людямъ, когда они прибудутъ въ Наше государство.

Мы даруемъ всѣмъ англійскимъ купцамъ въ Москвѣ домъ Юрія (Vrie (?) противъ церкви св. Максима, за рынкомъ); и они будутъ попрежнему проживать въ этомъ домѣ; но обязаны постоянно держать кого-нибудь для наблюденія за нимъ, или русскаго, или кого-либо изъ своихъ.

Англійскіе купцы будутъ, кромѣ того, имѣть свои дома въ Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ и на морской пристани и они будутъ, попрежнему, проживать по Нашей милости въ этихъ домахъ. Мы уже издали приказъ не брать съ этихъ домовъ годовой платы, и чтобы проживающіе въ этихъ домахъ вообще не платили никакихъ повинностей, какія несутъ горожане въ этихъ мѣстахъ. Но въ каждомъ изъ этихъ домовъ, какъ въ Ярославлѣ, такъ въ Вологдѣ и Холмогорахъ, они должны держать людей для наблюденія за ними: двоихъ или троихъ англичанъ, чужеземцевъ или русскихъ, только изъ черни, а не купцовъ. Въ эти дома англійскіе купцы будутъ складывать свои товары и продавать кому пожелаютъ, согласно сей жалованной грамотѣ. Наблюдающіе за этими домами не могутъ покупать или продавать что-либо изъ товаровъ иначе, какъ въ присутствіи самихъ купцовъ и по ихъ приказу, во избѣжаніе обмана.

Мы даруемъ англійскимъ купцамъ также домъ на морской пристани у Подземской губы и приказываемъ, чтобы они не провозили оттуда своихъ товаровъ въ новую крѣпость св. Михаила Архангела, а приставали бы со своими товарами къ старому мѣсту, останавливались бы въ своемъ домѣ, и прямо бы изъ него выгружали свои корабли и вновь сразу нагружали ихъ русскими товарами; но позволили бы только холмогорскимъ служилымъ и присяжнымъ людямъ переписывать товары какъ англійскіе, такъ и русскіе, настолько, насколько покажутъ сами купцы, не пересматривая и не развязывая тюковъ.

Если англійскіе купцы вздумаютъ послать кого-либо изъ своихъ на родину, черезъ какое-либо другое государство, то они не должны дѣлать этого безъ вѣдома и приказа царскаго; даже тѣ изъ посланныхъ ими, которые поѣдутъ въ свое отечество безъ товаровъ, не должны отправляться безъ царскаго вѣдома; и имъ будетъ выдаваема проѣздная грамота изъ Посольскаго Приказа.

Если кто-нибудь будетъ имѣть съ ними спорное дѣло о товарахъ или по поводу оскорбленій, то обѣ стороны будутъ судиться во всякихъ дѣлахъ по правдѣ Нашими казначеями и дьяками Посольскаго Приказа; а что не можетъ быть рѣшено закономъ, то будетъ рѣшаться присягою или жребіемъ. Жребій всегда падаетъ на того, кто правъ.

Въ какомъ бы мѣстѣ Нашего государства ни находились они или ихъ люди, если случится у нихъ какой-нибудь споръ касательно товаровъ, оскорбленій или о чемъ-нибудь другомъ и нужно будетъ имъ кого-либо привлекать къ суду или же кто-нибудь будетъ на нихъ самихъ искать управы по какому-нибудь дѣлу, то по всѣмъ Нашимъ государствамъ и городамъ Наши намѣстники, головы и Наши начальные и служилые люди будутъ творить имъ судъ по правдѣ; а что не можетъ быть рѣшено закономъ, то будетъ рѣшаться присягою или жребіемъ, а жребій падаетъ всегда на праваго, какъ выше сказано. Судьи и приказные не будутъ взимать съ нихъ никакихъ судныхъ пошлинъ ни въ одномъ мѣстѣ Нашего государства.

Грамота сія дана въ Нашемъ царскомъ дворцѣ, въ городѣ Москвѣ, отъ сотворенія міра 7095, въ мѣсяцѣ февралѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

№ 2.

(Изъ Котоніанской рукописи № B. XI fol. 363—374).

Разсказъ о второмъ и третьемъ посольствѣ мистера Джерома Горсея отъ русскаго царя къ Ея Величеству, королевѣ англійской, и обратно въ 1585 и 1589 гг.

Въ 1585 году я былъ посланъ къ Ея Величеству королевѣ, отъ имени русскаго царя Ѳеодора Іоанновича и отъ князя опекуна его Бориса Ѳеодоровича, правящаго государствомъ, настоятельно просить Ея Величество о продолженіи мира, расположенія и дружбы къ Нимъ—новому царю и правителю, съ царскимъ увѣреніемъ и словомъ, что они всѣми средствами

будутъ стараться заслужить это и сохранить миръ хорошимъ обращеніемъ съ Ея подданными и дарованіемъ богатыхъ милостей купцамъ Ея, торгующимъ въ ихъ земляхъ, равно какъ и другими способами, какіе угодно будетъ Ея Величеству. Для подтвержденія и доказательства сего царь и Правитель избрали одного изъ подданныхъ Ея Величества и поручили ему, какъ человѣку уважаемому и который пользуется большею милостью ихъ обоихъ, передать въ точности ихъ слова и грамоты. Королевѣ угодно было принять это посольство и грамоты очень милостиво, дать мнѣ, слугѣ Ея Величества, отвѣтъ и отправить назадъ съ подобными же письмами и поздравленіями. Я выѣхалъ 5-го апрѣля съ приличной свитой и прибылъ въ Москву около 5-го іюня, былъ принятъ съ почетомъ царемъ и не менѣе привѣтливо княземъ Борисомъ Θеодоровичемъ. Когда я передалъ письма и поздравленія отъ Ея Величества, которыя были очень пріятны имъ обоимъ, меня угостили на славу и прислали 100 блюдъ готоваго кушанья на серебрѣ, которыя мнѣ привезъ одинъ бояринъ, въ сопровожденіи сотни людей, съ различными винами и другими напитками. Онъ привезъ, вмѣстѣ съ этимъ, отлично вышитую палатку, царское платье, красиваго коня въ яблокахъ, съ сѣдломъ и со всею сбруею и двѣ тысячи фунтовъ стерл. деньгами. Мнѣ приказали тутъ же выразить письменно свои желанія. Послѣднее, какъ кажется, было предложено мнѣ правителемъ лично отъ себя, въ знакъ особой милости и расположенія. По моей запискѣ были оказаны слѣдующія милости:

1) Компаніи англійскихъ купцовъ былъ прощенъ долгъ въ 500 фунтовъ стерлинговъ недоплаченныхъ сю пошлинъ за прежніе года.

2) Прощено 350 фунтовъ стерл., обѣщанныхъ агентомъ на постройку новой стѣны вокругъ Москвы.

3) Компанія была избавлена отъ платежа 500 фунтовъ стерл., которые ее присудили заплатить за долгъ, сдѣланный однимъ ея вѣроломнымъ прикащикомъ, Антоніемъ Маршемъ, забравшимъ эти деньги отъ царскихъ служилыхъ людей въ Ярославлѣ и объявившимъ себя банкротомъ.

4) Главный прикащикъ компаніи, Джонъ Чаппель, находившійся подъ царскою опалою, былъ прощенъ и выпущенъ, а изъ царской казны выплачено компаніи 1000 марокъ деньгами.

5) Долгъ, сдѣланный думнымъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ много лѣтъ тому назадъ, на уплату котораго компанія не надѣялась, былъ насильственно вытребованъ отъ него и отданъ ей.

6) Другой неоплатный долгъ, въ 460 фунтовъ стерл., взятый нѣкоторыми служилыми людьми отъ царскаго имени много лѣтъ тому назадъ, былъ выплаченъ компаніи изъ царской казны.

7) Нѣкто по имени Ворсъ Вислоу (Vorse Vislough), подчиненный Щелкалова, задолжавшій компаніи 350 фунтовъ стерл., былъ также насильственно принужденъ выплатить эту сумму.

8) Компанія была освобождена отъ платежа различныхъ суммъ царю за дома ея въ Вологдѣ и Холмогорахъ.

9) И такъ какъ компанія много терпѣла отъ царскихъ служилыхъ людей и во многихъ городахъ была лишена правосудія, то и былъ посланъ черезъ довѣреннаго дворянина, по всему государству, приказъ поступать и обходиться лучше съ англійскими купцами.

10) Всѣ англичане контрабандисты и бродяги, проживающіе въ Россіи, должны быть найдены и вывезены изъ русскаго государства.

11) Компанія была освобождена отъ платежа слишкомъ 1000 фунтовъ стерлинговъ пошлинъ, слѣдуемыхъ царю за текущій годъ.

12) Князь Борисъ Ѳеодоровичъ далъ взаймы компаніи изъ царской казны 5000 фунтовъ стерл., деньгами безъ процентовъ, настолько времени, насколько ей будетъ нужно.

13) Недавно дарованы были царемъ компаніи, ради Ея Величества королевы и для укрѣпленія союза и дружбы между ними, такія широкія привилегіи и льготы, какія только князь и я могли придумать, имѣвшія большое значеніе для торговыхъ оборотовъ компаніи, которые она могла совершать повсемѣстно, безъ платежа какихъ бы то ни было пошлинъ. Привилегіи эти были получены послѣ многихъ столкновеній съ Щелкаловымъ, писавшимъ ихъ; онъ прибѣгалъ къ различнымъ уверткамъ, скрытно препятствовалъ, стараясь ограничить дарованныя права, подъ предлогомъ усердія къ престолу.

Сверхъ того, пока шли переговоры, я могъ вездѣ и во всякое время имѣть свободный доступъ къ Борису Ѳеодоровичу, благодаря его особенной любви и расположенію ко мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я воспользовался его довѣріемъ слѣдующимъ образомъ: испросилъ милость многимъ бывшимъ подъ опалою, свободу заключеннымъ, прощеніе преступникамъ, помилованіе и жизнь многимъ осужденнымъ, освобожденіе отъ налоговъ и обязательствъ, лежащихъ на монастыряхъ, городахъ и земляхъ, поставлять рекрутъ, лошадей, запасы и деньги, выхлопоталъ имъ разныя привилегіи и сохраненіе прежнихъ льготъ. Вообще я долженъ сказать, что по всѣмъ уважительнымъ просьбамъ я столько же былъ готовъ хлопотать, сколько князь правитель оказывать милости. Наконецъ переговоры были кончены, и наступило время моего отъѣзда. Мнѣ вручили царскія письма, богатые царскіе подарки королевѣ и отправили, соотвѣтственно занимаемому мною посту. При этомъ царь, князь правитель, бояре и дворяне оказали мнѣ

такія милости и почести, какія когда-либо получалъ посланникъ; но я уже говорилъ объ этомъ въ разсказѣ, приложенномъ къ описанію царской коронаціи, и потому не стану распространяться объ этомъ.

Когда я прибылъ къ англійскому Двору въ Ричмондъ, Ея Величеству королевѣ угодно было одобрить поданный отчетъ о моихъ занятіяхъ и великодушно принять привилегіи и привезенные мною царскіе подарки. Эти же привилегіи Ея Величеству угодно было даровать отъ Своего имени славной компаніи англійскихъ купцовъ, Ея вѣрныхъ подданныхъ и вообще всѣмъ англичанамъ, торгующимъ въ Россіи, съ увѣщаніемъ мудро вести дѣла и управлять ими и, по возможности, стараться сохранить эти важныя привилегіи, а меня щедро возблагодарить за труды и путешествія.

Чтобъ дать понятіе, какимъ образомъ и слогомъ пишутся въ Россіи письма, считаю нужнымъ привести два или три полученныя мною оттуда письма, а именно:

Отъ Бориса Өеодоровича, по волѣ Господней правителя всея Руси, главнаго намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго, главноуправляющаго всѣми военными силами, наслѣдственнаго государя славной провинціи Ваги и многихъ другихъ, моему почтенному другу Джерому, сыну Уильяма, дворянину.—Будь здоровъ и счастливъ, мой другъ Джеромъ; дай Богъ, чтобы мы услышали, что ты попрежнему пребываешь въ здоровьи и благополучіи. За мое здоровье благодарю Господа! О томъ, о чемъ мы говорили послѣдній разъ, въ Троицынъ день, я не сомнѣваюсь; но ты долженъ хорошенько обдумать и быть осторожнымъ относительно Роберта; если онъ собирается сюда, то пусть пріѣзжаетъ, когда хорошо знаетъ свое дѣло; такъ и можешь сказать ему. Я послалъ тебѣ въ знакъ моей милости и расположенія подарокъ черезъ Ивана Волкова, отъ него же ты получишь на память сорокъ соболей на шубу. И отъ меня тебѣ, сыну Уильяма, *дворянину*, поклонъ.

По царскому порученію писано думнымъ дьякомъ.

«Отъ Царя, Государя и Великаго Князя, всея Руси Өеодора Ивановича, и пр. по его порученію и приказу тебѣ, намѣстнику князю Василію Андреевичу Ивангородскому. Отъ насъ и великаго Князя Бориса Өеодоровича посланъ съ грамотами и подарками къ королевѣ Елизаветѣ Джеромъ, сынъ Уильяма, дворянинъ. Когда онъ прибудетъ въ нашу крѣпость и городъ Холмогоры, мы приказываемъ тебѣ оказать ему всякую честь, чтобы онъ былъ во всякомъ довольствѣ достойно принятъ, и содер-

жали бы его, уважали и почитали посланникомъ, и было бы ему больше чести передъ другими иноземцами; а царское жалованье и запасы на дорогу посланы бережно съ Нашимъ шкиперомъ Ильею Саблуковымъ (Sablok), а отъ Бориса Ѳедоровича съ Кузьминымъ, ему посланнику королевы англійской Елизаветы, Джерому, сыну Уильяма, дворянину .

Письмо отъ князя правителя, посланное мнѣ, черезъ Франциса Черри, одного изъ купцовъ московской компаніи.

Отъ Бориса Ѳеодоровича Годунова, главнаго правителя всея Руси и царствъ Казанскаго и Астраханскаго, главнаго совѣтника, конюшаго, наслѣдственнаго государя земли Ваги и другихъ, тебѣ, Джерому, сыну Уильяма, дворянину, поклонъ. Будь здоровъ, мой добрый Джеромъ. Даю тебѣ уразумѣть, что англійская королева, Ея вельможи и дворяне написали мнѣ недавно самыя непригожія письма и совокупно съ дьяками, что считаю не малымъ униженіемъ моего княжескаго достоинства и чести, какъ тебѣ извѣстно. Мнѣ это очень прискорбно, а также, что королева написала въ этихъ письмахъ, будто я не дѣлалъ уваженія и не покровительствовалъ Ея купцамъ, и допустилъ, чтобы съ ними обходился, какъ вздумается и оскорблялъ ихъ всякій людъ. Поэтому я ссылаюсь на тебя, Джеромъ, ты знаешь, какъ я защищалъ ихъ ради королевы Елизаветы, и, какъ въ уваженіе Ея милости и расположенія, настоятельно просилъ о нихъ царя, который черезъ мое посредство далъ имъ льготныя жалованныя грамоты, по которымъ ни съ нихъ лично, ни съ ихъ имуществъ не будутъ взимать никакихъ пошлинъ, ни въ одномъ мѣстѣ государства, чего до этого никогда не было даровано. Кромѣ того, я помиловалъ Роберта (докторъ Робертъ Якобъ), простилъ ему обиды его, объявилъ царскую милость во всѣхъ мѣстахъ, приказалъ все выплатить сполна ихъ сомнительнымъ должникамъ и оказалъ англійскимъ купцамъ многія другія милости, которыя хорошо тебѣ извѣстны, любезный Джеромъ. Я не отвѣтилъ тогда на письма королевы, Ея вельможъ и дворянъ; но видитъ Богъ, что въ будущее время напишу все по душѣ и какова моя любовь и дружба къ королевѣ Елизаветѣ и ея подданнымъ. Между тѣмъ, посылаю тебѣ, мой добрый Джеромъ, въ знакъ продолженія моей милости къ тебѣ, черезъ Франциса Черри, пару соболей и кусокъ золотой парчи, которые я желаю, чтобы ты носилъ меня ради».

Кромѣ этого, я получилъ еще различныя другія письма отъ главнаго казначея, думнаго дьяка и многихъ другихъ русскихъ бояръ, пока-

зывающія какъ великъ былъ промахъ англійской знати, писавшей Правителю, совокупно съ другими людьми низкаго происхожденія. Они писали, чтобы я старался водворить миръ и спокойствіе, видя, какъ это было дурно принято.

Мой отвѣтъ на письмо князя правителя по ихъ способу писанія.

Славный князь и государь Борисъ Ѳедоровичъ! Джеромъ, сынъ Уильяма Горсея, бьетъ челомъ Вашему Величеству передъ лицомъ всего свѣта. Дай Богъ Вамъ, милостивѣйшій Государь, здоровья и благополучія на многія лѣта. Ваши высокія письма получены мною. Изъ нихъ я усматриваю Ваше великое неудовольствіе противъ благородныхъ совѣтниковъ Ея Величества королевы за то, что они не оказали того уваженія въ своихъ письмахъ, какое достодолжно надлежитъ Вашему государскому достоинству, и за то, что они не признали Ваше высокое расположеніе и милости, многократно оказанныя подданнымъ Ея Величества. Одно, великодушнѣйшій государь, произошло по невѣдѣнію и по недостатку свѣдѣній, такъ какъ въ то время, когда они писали письма, не было никого около нихъ, кто бы могъ вѣрно увѣдомить ихъ о высокомъ постѣ, достойно занимаемомъ теперь Вами, Государь; другое произошло по совершенно случайному недоразумѣнію, иначе вы могли бы справедливо осудить меня за такую непростительную ошибку. Считая это весьма важнымъ, я не преминулъ прошлою зимою увѣдомить письменно королеву и лордовъ королевскаго Совѣта черезъ особаго посланнаго не только о томъ, что Господь, по своей божественной благости вручилъ Вамъ высокій скипетръ правленія, но также и о томъ, что единственно черезъ Ваше посредство, милостивѣйшій Государь, были дарованы купцамъ льготныя жалованныя грамоты на широкихъ основаніяхъ, и до какой степени была велика Ваша милость къ нимъ во многихъ другихъ случаяхъ. По письмамъ этимъ не посчастливилось: въ послѣднюю пасху они потонули въ морѣ вмѣстѣ съ кораблемъ. Поэтому будьте долготерпѣливы, великодушный Государь, не допустите Ваше кроткое милостивое расположеніе перейти въ гнѣвное неудовольствіе, забудьте съ царственною мудростью и милосердіемъ эту невольную ошибку, ради меня, которому вы уже даровали столько милостей; и соизвольте возложить на меня должную заботу объ удовлетвореніи вашего государскаго достоинства. За вашъ почетный, посланный мнѣ подарокъ приношу нижайшую благодарность и буду носить его за ваше здоровье. Князь Василій обошелся со мною честно и съ почетомъ. Уильямъ и Джонъ, главные агенты англійскихъ купцовъ, поручили мнѣ просить васъ,

Государь, въ мое отсутствіе не лишать ихъ Вашего милостиваго расположенія. При этомъ, отъ ихъ имени, подношу Вамъ пестраго боевого быка, двѣнадцать бульдоговъ, два льва, три своры борзыхъ собакъ и три пары отличныхъ собакъ другой породы. Господь да сохранитъ Васъ, великодушнѣйшій Государь, своимъ милосердіемъ .

Два года спустя, какъ мнѣ помнится, случилось, что вѣроломный слуга компаніи занялъ ея именемъ у купцовъ, бояръ и другихъ царскихъ подданныхъ 2000 фунтовъ стерлинговъ и, истративъ ихъ, неразумно требовалъ эти деньги, по наущенію Щелкалова, отъ компаніи, такъ что по этому дѣлу отправили посольство отъ царя къ королевѣ.

Въ 1588 году, когда былъ посланъ отъ Ея Величества къ царю докторъ Флетчеръ, уже произошла перемѣна въ князѣ Борисѣ и въ его прежнемъ доброжелательствѣ; это выказалось какъ въ жесткомъ обращеніи съ компаніею, такъ и въ дурномъ содержаніи, данномъ тогда въ Россіи доктору Флетчеру. Что касается меня, то я былъ въ нѣкоторой немилости у царя, по ложному показанію одного изъ моихъ слугъ Томаса Уостенэма, который, будучи въ связи съ одной ливонской дворянкою, желалъ добиться свободы дѣйствій и, подстрекаемый отъявленнымъ негодяемъ Щелкаловымъ, злымъ врагомъ королевы и ея подданныхъ, донесъ, будто бы я за моимъ столомъ говорилъ такія непристойныя слова о царѣ, что ихъ и повторить невозможно. Это утверждалось передъ засѣданіемъ боярской думы; меня очень осуждали и, между прочимъ, серьезно жаловались на это Ея Величеству. Названный Уостенэмъ былъ награжденъ землею и женился на упомянутой дворянкѣ, но вскорѣ его клевета была открыта. Его судили на мѣстѣ, и такъ поколотили, что чуть удержалась жизнь въ его презрѣнномъ тѣлѣ, и всячески ругали, когда онъ потомъ проходилъ по улицамъ. Несмотря на все это, необходимость заставила Ея Величество опять послать меня къ царю и Борису Ѳеодоровичу со слѣдующими порученіями и письмами.

Письмо королевы къ русскому царю, посланное черезъ Джерома Горсея, эсквайра и агента Ея Величества, въ 1589.

Божьей милостію, Мы Елизавета, королева Англіи, Франціи и Ирландіи, защитница древнѣйшей Каѳолической и истинной Христіанской вѣры, прославленному и могущественнѣйшему князю и Государю Ѳеодору Іоанновичу, Царю всея Руси, Великому Князю Владиміра, Московіи и пр. Нашему дорогому брату и любезнѣйшему другу желаемъ здравія, благополучія и успѣха во всѣхъ дѣлахъ. Мы получили грамоты, которыя Вы по-

слали Нам через Нашего посланника Джилля Флетчера, и, прочитав, обсудили важные заключающіеся въ нихъ пункты и отвѣчаемъ на нихъ кратко, не желая, по различнымъ уважительнымъ причинамъ, пускаться въ подробности объ этихъ предметахъ, пока не представится новый случай. Мы просимъ Ваше Величество внимательно разсмотрѣть снова эти главные спорные пункты, надѣясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что Вы уважите нашу просьбу; такъ какъ вѣрное рѣшеніе этого дѣла будетъ согласно съ Вашимъ достоинствомъ и соотвѣтствовать объявленной между Нами дружбѣ. Внезапная перемѣна Вашей прежней любви видна въ унизительномъ обхожденіи съ Нашимъ послѣднимъ посланникомъ Джиллемъ Флетчеромъ, какого еще никогда не было оказано никому изъ нашихъ посланныхъ величайшими государями Европы, и въ оскорбительныхъ поступкахъ съ нимъ Вашего главнаго думнаго дьяка Щелкалова, стариннаго врага Нашихъ подданныхъ, который, какъ мы слышали, назначенъ судьею и участникомъ въ дѣлахъ, о которыхъ долженъ трактовать Нашъ посланникъ. Все это даетъ Намъ справедливый поводъ думать, что Его Величество не только теперь, но и никогда не былъ хорошо расположенъ къ Намъ, чего мы не заслуживаемъ по Нашему сану. Велико было безчестіе, оказанное въ разныхъ случаяхъ Нашему королевскому достоинству, и весьма многочисленны и постоянны оскорбленія, наносимыя Нашимъ подданнымъ, торгующимъ въ Вашемъ государствѣ, со времени смерти Нашего любезнаго брата, а Вашего покойнаго отца, блаженной памяти царя Ивана Васильевича. Мы воздерживали наше нетерпѣніе, думая, что все это будетъ исправлено и заглажено Вашей царской и братской любовью, въ которой Вы Насъ увѣряете, но теперь, будучи доведены до крайности, Мы не можемъ долѣе терпѣть, хотя Намъ это очень прискорбно; обиды такъ велики, что Наше достоинство не можетъ дозволить ихъ государю какой бы то ни было въ свѣтѣ страны; и потому Мы желаемъ уразумѣть изъ Вашего отвѣта, съ Вашего ли царскаго вѣдома сдѣлано это людьми, состоящими на службѣ Вашего Величества, которые скорѣе желаютъ вражды, нежели продолженія дружбы между Нами? Между тѣмъ, пока Мы примемъ во вниманіе только лучшую сторону дѣла и будемъ объяснять въ благопріятномъ для Васъ смыслѣ не только это, но и другія Ваши письма. Доставитель письма, Нашъ любезный подданный и слуга Джеромъ Горсей, эсквайръ, противъ котораго Ваше Величество, повидимому, имѣетъ какое-то неудовольствіе.

Но судя по прежнимъ письмамъ Вашего Величества, равно какъ и по увѣдомленіямъ высокороднаго князя Бориса Ѳеодоровича, Джеромъ Горсей всегда пользовался большою милостью Вашего Величества и заслуживалъ

похвалы за свое хорошее поведеніе. Мы предполагаемъ, что злонамѣренное противъ него показаніе произошло отъ тѣхъ, которые, завидуя благосклонному вниманію Вашего Величества, дурно расположены къ нему за его хорошія дѣйствія. Поэтому мы просимъ Васъ, любезнѣйшій братъ, измѣнить гнѣвъ на милость и оказать къ нему обычное расположеніе, такъ чтобы онъ имѣлъ всюду свободный проѣздъ и доступъ съ Нашими порученіями, подъ Вашимъ царскимъ покровительствомъ. Вслѣдствіе важныхъ побудительныхъ причинъ, какъ доказательство Нашего вниманія и довѣрія къ упомянутому слугѣ Джерому Горсею, Мы поручили ему переговорить о нѣкоторыхъ дѣлахъ словесно съ Вашимъ Величествомъ; просимъ Васъ милостиво выслушать его и повѣрить тому, что онъ будетъ говорить, какъ бы Мы сдѣлали это относительно каждаго изъ Вашихъ слугъ съ подобнымъ порученіемъ отъ Вашего Величества. Мы просимъ всемогущаго Бога сохранить Ваше Величество въ благополучіи и здравіи. Дано въ Нашемъ Гринвичскомъ дворцѣ, 1-го апрѣля 1589, Нашего царствованія 32-й годъ».

Другія письма большею частію того же содержанія были написаны Ея Величествомъ къ князю Борису и посланы черезъ мистера Горсея.

Получивъ письма и отпускъ отъ Ея Величества въ Гринвичѣ въ апрѣлѣ 1589 года, я сѣлъ на одинъ изъ кораблей, именуемый «Карлъ», которому было приказано принять меня съ товарищами въ Ярмутѣ и высадить въ Стаде.

Когда мы были уже въ морѣ, подулъ противный вѣтеръ и, по неопытности капитана, насъ заперло между двумя опасными мелями на Фрисландскомъ берегу; поднялась буря, корабль наполнился водою; и мы принуждены были побросать въ море съ палубы канаты, орудія и пр.; не было никакой надежды спасти въ эту ночь нашъ корабль или нашу жизнь. Къ счастью моему, я перешелъ случайно на эмденское судно, оставивъ корабль и бывшихъ на немъ людей въ большой опасности; мнѣ предстояло ѣхать 30 миль водою до Эмдена; за нами яростно гнались по берегу солдаты [1]), стоявшіе тамъ гарнизономъ, но, благодаря попутному вѣтру, мы достигли эмденскихъ стѣнъ раньше ихъ, насъ втащили вверхъ по стѣнѣ, потому что ворота были заколочены съ этой стороны города. Я просилъ эмденскаго графа дать мнѣ стражу для безопаснаго проѣзда по странѣ, и предъявилъ патенты и охранныя грамоты Ея Величества. Графу угодно было назначить десять хорошо вооруженныхъ верховыхъ проводить меня черезъ наиболѣе опасныя мѣста къ Бриму. Когда я пріѣхалъ въ Стаде, куда, къ счастью, прибылъ послѣ меня королевскій корабль, плывшій

[1]) Malcontents.

въ Коллинъ, и гдѣ, по порученію секретаря мистера Уолсингэмъ я долженъ былъ навести справки объ имперскихъ государяхъ, пріѣхавшихъ на сеймъ, который долженъ былъ состояться тамъ. Этимъ путемъ я узналъ, что время сейма было отсрочено. Затѣмъ я отправился далѣе черезъ Германію и второго мая прибылъ къ польскому Двору въ Варшаву, гдѣ вручилъ письма Ея Величества королю Сигизмунду III. Во время пребыванія моего около двадцати дней въ Варшавѣ, по просьбѣ депутата [1]) и компаніи англійскихъ купцовъ, проживающихъ въ этихъ странахъ, я явился къ королю, какъ проситель отъ ихъ имени.

Я подалъ прошеніе королю Сигизмунду отъ имени этихъ купцовъ, что они терпятъ большія потери отъ кредита, доставленнаго подданнымъ Его Величества и другимъ обитателямъ королевства покровительственными письмами Сигизмунда III-го и его предшественниковъ; а потому упомянутые купцы униженно просятъ Его Величество, чтобы въ будущее время, если подобное покровительство будетъ оказано кому-нибудь изъ тѣхъ, съ кѣмъ они будутъ имѣть дѣло или давать въ долгъ, то чтобы это не лишало ихъ справедливаго полученія обратно ихъ собственности.

По принятіи просьбы король отвѣчалъ, что разсмотритъ дѣло со своимъ совѣтомъ и что черезъ нихъ я узнаю Его волю.

Два дня спустя я посланъ былъ для переговоровъ по тому же дѣлу, съ главнымъ королевскимъ камергеромъ, паномъ Маркомъ Оброзомъ Лисоволоскимъ, королевскимъ секретаремъ, субъ-камергеромъ и съ главнымъ пріемщикомъ просьбъ.

Эти господа предложили мнѣ говорить о другихъ дѣлахъ, а именно, касательно дружбы и помощи, которыя Ея Величество оказываетъ туркамъ, и помѣхи торговлѣ Его Величества подданныхъ въ Испаніи и пр.

Я возразилъ имъ, что не имѣю порученія вмѣшиваться въ эти дѣла. Секретарь оспаривалъ мою просьбу, говоря, что не надлежитъ Его Величеству быть ограниченнымъ чьимъ-нибудь предписаніемъ въ дарованіи Своихъ жалованныхъ грамотъ и что это должно дѣлаться по королевскому соизволенію.

Я отвѣтилъ, что не говорилъ объ ограниченіи королевской воли, но прошу только Его Величество пріостановить или давать съ нѣкоторыми ограниченіями, если будетъ угодно, свои жалованныя грамоты, чтобы устранить такое важное неудобство:—вотъ все, чего желаютъ купцы: и никто, имѣющій здравый смыслъ, не возьметъ на себя давать предписаніе королю или мѣшать Его волѣ.

[1]) Мистера Баркера.

Референдарій (такъ называется у нихъ докладчикъ) отвѣчалъ, что такое прошеніе было уже нѣсколько разъ и прежде подаваемо королю; и главный канцлеръ (по неудовольствію, бывшій тогда въ отсутствіи за 10 миль отъ города) панъ Замойскій былъ всегда того мнѣнія, что неудобно согласиться на это по различнымъ причинамъ.

Я могъ бы, при вашей помощи, господа», продолжалъ я, «устроить дѣло къ обоюдной выгодѣ, чтобы польза, которую извлечетъ изъ этого король и его государство, была равносильна прибыли, которую могутъ пріобрѣсти купцы. Къ тому же, если просьба моя будетъ исполнена и Ея Величество королева узнаетъ все, что я по своей обязанности исполнилъ по этому дѣлу, то не сомнѣваюсь, что Ея Величество принесла бы королю большую за это благодарность .

Въ такомъ случаѣ», сказалъ секретарь, панъ Лукашъ, «вы хотите, чтобы король, даруя это, считалъ себя обязаннымъ вамъ. Я прошу васъ доказать, какую пользу король и его страна могутъ извлечь доставленіемъ вамъ такого удовольствія. Скажите, пожалуйста, на какомъ основаніи вы утверждаете это?

Главная опора процвѣтающаго государства, какъ я слышалъ, милостивые государи, торговля и сбытъ товаровъ; это главный источникъ благоденствія для народа и отъ этого зависитъ спокойствіе короны въ государствѣ. Ваши собственныя дѣйствія, ясновельможные паны, показываютъ свѣту вашу политику и предусмотрительную заботливость о сохраненіи торговли. Ею ваши купцы богатѣютъ, вашъ рабочій народъ получаетъ заработокъ, ваше дворянство хорошій сбытъ произведеніямъ, свой главный доходъ; страна снабжается тѣми предметами, безъ которыхъ она не можетъ обойтись; ваши лишніе товары увозятся отъ васъ, а казна увеличивается пошлинами, которыя скопляются на разныхъ торговыхъ путяхъ. Механизмъ цѣлаго государства сохранятся торговлею и сбытомъ произведеній; а этому помогаетъ хорошее обхожденіе съ купцами и торговцами. Посмотрите, какъ въ Испаніи и Португаліи пришли въ упадокъ значительные города и богатѣйшій народъ, въ какомъ недовольствѣ и неустройствѣ живутъ тамъ подданные со времени разлада съ англійскимъ королевствомъ. Наши купцы довольны тѣмъ, какъ съ ними обходятся здѣсь: это дѣлаетъ большую честь Его Величеству. Прибавьте одну милость и они будутъ считать себя еще болѣе обязанными королю. Я оставляю это на ваше мудрое усмотрѣніе и прошу извиненія за мои слабые доводы».

Они меня поблагодарили, а я ихъ. Я выразилъ мнѣніе, что время употреблено съ пользою, они сказали то же самое. Мы разстались съ большими любезностями и встрѣтились снова за обѣдомъ у оберъ-камергера,

у котораго меня великолѣпно угощали; и онъ сказалъ мнѣ, что, по его ходатайству, король согласится на мою просьбу. Секретарю было приказано немедленно разослать по этому случаю эдиктъ или объявленіе для опубликованія въ Данцигѣ, Эльбингѣ, Кёнигсбергѣ и другихъ мѣстахъ. Я уѣхалъ съ королевскими жалованными грамотами, довольный хорошимъ пріемомъ. Но Посавинусъ [1]), помня старое неудовольствіе, причиненное ему и его государю папѣ, передъ русскимъ царемъ, подговорилъ патера Антоніуса, папскаго легата, проживавшаго тамъ для взиманія благотворительнаго сбора, устроить засаду изъ сорока конныхъ солдатъ, испанскихъ наемниковъ, чтобы дорогой ограбить и убить меня и моихъ товарищей; но панъ Иванъ Дебовичъ (Глѣбовичъ), набожный протестантъ, проводилъ насъ, противъ ихъ ожиданія, безопасной дорогой.

Около 11-го іюня я прибылъ въ Литву, къ княжескому Двору, который содержалъ въ Вильнѣ панъ Христофоръ Рэджевилъ (Радзивиллъ), его милость принялъ меня великолѣпно и съ почетомъ, доставлялъ мнѣ разныя удовольствія и развлеченія, высоко и въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ превозносилъ величіе англійской королевы. Онъ жилъ съ большой пышностью, на удивленіе своихъ подданныхъ. Я уѣхалъ съ его жалованными грамотами, очень милостиво написанными, и, проѣхавъ благополучно владѣнія князя, прибылъ въ Смоленскъ.

Намѣстникъ, поставленный въ затрудненіе моимъ пріѣздомъ, далъ знать о немъ царю и Борису Θеодоровичу. Въ скоромъ времени пріѣхалъ отъ нихъ довѣренный дворянинъ съ слугами, чтобы проводить меня ко Двору; я отправился съ нимъ и прибылъ въ Москву послѣдняго дня іюня мѣсяца. За 3 версты отъ Москвы меня встрѣтилъ одинъ бояринъ съ радушнымъ привѣтствіемъ отъ царя и отъ государя Бориса Θеодоровича, проводилъ въ столицу и помѣстилъ въ отличномъ домѣ, принадлежащемъ архіерею. Черезъ три дня тотъ же самый придворный былъ снова посланъ ко мнѣ съ вѣстью, что царь, желая оказать милость, снабжаетъ меня десятью слугами, лошадьми, кушаньемъ, напитками и всѣмъ необходимымъ.

Я нижайше поблагодарилъ Его Величество, но заявилъ, что королевѣ англійской было угодно снабдить меня достаточными средствами для всего этого, и я не долженъ ничего принимать, пока не передамъ письмо королевы и не переговорю о дѣлахъ, по которымъ посланъ. Мнѣ позволили взять къ себѣ въ услуженіе нѣкоторыхъ изъ моихъ прежнихъ русскихъ слугъ; черезъ нихъ я закупалъ провизію, не имѣя надобности брать что-либо изъ англійскаго Двора.

---

[1]) Антоніо Поссевино іезуитъ.

Мой старинный врагъ думный дьякъ Щелкаловъ посылалъ просить меня, чтобы я забылъ старыя неудовольствія и умѣрилъ бы жалобы, которыя имѣлъ въ виду подать на него, обѣщая съ своей стороны употребить всѣ усилія, чтобы ускорить мое дѣло.

Я зналъ, что онъ тонкая и двуличная лиса и не осмѣлился довѣриться ему, изъ боязни попасть въ какую-нибудь ловушку; а потому давалъ ему благовидные уклончивые отвѣты, какіе считалъ нужными; но это его не удовлетворило. Тотъ же самый придворный, что и прежде, былъ снова посланъ ко мнѣ 15-го іюля и сказалъ, чтобы я приготовился представиться царю въ три часа на слѣдующій день.

Но 16-го числа, на слѣдующій день, онъ опять пріѣхалъ и сказалъ, что царь чувствуетъ себя нехорошо.

21-го онъ прибылъ съ тою же вѣстью; и такъ пріѣзжалъ съ этимъ до трехъ разъ.

29-го іюля мнѣ приказали наконецъ явиться къ царю; когда я пришелъ въ верхній замокъ (кремль?), меня повели въ посольскій приказъ, а оттуда въ приказъ Большой Казны, гдѣ я встрѣтилъ главнаго казначея Дементія Ивановича Черемисова и дьяка Посольскаго приказа Посника Дмитріева, которые, вѣжливо раскланявшись со мною, сказали, что царь желаетъ знать зачѣмъ и отъ кого я пріѣхалъ?

Я отвѣтилъ, что посланъ Ея Величествомъ, англійской королевой, къ Его Величеству Ѳеодору Ивановичу и милостивому князю Борису Ѳеодоровичу съ письмами и порученіями переговорить о дѣлахъ. Они отвѣтили, что передадутъ это кому слѣдуетъ, вспоминали, какъ мы веселились въ былое время, и затѣмъ отпустили меня домой.

1-го августа мнѣ велѣли снова явиться во дворецъ; когда я прибылъ туда, то засталъ уже въ ожиданіи на прежнихъ мѣстахъ родственника царя, князя Ивана Васильевича Сицкаго, родственника царицы Ивана Васильевича Годунова и двухъ вышеупомянутыхъ бояръ. Послѣ переговоровъ pro и contra они потребовали отъ меня королевскія письма. Когда я подалъ ихъ, мнѣ сказали, что нужно показать ихъ царю и правителю, чѣмъ я и довольствовался.

10-го августа за мной послали; и когда я вручилъ царю письма королевы, то они нашли неправильность въ печати, такъ какъ была приложена только одна небольшая королевская печать; и, въ особенности, не правилось имъ то, что титулъ былъ сокращенъ, противъ обыкновеннаго способа, какимъ писала всегда Ея Величество. Мы потратили много времени и ничего не сдѣлали, хотя на всѣ сдѣланные мнѣ вопросы я далъ удовлетворительные отвѣты.

Затѣмъ они сказали мнѣ, чтобы я передалъ имъ то, о чемъ имѣю переговорить, а они будутъ отвѣчать мнѣ. Я объявилъ имъ, что буду передавать дѣло по пунктамъ и желаю, чтобы и они отвѣтили тѣмъ же способомъ. Я такъ и сдѣлалъ, какъ предполагалъ; изложилъ все ясно, на русскомъ языкѣ, котораго придерживался съ цѣлью предупредить ихъ обычныя лазейки, бывшія каждый разъ и прежде; когда они были сбиты возраженіями, то отговаривались непониманіемъ переводчика или невѣрностью перевода.

Дѣла, о которыхъ велись переговоры, какъ можно думать, не были очень пріятны и не доставляли имъ большого удовольствія, потому что никто до меня не велъ съ ними подобнаго рода рѣчей, но которыя вполнѣ соотвѣтствовали ихъ настроенію.

Они выразили большое удивленіе, что, будучи при отъѣздѣ изъ Москвы въ немилости у царя, я осмѣливаюсь явиться къ Нему съ подобнымъ смѣлымъ порученіемъ и, вдобавокъ, съ сокращеніемъ должнаго Ему титула. Я сказалъ имъ на это, что смѣлость моего порученія соотвѣтствуетъ оскорбленіямъ, нанесеннымъ Ея Величеству королевѣ, коронѣ и Ея священной монархіи, въ лицѣ Ея достойныхъ и вѣрныхъ подданныхъ купцовъ, торгующихъ въ этихъ странахъ; что если Его царскому величеству угодно быть недовольнымъ мною, то вслѣдствіе подлаго и ложнаго доноса; но что высокородному князю Борису Ѳеодоровичу, къ милости котораго я также посланъ, лучше извѣстно мое поведеніе въ продолженіе почти двадцати лѣтъ относительно государя, и что расположеніе и истинно княжеское обхожденіе со мною Его милости были всегда достаточнымъ ручательствомъ въ моей вѣрности. А вы, милостивые бояре, хорошо знаете, какъ я близко знакомъ съ титуломъ царя и выраженіями, какія пристойно давать Его Величеству, и потому не могъ сдѣлать никакихъ такихъ сокращеній титула, которыми бы могъ нанести оскорбленіе Его Величеству и государству какимъ бы то ни было образомъ. Что же касается до словъ моихъ и какихъ-либо выраженій, то имъ даютъ болѣе значенія, чѣмъ они имѣютъ. Разсмотрѣвъ все это, я не вижу причины, почему вы порицаете мое здѣсь появленіе, въ особенности, когда это дѣлается по приказу моей государыни, а также почему вы придираетесь ко мнѣ по такимъ поводамъ, которые, какъ вы сами знаете, несправедливы и не относятся къ дѣлу, о которомъ мы толкуемъ.

Мы разстались въ хорошихъ отношеніяхъ. На указанные мною пункты данъ отвѣтъ благопріятный и разсудительный; и я надѣялся подорвать власть думнаго дьяка Щелкалова, будучи снабженъ всѣми нужными для этого средствами. Съ этою цѣлью я побуждалъ ихъ рѣшить

дѣло и подтвердить вышесказанные пункты; но они медлили окончаніемъ. Въ это время были сдѣланы большія приготовленія къ принятію знатнаго посла короля польскаго; а мнѣ прислали неожиданно сказать, чтобы въ тотъ же самый день, какъ этотъ посланникъ прибудетъ въ Москву, я выѣхалъ бы съ моими товарищами изъ столицы. Они опасались, по свойственной имъ подозрительности, чтобы между нами не произошло соглашенія.

Состоящій при мнѣ дворянинъ передалъ мнѣ отъ имени царя, чтобы я отправился въ Ярославль, за четыре или пять дней ѣзды отъ Москвы, и надѣялся, что послѣ отъѣзда польскаго посланника я снова узрю очи Его Величества и буду отправленъ въ Англію съ почетомъ.

Я прибылъ въ Ярославль въ ноябрѣ и проскучалъ тамъ до іюня. Въ это время я получалъ письма отъ нѣкоторыхъ почетныхъ и старинныхъ друзей моихъ при царскомъ Дворѣ, съ разными тайными увѣдомленіями, какія они только осмѣлились сообщать. Они извѣщали меня также, что, черезъ посредство правителя, все то, что требуетъ Ея Величество, будетъ даровано и что королева будетъ вполнѣ удовлетворена.

Между тѣмъ, думный дьякъ Щелкаловъ употребилъ всѣ средства, какія только могъ придумать, чтобы очернить меня; онъ распускалъ слухъ, что я былъ въ Варшавѣ и что со мною совѣщался король польскій Сигизмундъ, что будто бы я выдалъ королю и великому князю литовскому Роджевилу (Радзивиллу) царскія тайны, пренебрегъ царскимъ жалованьемъ и намѣренъ былъ, прибывши къ морскому берегу до разгрузки кораблей, захватить нечаянно крѣпость, помѣшать тамошней торговлѣ и лишить государя пошлинъ. Вслѣдствіе этого, я долженъ былъ оставаться въ Вологдѣ до 6-го іюля. Около этого времени былъ посланъ ко мнѣ дворянинъ, который, по приказу, состоявшемуся черезъ думнаго дьяка, долженъ былъ увѣдомить меня, что царь, предполагавшій сперва принять меня и дать окончательный отвѣтъ на дѣла, по которымъ я хлопоталъ, перемѣнилъ свое рѣшеніе по причинѣ сильныхъ безпокойствъ, бывшихъ недавно въ народѣ, и поручилъ ему проводить меня прямо къ морскому берегу и посадить на корабль. Когда я прибылъ туда, комендантъ крѣпости сказалъ мнѣ, что царь отвѣтилъ такимъ образомъ на письма королевы и на пункты, о которыхъ я велъ переговоры, что Ея Величество королева будетъ довольна.

Въ этомъ проявилось, насколько боялся меня Щелкаловъ, этотъ хитрѣйшій скиѳъ, какой когда-либо жилъ на свѣтѣ. Опасаясь, чтобы я не изобличилъ его вѣроломства, онъ внесъ много непріязненныхъ обо мнѣ выраженій въ грамотахъ, посланныхъ Ея Величеству отъ царя, помимо его

вѣдома и Бориса Θеодоровича (именно такъ, какъ писалъ мнѣ еще прежде одинъ изъ моихъ придворныхъ друзей, выражая боязнь, что онъ такъ поступитъ). Впослѣдствіи, когда правитель обвинилъ его въ этомъ, онъ отрекся подъ клятвою, по принятому въ Россіи обыкновенію. Подобнаго рода злоупотребленія могутъ совершаться у нихъ безнаказанно, ибо таковъ у нихъ обычай. Дума изъявляетъ согласіе и рѣшаетъ, каково должно быть содержаніе грамоты; затѣмъ главному дьяку посольства поручается набросать и сочинить ее. Тотъ представляетъ и читаетъ имъ письмо, а при перепискѣ начисто измѣняетъ содержаніе, какъ ему вздумается, согласно со своими цѣлями, такъ какъ эти грамоты у нихъ рѣдко или никогда не перечитываются вновь. Его Величество никогда не прилагаетъ Своей руки; а этотъ же самый дьякъ закрѣпляетъ грамоты царскою подписью, запечатываетъ (печать также находится въ его вѣдѣніи), адресуетъ и отсылаетъ. Такая возможность вѣроломнаго обращенія съ письмами и порученіями была на руку Щелкалову; и онъ не измѣнилъ своему обычаю до конца, хотя всѣмъ было извѣстно, что однажды его жестоко наказали за это, мучили и осудили. Старый царь держалъ его только, какъ орудіе, чтобы мучить и наказывать свой народъ, а Борисъ Θеодоровичъ употреблялъ его ради опытности, когда ему было нужно, до тѣхъ поръ, пока безчестныя дѣла Щелкалова не сдѣлались настолько нестерпимыми, что несчастный конецъ) какъ я слышалъ) несвоевременно пресѣкъ его сатанинскую гнуснѣйшую жизнь.

Но перейду къ прерванному разсказу. Я сѣлъ па корабль у пристани Св. Николая, скоро прибылъ въ Англію и явился къ Ричмондскому Двору 4-го октября 1590 года (1591). Ея Величеству королевѣ угодно было удостоить меня своимъ высокимъ присутствіемъ и милостиво выслушать разсказъ о моемъ послѣднемъ и самомъ опасномъ путешествіи.

Вскорѣ я услышалъ, что царь Θеодоръ умеръ и что правитель Борисъ Θедоровичъ, съ общаго одобренія и согласія, коронованъ царемъ, сынъ его назначенъ наслѣдникомъ, а послѣ него (рѣшеніемъ боярской думы), престолъ долженъ былъ перейти къ ихъ потомству. Борисъ Θеодоровичъ былъ возвеличенъ покойнымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который любилъ его не меньше своихъ сыновей и подконецъ женилъ одного изъ нихъ на его сестрѣ. Этотъ сынъ и былъ послѣдній царь Θеодоръ. Бориса сдѣлалъ Іоаннъ душою правленія при жизни; во время болѣзни усыновилъ въ своей духовной, утвердилъ ее умирая, а послѣ себя назначилъ его управлять государствомъ, съ помощью другихъ четырехъ знатныхъ бояръ. По смерти Іоанна Борисъ стоялъ во главѣ правленія.

Своимъ умомъ и политикой онъ завелъ порядокъ, непохожій на прежній, сдѣлался государемъ подданныхъ, а не рабовъ; поддерживалъ поря-

докъ и вѣрность къ престолу любовью, а не страхомъ и жестокостью. Борисъ Ѳеодоровичъ пригожъ собою, одаренъ пріятною и величественною осанкою; ласковъ въ обхожденіи, очень уменъ, хорошій политикъ; имѣетъ около 50 лѣтъ отъ роду; милосердъ, любитъ добро и хорошихъ людей, ненавидитъ злыхъ, строгій каратель несправедливости. Однимъ словомъ, это самый рѣдкій государь, который когда-либо существовалъ въ Россіи, судя по тому, что я читалъ въ ихъ лѣтописяхъ, которыя у нихъ очень древнія. Борисъ Ѳеодоровичъ оказывалъ всегда особенное расположеніе англійской націи, преимущественно передъ другими; льготныя привилегіи, которыя я выхлопоталъ въ 1585 году знаменитой компаніи англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи, были дарованы его милостью; управляясь мудро и дѣйствуя, какъ слѣдуетъ, они спокойно пользовались бы ими съ этихъ поръ. Нѣкоторые завистники между ними хотѣли затмить значеніе этихъ привилегій, выхлопотавъ безполезную переписку старыхъ. Но еслибы они поддерживали свою падающую торговлю, то добыли бы не только себѣ большую славу, хорошую прибыль и двойную выгоду королевству, вывозя изъ него избытокъ продуктовъ и ввозя цѣнные общеполезные и употребительные для кораблей и людей товары, но также оказали бы большую услугу Ея Величеству, доставляя флоту необходимыя принадлежности, и значительно увеличивали бы королевскія пошлины проѣздомъ взадъ и впередъ для торговыхъ цѣлей. Господь благословилъ бы ихъ тогда! Подобные достойные подданные заслуживаютъ многихъ хорошихъ желаній.

Благодаря моимъ частымъ путешествіямъ черезъ многія страны и XX-лѣтней опытности, я сдѣлалъ много рѣдкихъ и полезныхъ наблюденій, достойныхъ печати, узналъ многое о Китаѣ, о землѣ великаго Хана, богатой Индіи, и другихъ странахъ. Много толковалъ я съ людьми, бывшими на мѣстѣ, о положеніи персовъ, болгаръ и грузинскихъ странъ; о великомъ Кэмѣ или Крымѣ, о скиоскихъ татарахъ и другихъ; о сибирякахъ, самоѣдахъ, о Московіи и Россіи, о Литвѣ, Польшѣ, Валахіи, Трансильваніи, Венгріи, Швеціи, Даніи, Норвегіи и Германіи со всѣми ея отдѣльными провинціями, объ ихъ почвѣ, климатѣ, торговлѣ, о способѣ управленія, объ именахъ ихъ государей и различныхъ ихъ титулахъ, а также о природныхъ произведеніяхъ и главныхъ городахъ каждой страны. Я спрашивалъ мѣстныхъ жителей, изъ чего большею частью дѣлаются ихъ постройки, какая употребляется монета, какова природа и способности народа, также многое объ ихъ религіи, древностяхъ и памятникахъ, ихъ способѣ вести войну и объ употребляемомъ въ этихъ странахъ оружіи и знаменахъ.

Еслибы въ прежнія времена при той же любознательности я былъ настолько же снабженъ достаточными свѣдѣніями, какъ теперь, относи-

тельно положенія и особенностей упомянутыхъ странъ, то я бы охотно передалъ весь свой матеріалъ благоусмотрѣнію ученаго и достойнаго джентльмена, сэра Роберта Котона, который употребилъ самыя похвальныя старанія при напечатаніи своей книги, такой рѣдкой, какая еще никогда не была составляема ни однимъ исторіографомъ. Я исполнилъ бы это по двумъ причинамъ; первое потому, что сообщаемыя мною свѣдѣнія не выходили бы изъ границъ истины (тоже самое могу сказать и объ остальныхъ, записанныхъ мною наблюденіяхъ, сдѣланныхъ весьма тщательно); другая причина та, что мнѣ недостаетъ искусства, учености, методы и умѣнія представить все въ приличной формѣ. Несмотря на это, если Богу будетъ угодно, то обѣщаю въ скоромъ времени представить мой опытъ публикѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

№ 3.

Жалобы русской компаніи англійскихъ купцовъ на Джерома Горсея.

(Изъ Лэндсдоунской рукописи CXII, fol. 137).

Достопочтенному Лорду Бёрлею, главному государственному казначею Англіи.

Нижайше увѣдомляютъ Васъ, достопочтенный лордъ, покорные просители — компанія англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи, что при дарованіи намъ въ послѣднее время русскимъ царемъ, по просьбѣ Ея Величества, новыхъ торговыхъ привилегій, привезенныхъ въ Англію Джеромомъ Горсеемъ, вмѣстѣ съ грамотами царя и князя Бориса Ѳеодоровича, этотъ Джеромъ Горсей, подъ предлогомъ порученія, даннаго ему русскимъ царемъ (что̀ на самомъ дѣлѣ оказывается простой выдумкой), выхлопоталъ у королевы, чтобы Она послала царицѣ повивальную бабку. Эта повивальная бабка, по проискамъ названнаго Джерома Горсея, цѣлый годъ прожила въ Россіи, теперь отослана назадъ, не будучи никогда допущена до царской резиденціи Москвы; и царица не знаетъ даже, что подобная женщина была послана ей королевой. Упомянутая повивальная бабка подавала жалобу королевѣ, и Ея Величеству угодно было передать это прошеніе главному пріемщику просьбъ, для просмотра съ тѣмъ, чтобы

доложить Ея Величеству. Но случилось, достопочтенный лордъ, что этотъ Джеромъ Горсей, чувствуя неправоту свою въ дѣлѣ, въ которомъ его обвиняютъ, относительно недоразумѣній между компаніею и имъ, выѣхалъ тайно изъ королевства. Онъ, не только главная причина всѣхъ хлопотъ и немилостей, павшихъ на компанію, и ненавистной жалобы, принесенной королевѣ русскимъ царемъ на Ея подданныхъ въ грамотахъ, привезенныхъ въ первый разъ Ея Величеству Джеромомъ Горсеемъ; и кромѣ того онъ задолжалъ намъ большія суммы денегъ, ведя невѣрно дѣла. Теперь онъ отправился въ Россію, гдѣ, безъ сомнѣнія, употребитъ всѣ происки и средства, какіе у него только есть, чтобы разстроить компанію и торговлю. Во избѣжаніе этого и другихъ поводовъ, которые могли быть придуманы по злобѣ имъ самимъ или его товарищами съ цѣлью помѣшать новому союзу, заключенному между Ея Величествомъ и царемъ или разстроить торговлю; — не угодно ли будетъ Вашей милости для пользы компаніи передать королевѣ: не соизволитъ ли Она принять противъ этого мѣры; и чтобы отъ имени Ея Величества были немедленно составлены и посланы благодарственныя письма, свидѣтельствующія о великой милости и расположеніи царя къ Ея подданнымъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми свѣдѣніями о способѣ отъѣзда Джерома Горсея, которымъ онъ оказалъ пренебреженіе къ волѣ Ея Величества. Податели этой просьбы будутъ считать себя обязанными молить Бога о продолженіи жизни Вашей, достопочтенный лордъ (1588).

(Изъ Лэндсдоунской рукописи CXII, fol. 122).

Содержаніе предполагаемаго письма Ея Величества къ русскому царю, касательно компаніи купцовъ, торгующихъ въ Россіи.

(Extract).

Джеромъ Горсей былъ посланъ отъ царя къ Ея королевскому Величеству съ самымъ дружелюбнымъ и милостивымъ письмомъ, подарками въ знакъ памяти и торговыми привилегіями, подъ большою печатью Его Величества; онъ передалъ эти письма и привилегіи въ Ея собственныя руки съ англійскимъ переводомъ. Королева читала ихъ внимательно, разсматривала, и очень рада была видѣть такое истинно братское расположеніе русскаго царя къ Ней и Ея народу.—Ея Величеству угодно было также увѣдомить царя, что Она по поводу пріятныхъ вѣстей, привезенныхъ Джеромомъ Горсеемъ, оказала ему возможную честь и уваженіе; и приказала, чтобы съ нимъ обошлись лучше, чѣмъ требовало его званіе и должность. Послѣ этого, королевѣ принесена была на него жалоба, по которой Она намѣревалась

призвать Горсея къ надлежащему отвѣту, такъ какъ тутъ замѣшаны отчеты по дѣламъ большой стоимости между купцами и имъ. Но, повидимому, онъ считалъ себя въ этомъ дѣлѣ такъ близко затронутымъ, что выѣхалъ изъ королевства, не предупредивъ никого даже частнымъ образомъ, что онъ ѣдетъ и куда именно.

Но такъ какъ думаютъ, что онъ отправился въ Россію, то Ея Величество считаетъ нужнымъ предупредить царя, чтобы прибытіе туда Горсея не повредило купцамъ и чтобы заемъ, о которомъ онъ хлопочетъ, и который до этого времени сдѣланъ, не переходилъ бы на компанію иначе, какъ въ дѣлахъ, которыя будутъ прямо ей въ пользу.

Чтобы онъ не мѣшалъ вновь заключенному союзу и дружбѣ между Нами и не вредилъ компаніи, вставляя свое имя въ привилегіи, не благоугодно ли будетъ Его Величеству послать назадъ Горсея съ первыми отходящими кораблями и этимъ положить конецъ спорамъ его съ купцами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать возможность королевѣ выслушать обѣ стороны и разсмотрѣть дѣло, въ которомъ его обвиняютъ (1588).

(Изъ Лэндсдоунской рукописи CXII, fol. 133).

Сокращенный разсказъ о безпокойствахъ и затрудненіяхъ, причиненныхъ компаніи московскихъ купцовъ въ послѣднее четырехлѣтіе, по преимуществу происками и дѣйствіями Джерома Горсея, состоявшаго у нихъ на службѣ и убѣжавшаго нынѣ въ Россію съ цѣлью, какъ опасаются, надѣлать дальнѣйшія непріятности и хлопоты подданнымъ Ея Величества, въ чемъ онъ и успѣетъ, если не будутъ поспѣшно взяты противъ этого мѣры.

1) *Новыя распоряженія, сдѣланныя компаніею, чтобы помѣшать частной торговлѣ.*

Злоупотребленія и вредъ, нанесенный компаніи англійскихъ купцовъ, ея агентами, факторами и слугами, которые, завѣдуя ея дѣлами въ Россіи въ послѣдніе четыре года, искали своихъ собственныхъ частныхъ выгодъ, въ ущербъ общему благу, — принудили компанію сдѣлать новыя распоряженія, чтобы прекратить эти злоупотребленія.

2) *Робертъ Пикокъ, агентъ и Джонъ Чаппель, его помощникъ посланы въ Россію привести въ исполненіе постановленія компаніи.*

Для должнаго выполненія ихъ компанія послала агентомъ въ Россію Роберта Пикока, свѣдущаго и расторопнаго купца, назначивъ ему помощникомъ Джона Чаппеля, человѣка знакомаго со страною и языкомъ.

3) *Робертъ Пикокъ назначенъ резидентомъ въ Москвѣ, а Джонъ Чаппель въ Казани.*

По прибытіи къ пристани св. Николая въ Россію, они разстались, согласившись между собою, чтобы одинъ жилъ въ Москвѣ, а другой въ Казани, на разстояніи 500 верстъ.

4) *Джерому Горсею, бывшему ученику компаніи, состоявшему у нея впослѣдствіи на жалованьи, порученъ былъ присмотръ за ея кладовыми въ Москвѣ.*

Джеромъ Горсей, тогда служившій въ компаніи, былъ оставленъ въ Москвѣ; и всѣ имущества ея сданы были ему на руки, въ то время, когда прежній агентъ, Уилльямъ Трёмболь отправился къ св. Николаю на встрѣчу Роберту Пикоку и Джону Чаппелю съ тѣмъ, чтобы, по прибытіи кораблей, Горсей сдалъ на руки Роберту Пикоку всѣ товары, оставшіеся не проданными въ Москвѣ, вмѣстѣ съ отчетомъ своихъ дѣйствій по порученнымъ ему дѣламъ.

5) *Джеромъ Горсей пытается обмануть агента фальшивымъ инвентаремъ.*

Джеромъ Горсей приготовилъ инвентарь всѣмъ товарамъ, оставшимся не проданными въ Москвѣ, и включилъ въ число ихъ различные товары (доходившіе стоимостью до 2186 р. 180 д.), которые были уже на дѣлѣ проданы имъ. Онъ полагалъ, что инвентарь будетъ принятъ безъ подробной повѣрки; но Робертъ Пикокъ не допустилъ до этого. Когда не оказалось въ наличности всѣхъ товаровъ, Горсей былъ доволенъ, что его обвинили только въ части недостающаго, а его соучастника, Антонія Марша въ остальномъ.

6) *Горсей даетъ отчетъ въ большихъ суммахъ будто бы должныхъ компаніи разными лицами, а таковыхъ людей не оказывается.*

Поставленный въ необходимость дать отчетъ въ продажѣ товаровъ, отданныхъ на его попеченіе, въ отсутствіе прежняго агента, Горсей подалъ между прочимъ счетъ долгамъ на разныхъ частныхъ лицъ, называя ихъ честными людьми и увѣряя, что они выплатятъ въ назначенные дни, а на дѣлѣ такихъ людей не оказалось: имена ихъ были вымышлены. Вся сумма этихъ воображаемыхъ долговъ доходила до 2186 р. 180 д.

7) *Обманъ Горсея открытъ, и онъ беретъ долгъ на себя.*

Когда срокъ платежа этихъ частныхъ, вписанныхъ имъ суммъ, миновалъ, то агентъ увидѣлъ обманъ; и Джеромъ Горсей долженъ былъ взять на себя долгъ 2186 р. 180 д., въ счетъ котораго внесъ компаніи 500 рублей.

8) *Агентъ заявилъ Горсею, что увѣдомитъ компанію о его поступкахъ.*

Джеромъ Горсей отказывался дать вексель или залогъ на остальную сумму; и тогда агентъ сказалъ ему, что онъ увѣдомитъ объ этомъ компанію въ своихъ слѣдующихъ письмахъ.

9) *Съ цѣлью помѣшать этому Горсей выхлопоталъ, чтобы ни одному изъ служащихъ компаніи не дозволялось ѣхать сухимъ путемъ съ письмами.*

Чтобы помѣшать этой жалобѣ, Джеромъ Горсей выхлопоталъ запрещеніе упомянутому агенту, послать кого бы то ни было изъ слугъ компаніи сухимъ путемъ съ письмами; и это дѣло онъ устроилъ такъ, что Пикокъ, хлопотавшій объ этомъ, каждый разъ получалъ отсрочку; а между тѣмъ проходило время, удобное для путешествія сухимъ путемъ.

10) *Агентъ рѣшается послать письма съ польскимъ купцомъ.*

Упомянутый Робертъ Пикокъ, получивъ увѣдомленіе, что одинъ польскій купецъ отправился изъ Москвы сухимъ путемъ, послалъ Джона Горнби, слугу компаніи, догнать купца и вручить ему два пакета писемъ одинаковаго содержанія, съ просьбою послать одинъ пакетъ въ Англію, на Данцигъ, а другой на Мельвинъ.

11) *Джеромъ Горсей и Антоній Маршъ внушаютъ боярской думѣ, что въ письмахъ агента заключается измѣна противъ государства.*

Намѣреніе агента сдѣлалось извѣстно Горсею и Маршу. Они послали своихъ слугъ, подстеречь Горнби, что̀ имъ и удалось; затѣмъ немедленно отправились въ Думу и извѣстили, что Робертъ Пикокъ, агентъ, послалъ гонца къ непріятелямъ съ письмами, содержавшими измѣну противъ государства.

12) *Письма перехвачены и переведены Джеромомъ Горсеемъ, Маршемъ и другими.*

Гонецъ, посланный вслѣдъ за Джономъ Горнби, привезъ его обратно съ письмами, которыя были переданы Горсею, Маршу и другимъ для перевода. Агентъ и Горнби, обвиненные въ измѣнѣ, были заключены подъ стражу, одинъ въ домъ компаніи, а другой въ тюрьму.

13) *Джона Горнби подвергаютъ пыткѣ.*

Въ письмахъ говорилось только о торговыхъ дѣлахъ, при чемъ бояринъ Борисъ Гордино (Годуновъ) воскликнулъ: «Эти люди все ссорятся между собою. Завтра же я положу конецъ ихъ ссорамъ». Хотя дѣло было ясно, но тѣмъ не менѣе предполагали, что Горнби имѣетъ какое-нибудь измѣнническое порученіе, которое онъ долженъ былъ передать словесно, и чтобы добиться правды его стали пытать: повѣсили за руки, связанныя

сзади, съ гирями на ногахъ, и дали 24 удара проволочнымъ кнутомъ, побуждая его покаяться въ измѣнѣ.

14) *Горнби кладутъ жарить на огонь.*

Ему не въ чемъ было сознаваться, такъ какъ онъ былъ взятъ по ложному доносу, но, несмотря на это, его положили на огонь. Присутствующій при этомъ бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ, видя его невинность, закричалъ палачамъ: «Возьмите его съ огня и отошлите». Горнби снова отвели въ темницу, гдѣ онъ и оставался въ продолженіе восьми недѣль.

15 *Бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ говоритъ Джону Горнби, потерпѣвшему наказаніе, что онъ можетъ благодарить за него своихъ собственныхъ соотечественниковъ.*

Джонъ Горнби, получивъ свободу, явился къ достойному боярину Борису Ѳеодоровичу съ другимъ англичаниномъ, его переводчикомъ, бросился къ ногамъ и благодарилъ за великодушное состраданіе и дарованіе жизни. На что Борисъ Ѳеодоровичъ, погладивъ его по головѣ, сказалъ слѣдующія слова: «Ты можешь благодарить своихъ собственныхъ соотечественниковъ за твое наказаніе .

16) *Джеромъ Горсей добился заключенія Джона Чаппеля.*

Джеромъ Горсей былъ виновникомъ заключенія Джона Чаппеля, помощника агента, котораго содержали въ тюрьмѣ полтора года. Недавно передъ этимъ онъ клялся отомстить Чаппелю; и воспользовавшись удобнымъ случаемъ, составилъ копію письма, найденнаго въ пакетѣ перехваченныхъ писемъ агента. Письмо это было написано однимъ изъ слугъ компаніи своему товарищу въ Казань, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что компанія посылаетъ этого Джона Чаппеля, какъ шпіона надъ ними, т.-е. надсмотрщика надъ ихъ дѣйствіями [1]).

17) *Срокъ заключенія Джона Чаппеля увеличенъ, по причинѣ невѣрнаго перевода письма.*

Это письмо, равно какъ и другія письма, бывшія въ пакетѣ и самое слово шпіонъ переведено было не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ писавшій, а сказано вообще. Изъ этого вывели заключеніе, что Джонъ Чаппель былъ посланъ шпіономъ для наблюденія надъ положеніемъ страны, вслѣдствіе чего его и заключили на такой срокъ; а порученные ему товары, стоимостью въ 4500 рублей, были захвачены въ царскую казну, изъ которыхъ понынѣ только 1000 рублей возвращены.

---

[1]) Это письмо было написано Джономъ Ральфомъ. Оно сохраняется въ Лэндсдоунской рукописи XLII art 23.

18) *Письменныя жалобы царя Ея Величеству поручены Джерому Горсею.*

Послѣ безпокойствъ, причиненныхъ компаніи, царь написалъ грамоту королевѣ, содержавшую различныя жалобы на Роберта Пикока и Джона Чаппеля, одобряя при этомъ поведеніе Уильяма Тремболя и Джерома Горсея. Въ грамотѣ своей царь выражалъ также желаніе, чтобы отвѣтъ былъ посланъ съ Джеромомъ Горсеемъ. Этотъ пунктъ былъ, повидимому, прибавленъ, чтобы защитить Горсея, такъ что бояринъ Борисъ Өеодоровичъ до отъѣзда Горсея съ письмами спросилъ его, какъ онъ рѣшается ѣхать въ свою страну.

19) *Горсей проситъ Ея Величество послать повивальную бабку и держитъ ее цѣлый годъ въ Россіи, не допуская къ царицѣ, такъ что она даже не знала, что подобная женщина была послана.*

Когда Горсей прибылъ въ Англію съ грамотами царя, то сказалъ королевѣ, что имѣетъ порученіе отъ царицы, послать въ Россію англійскую повивальную бабку. Несмотря на то, что повивальная бабка была послана, Джеромъ Горсей распорядился такъ, что царица не знала о ея пріѣздѣ, и продержавъ ее почти годъ въ Вологдѣ, вдали отъ Москвы, онъ возвратилъ ее обратно, безъ вѣдома царицы. Что его побуждало къ этому и чьимъ приказомъ онъ руководствовался, прося королеву о повивальной бабкѣ, можно только предположить изъ того, какъ онъ внезапно уѣхалъ, когда была подана этой повивальной бабкой жалоба королевѣ.

20) *Бояринъ Борисъ Өеодоровичъ считаетъ просьбу Горсея о повивальной бабкѣ безчестіемъ для своей сестры.*

Бояринъ Борисъ Өеодоровичъ, со времени послѣдняго отъѣзда Горсея изъ Москвы, провѣдавъ о способѣ доставленія повивальной бабки, счелъ этотъ поступокъ глубокимъ безчестьемъ для своей сестры, царицы, тѣмъ болѣе, что не принято давать подобнаго рода порученія черезъ посланника, и выразился по этому случаю слѣдующимъ образомъ: «Онъ разыгралъ шута и раба, обманулъ королеву; и она узнаетъ объ этомъ. Если онъ не виноватъ, тѣмъ лучше для него; въ противномъ случаѣ, хотя онъ подданный королевы, пускай поплатится головой за это».

21) *Ея Величеству угодно послать обратно Горсея съ письмами къ царю и пожаловать ему названіе своего слуги.*

Ея Величеству угодно было, согласно просьбѣ царя, возвратить Джерома Горсея посланникомъ Ея Величества въ Россію, съ отвѣтными письмами, въ которыхъ она принимаетъ на себя самое милостивое посредничество, и желая смягчить неудовольствіе царя противъ ея подданныхъ, проситъ Его даровать имъ тѣ же самыя торговыя привилегіи, которыя

покойный отецъ Его, по Ея просьбѣ, далъ англійскимъ купцамъ. Для того, чтобы Горсей могъ успѣшнѣе дѣйствовать въ пользу компаніи и исходатайствовать то, что заключалось въ письмахъ королевы, Ея Величество соизволила ему дать названіе своего слуги.

22) *Какъ Горсей злоупотребилъ оказанной ему милостью Ея Величества и обманомъ захватилъ еще большую власть.*

Горсей безразсудно и нагло злоупотребилъ оказанной ему милостью. Извративъ смыслъ патентныхъ королевскихъ писемъ, будто бы дававшихъ ему дальнѣйшую власть, взялъ на себя смѣлость отставить агента Роберта Пикока, отправилъ его домой сухимъ путемъ и назначилъ другого на его мѣсто. При этомъ онъ подписывался резидентомъ, присвоивъ себѣ это званіе и объявилъ боярской Думѣ, будто онъ присяжный королевы, тѣлохранитель Ея особы и посланъ ею и Совѣтомъ управлять компаніей.

23) *О томъ, какъ Горсей распоряжался агентами и съ какимъ насиліемъ дѣйствовалъ относительно ихъ.*

Согласно воображаемому уполномочію, Горсей началъ дѣлать пристройки въ домѣ компаніи, въ которыхъ не было никакой надобности. Онъ присвоилъ себѣ власть надъ агентами и подданными Ея Величества, и не только дѣлалъ имъ выговоръ по своему усмотрѣнію, но употребилъ насиліе надъ Робертомъ Пикокомъ и Уильямомъ Тремболемъ, новымъ агентомъ.

24) *Насколько Горсей увлекался честолюбіемъ.*

Увлеченный гордостью и честолюбіемъ, онъ написалъ письмо компаніи, указывая въ какомъ положеніи онъ нашелъ ея дѣла въ свой послѣдній пріѣздъ въ Россію и употребилъ слѣдующее выраженіе: «Корни деревъ были выворочены, сердца людей ожесточены другъ противъ друга, торговля въ такомъ упадкѣ, что нужно было много труда возстановить ее». (Тогда какъ, наоборотъ, наши агенты писали намъ, что всѣ дѣла были въ полномъ порядкѣ). Далѣе онъ писалъ, что ему много стоило хлопоть, чтобы добиться освобожденія Джона Чаппеля, не приписывалъ тутъ ничего Ея Величеству, хотя это былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ въ письмѣ Ея Величества. Вдобавокъ, онъ требовалъ отъ компаніи отвѣта, какое мѣсто назначитъ она ему у себя: резидента, депутата или агента? И какъ велико будетъ его жалованье?

25) *Какъ Горсей хотѣлъ обмануть агента на 2500 руб.*

Онъ занялъ именемъ компаніи у царской казны 4000 руб. и приказалъ дьякамъ изготовить вексель на эту сумму, говоря, что отъ имени компаніи придетъ агентъ и подпишетъ его. (Это заемное письмо было написано русскимъ языкомъ и буквами, которыя агентъ плохо зналъ). Затѣмъ онъ объявилъ агенту Роберту Пикоку, что досталъ изъ царской

казны 1500 рублей для компаніи и что если означенный агентъ отправится туда и подпишетъ заемное письмо, то деньги будутъ принесены къ нему на домъ. На это агентъ согласился; но одинъ изъ его друзей увѣдомилъ его частнымъ образомъ о продѣлкѣ и обманѣ, и Пикокъ отказался подписать заемное письмо.

26) Задумавъ свою продѣлку, Горсей, кажется, намѣревался обмануть агента на 2500 рублей, потому что, заставляя подписывать заемное письмо въ 4000 руб., увѣрилъ Пикока, что онъ приложитъ свою печать только на сумму 1500 рублей.

27) Упомянутый агентъ Робертъ Пикокъ, узнавъ впослѣдствіи, что Горсей получилъ изъ казны 4000 рублей на кредитъ компаніи, долженъ былъ вытребовать ихъ отъ него съ большими хлопотами, не иначе, какъ подъ угрозой явиться въ казначейство и объявить, что ничего не получалъ. Тогда Джеромъ Горсей испугался этого и отдалъ деньги.

28) *Какъ устроилъ Горсей, что кладовыя компаніи были опечатаны, за долгъ царю, на сумму 4000 рублей.*

Горсей отомстилъ компаніи. Отправляясь изъ Москвы въ Англію, написалъ онъ письмо Борису Ѳеодоровичу о томъ, чтобы захватить имущество компаніи въ обезпеченіе долга царю. Вслѣдствіе этого, кладовыя были опечатаны, къ упадку кредита компаніи; и длилось это до тѣхъ поръ, пока докторъ Якобъ не исходатайствовалъ освобожденія нашихъ имуществъ.

29) *Горсей присвоиваетъ себѣ бо́льшую часть хвалы за добро, оказанное компаніи доставленіемъ новыхъ милостивыхъ привилегій.*

Возвратившись въ Англію съ письмами отъ царя и Бориса Ѳеодоровича, Горсей привезъ съ собою привилегіи подъ царскою печатью, присвоивъ себѣ бо́льшую часть похвалы за доставленныя ими выгоды и забывая милость Ея Величества въ этомъ дѣлѣ. Онъ даже не удержался приписать себѣ эту важную для общественнаго благосостоянія услугу, какую (по его словамъ) не могъ оказать ни одинъ посланникъ, бывшій когда-либо въ этихъ странахъ. Но (не уменьшая высокой милости царя въ этомъ дѣлѣ) привилегіи эти вовсе не содержатъ такихъ большихъ преимуществъ, какъ привилегіи, дарованныя покойнымъ царемъ, въ то время, когда мистеръ Рандоль (Рандольфъ) былъ посланникомъ Россіи; и тѣмъ болѣе нельзя приписать особенныхъ заслугъ въ этомъ дѣлѣ Джерому Горсею, бывшему просителемъ и ходатаемъ при Борисѣ Ѳеодоровичѣ, который самъ сказалъ, что дѣлаетъ это только изъ расположенія къ королевѣ и сдѣлалъ бы то же самое для всякаго другого посланнаго Ея Величества.

Поведеніе Джерома Горсея въ Россіи до посольства его съ письмами.

30) *Горсей оскорбилъ главнаго думнаго дьяка.*

Около семи лѣтъ тому назадъ Джеромъ Горсей ѣхалъ однажды по московскимъ улицамъ съ Щелкаловымъ, главнымъ думнымъ дьякомъ и докладчикомъ, и, разговаривая съ нимъ о множествѣ русскихъ поговорокъ, сказалъ ему одно бранное русское выраженіе, которое крайне оскорбительно для его матери; и съ тѣхъ поръ месть Щелкалова легла тяжелымъ гнетомъ на компанію.

31) *Горсей причина заключенія Томаса Уиннингтона къ большему разоренію послѣдняго.*

Горсей выхлопоталъ, чтобы бросили въ тюрьму Томаса Уиннингтона, вновь прибывшаго въ Москву, и наложили на него оковы, потому что этотъ Уиннингтонъ раскрылъ компаніи злоупотребленія ея слугъ въ Россіи. Съ цѣлью убѣдиться, что Уиннингтонъ не пользуется никакимъ послабленіемъ въ тюрьмѣ, Горсей ежедневно посылалъ къ нему своего слугу посмотрѣть не сняты ли съ него оковы. Это заключеніе стоило Уиннингтону, по крайней мѣрѣ, 100 фунт. стерл.

32) *Горсей виновникъ заключенія Ричарда Силька, его жены и дѣтей и понесенной ими потери въ 1000 руб.*

Онъ устроилъ заключеніе въ тюрьму одного англичанина Ричарда Силька, его жены и дѣтей, причемъ Силькъ долженъ былъ заплатить царю 1000 руб., что̀ сдѣлано было Горсеемъ въ отмщеніе за то, что Силькъ совѣтывалъ агенту Роберту Пикоку искать поддержки въ комъ-нибудь изъ боярской думы и держать себя осторожнѣе относительно лукавствъ и продѣлокъ Джерома Горсея.

33) *Его боятся всѣ англичане въ Россіи, какъ общаго доносчика.*

Онъ виною заключенія многихъ другихъ въ тюрьму, такъ что люди нашей націи считаютъ его общимъ доносчикомъ, и никто не хочетъ жить при немъ добровольно, потому что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень опасенъ и злобенъ въ мести, если имѣетъ на кого-нибудь неудовольствіе.

Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ допускать Горсея вернуться въ Россію; необходимо, чтобы Ея Величество избрала надежнаго джентльмена и послала бы его туда возстановить добрыя отношенія и торговлю.

34) *Боярская дума предостерегаетъ компанію, чтобы она задержала Горсея въ Англіи.*

Онъ кромѣ того бунтовщикъ и поселяетъ раздоры въ боярской думѣ, вслѣдствіе чего компаніи сказано однимъ изъ членовъ, чтобы Горсея держали вдали отъ Россіи, такъ какъ онъ вреденъ и русской землѣ.

Царь въ своихъ грамотахъ требуетъ отвѣта черезъ другого посла.

Въ царскихъ грамотахъ также сказано, чтобы былъ посланъ какой-нибудь другой джентльменъ изъ дома Ея Величества, для возстановленія союза и прекращенія несогласій съ купцами, обезпокоившими королеву и царя.

Нижайшая просьба компаніи къ достопочтеннымъ лордамъ Совѣта Ея Величества.

Компаніи былъ данъ совѣтъ не допускать возвращенія Горсея въ Россію, такъ какъ извѣстно, что онъ опасный зачинщикъ раздоровъ и ссоръ, дотого расточителенъ, что торговля компаніи не можетъ выносить такихъ затратъ отъ человѣка, распоряжающагося ея дѣлами, и, кромѣ того, онъ задолжалъ большія суммы денегъ, попавшія въ его руки черезъ несправедливыя, вѣроломныя и плутовскія продѣлки. Вслѣдствіе чего мы, купцы вышеупомянутой компаніи, намѣреваемся представить Вашей мудрости на зрѣлое обсужденіе посланныя намъ изъ Россіи предостереженія и увѣщанія относительно человѣка, котораго необходимо задержать, сообразно собственнымъ нашимъ о немъ свѣдѣніямъ.

Въ то самое время, какъ мы письменно излагали свою просьбу, королевѣ была подана жалоба повивальной бабки, посланной и рекомендованной Ея Величествомъ русской царицѣ. По этой жалобѣ Горсея позвали къ отвѣту; но онъ бѣжалъ, какъ предполагаютъ, въ Россію, гдѣ, безъ сомнѣнія, пуститъ въ ходъ какія только можно средства, чтобы повредить компаніи и торговлѣ. Во избѣжаніе чего, не угодно ли будетъ Вамъ, достопочтенные и милостивые лорды, изложить королевѣ отъ имени компаніи и согласно письменному требованію царя, не соизволитъ ли Ея величество послать къ царю какого-нибудь разумнаго, выбраннаго компаніей джентльмена, съ Ея милостивымъ письмомъ или другимъ уполномочіемъ, какое сочтутъ нужнымъ, для дальнѣйшихъ переговоровъ съ царемъ и Думою, касательно нарушеннаго союза и дружбы, дарованныхъ привилегіей, и того, о чемъ еще нужно будетъ хлопотать или вести переговоры. При этомъ, не будетъ ли милость королевы извѣстить письменно царя о способѣ отъѣзда Джерома Горсея, съ просьбою воротить его обратно, во избѣжаніе дальнѣйшихъ поводовъ къ возмущенію и несогласіямъ между подданными Ея Величества, живущими въ Россіи. Наша компанія, съ Божіей милостію, будетъ впредь осмотрительнѣе въ выборѣ людей, посылаемыхъ въ Россію.

(Изъ Лэндсдоунской рукописи CXII, fol. 139).

Достопочтенному Лорду Бёрлею, главному казначею Англіи.

Компанія англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи, обращается къ Вашей милости съ нижайшей просьбой, какъ, во исполненіе своихъ обязанностей къ Ея Величеству, такъ и въ видахъ торговли, которая находится теперь въ отчаянномъ положеніи и близка къ совершенному упадку, если Ваша милость не поддержите ее Вашимъ мудрымъ совѣтомъ; и она не будетъ избавлена отъ разоренія какимъ-нибудь способомъ. Нижайше увѣдомляемъ Васъ, что до насъ дошло извѣстіе, будто бы Ея Величество намѣрена послать Горсея или къ русскому царю, или въ западныя государства. Если онъ явится къ русскому царю, и его порученіе будетъ сколько-нибудь касаться компаніи, то она нижайше проситъ Вашу милость соизволить прочесть вышеприведенные противъ него пункты, такъ какъ они внушены не злобою, но могутъ быть доказаны передъ Вашей милостью. Изъ нихъ высокая мудрость Вашей милости можетъ увидѣть, достойно ли будетъ чести Ея Величества пользоваться какимъ бы то ни было образомъ услугами человѣка такого поведенія, а также можетъ ли компанія надѣяться на удовлетвореніе своихъ обидъ въ Россіи, черезъ его посольство къ царю, когда Его Величество въ послѣднихъ Своихъ письмахъ къ королевѣ указываетъ на Горсея, какъ на человѣка, поселяющаго раздоры между Его боярами, и выражаетъ желаніе, чтобы ни онъ, ни ему подобные не были посылаемы Ея Величествомъ по дѣламъ англійскихъ купцовъ. Если же думаютъ послать Горсея въ какія-либо другія страны, то въ исполненіе нашего долга, относительно Ея Величества, Вашей милости и достопочтенныхъ лордовъ Ея королевскаго Совѣта, мы считаемъ себя обязанными не скрывать пороки человѣка, избраннаго королевой для путешествія по Ея порученію.

(Изъ Лэндсдоунской рукописи LXII, fol. 22).

Обвинительные пункты, приведенные компаніей купцовъ, торгующихъ въ Россіи, противъ Джерома Горсея.

Оставивъ въ сторонѣ многіе его обманы и вѣроломные поступки, во время пребыванія на службѣ компаніи, къ ея крайнему вреду, мы коснемся послѣдняго, который купцы считаютъ причиною всѣхъ недавнихъ хлопотъ и разстройства ихъ торговли. Между тѣмъ, не желая скрывать творимыхъ имъ злоупотребленій, мы докажемъ, что онъ впутался въ дѣла, приносящія безчестіе государству и вредъ компаніи.

Этотъ Джеромъ Горсей подалъ агенту компаніи ложный отчетъ за 1584 годъ, въ которомъ выдумалъ и привелъ имена должниковъ на боль-

нія суммы за товары, будто бы проданные имъ, тогда какъ подобныхъ людей не было въ дѣйствительности, а имена ихъ были выдуманы Горсеемъ и Маршемъ. Послѣдняго мы считаемъ также виноватымъ, какъ и самого Горсея, хотя не думаемъ, чтобы Маршъ былъ способенъ провести такого рода предпріятіе, какъ, напримѣръ, выхлопотать запрещеніе, чтобы ни одинъ англичанинъ не былъ пропускаемъ на родину съ какими-либо письмами: а это было сдѣлано съ цѣлью помѣшать агенту увѣдомлять компанію о томъ, какъ Горсей поступаетъ съ ними въ счетахъ.

Поэтому не было никакой возможности отправить письма; и такъ какъ было запрещено послать какого бы то ни было англичанина сухимъ путемъ, то агентъ воспользовался проѣздомъ польскаго купца, отправившагося сухимъ путемъ изъ Москвы въ Польшу, и приказалъ Горнби и одному изъ слугъ компаніи догнать купца на дорогѣ и отдать ему пакетъ съ письмами въ Англію.

Между тѣмъ Джеромъ Горсей и Маршъ узнали объ этомъ и, наведя справки, какой дорогой отправился Горнби съ письмами, отправились къ Борису Θеодоровичу и Щелкалову съ извѣстіемъ, что Робертъ Пикокъ, агентъ, выслалъ изъ Россіи англичанина съ письмами, вредными для государства.

Горнби былъ взятъ и привезенъ обратно въ Россію, а письма, въ которыхъ не было ничего, кромѣ торговыхъ извѣстій, были отобраны у него и пересмотрѣны. У Горнби вывихнули руки, дали 24 удара проволочнымъ бичемъ, а затѣмъ его положили на огонь, стали жарить. Твердость Горнби въ оправдываніи себя и увѣренія, что онъ не виновенъ въ измѣнѣ, побудили Бориса Θеодоровича приказать взять его съ огня и даровать ему жизнь. Если бы Горнби по малодушію и доведенный до крайности подъ пыткой наговорилъ бы на себя, то агентъ былъ бы казненъ, а все имущество компаніи конфисковано. Пытали также и русскаго купца, извѣстившаго Роберта Пикока о томъ, что ему представляется случай послать письма черезъ Польшу, а также другого русскаго человѣка, провожавшаго Горнби.

Джонъ Чапель, помощникъ агента, благодаря Горсею, находился около года въ тюрьмѣ, былъ почти приговоренъ къ смерти и, кромѣ того, принужденъ заплатить въ царскую казну 4700 ф. стерл., которыя никогда не были возвращены компаніи, за исключеніемъ одной тысячи.

Горсей послалъ къ Св. Николаю за англичаниномъ Томасомъ Уиннингтономъ, который и былъ привезенъ въ Москву, какъ преступникъ въ цѣпяхъ, запертъ въ тюрьму и заплатилъ 100 ф. стерл., доставшихся Горсею: это наказаніе понесъ онъ за то, что открылъ компаніи наносимый ей вредъ ея служителями.

Горсей исходатайствовалъ заключеніе одного англичанина Ричарда Силька съ женою и дѣтьми; ихъ пытали въ тюрьмѣ и наложили на нихъ пеню въ 1000 ф. стерл., которыя и были выплачены царю.

Кромѣ того, Горсей заключилъ въ тюрьму Финча, англичанина, сильно настращавъ его казнью; и хотя освободилъ его послѣ долгихъ моленій, но при этомъ прихвастнулъ слѣдующимъ образомъ: «Кто привелъ Уиннингтона, Силька и васъ, Финчъ, къ заключенію, какъ не Джеромъ Горсей? Какой иностранецъ въ Россіи можетъ дѣлать то, что дѣлаетъ Горсей? Чья личность, жена и дѣти не въ распоряженіи Горсея?

Но такъ какъ Горнби и Чаппель подверглись пыткѣ и заключенію безъ всякой вины, то царь и Дума, опасаясь, что это будетъ дурно принято въ Англіи, и видя, что дѣйствія ихъ не соглашаются съ союзомъ и дружбой между ними и Ея Величествомъ, не могли найти никого лучше Джерома Горсея въ цѣлой Россіи изъ собственныхъ подданныхъ царя для посольства къ королевѣ съ жалобами на мнимыя измѣны, и кто бы словесно поддержалъ содержаніе писемъ и принесъ обратно свѣдѣніе о томъ, какъ приняли въ Англіи это дѣло.

Горсей охотно принялъ на себя это порученіе (хотя Борисъ Ѳеодоровичъ спрашивалъ его, какъ онъ осмѣлится ѣхать въ Англію), и, для большей безопасности, придумалъ заодно съ правителемъ послать къ Роберту Пикоку приказаніе ничего не писать въ Англію ни о Горсеѣ, ни объ Антоніи Маршѣ.

Въ привезенныхъ въ Англію грамотахъ заключались слѣдующіе пункты, а именно: жалоба на Джерома Боуса, послѣдняго посла Ея Величества, и его поведеніе въ Россіи, на Роберта Пикока и Джона Чаппеля, которыхъ обвиняли въ причиненіи разстройства русскому государству. Кромѣ того выражено было неудовольствіе царя на пріемъ, сдѣланный въ Англіи русскому переводчику, Рейнольду Бекману, такъ какъ лордъ казначей и м-ръ секретарь не лучше обошлись съ нимъ, чтò, повидимому, показываетъ желаніе положить конецъ торговлѣ и дружбѣ съ Ея Величествомъ. Затѣмъ была приложена просьба воротить Джерома Горсея съ отвѣтомъ Ея Величества для того, чтобы онъ могъ увѣдомить царя о положеніи дѣлъ. Изъ этого можно заключить, что выборъ палъ на Джерома Горсея съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ привести словесное извѣстіе царю о томъ, съ какимъ видомъ были приняты упомянутыя оскорбленія и обиды Ея Величествомъ, Совѣтомъ и компаніею, чего не былъ въ состояніи сдѣлать ни одинъ русскій.

Эти грамоты, требующія отвѣта черезъ Горсея, помѣшали компаніи (хотя она и знала, что онъ причина всѣхъ безпокойствъ) просить у Ея

Величества о задержаніи его въ Англіи. Горсей, видя, что компаніи извѣстно, какой вредъ онъ сдѣлалъ ей, и желая остановить дѣйствія и жалобы противъ него, задумалъ покончить все это посредствомъ писемъ королевы въ свою пользу, чего и добился, такъ что въ этихъ письмахъ Ея Величество соизволила назвать его своимъ слугой.

Не довольствуясь даннымъ порученіемъ доставить письма Ея Величества царю и желая выставить себя человѣкомъ, пользующимся большимъ довѣріемъ и милостью въ Россіи, Горсей вздумалъ сказать королевѣ, что имѣетъ приказъ отъ царицы просить Ея Величество послать ей повивальную бабку, при чемъ объявилъ, что уже пять мѣсяцевъ какъ царица беременна. Вслѣдствіе его просьбы, королева поручила компаніи послать въ Россію бабку, что и было исполнено.

Но Джеромъ Горсей, опомнившись по своемъ прибытіи въ Россію и не осмѣливаясь сознаться въ самовольной доставкѣ повивальной бабки, оставилъ ее за четыреста верстъ отъ Москвы, гдѣ она жила цѣлый годъ и потомъ была возвращена въ Англію. Это принесло порядочный убытокъ компаніи, такъ какъ одна ея дорога туда и обратно стоила 100 фунтовъ стерлинговъ.

Горсей, по возвращеніи въ Россію съ письмами королевы, такъ высокомѣрно держалъ себя, величая себя Ея слугою, что вздумалъ назначать и смѣнять агентовъ по своему усмотрѣнію и подписывался: Джеромъ Горсей, резидентъ. Онъ заявлялъ, что будетъ завѣдывать всѣми дѣлами компаніи (какъ онъ слышалъ) и что ни агентъ, ни компанія не отнимутъ отъ него того, что королева даровала своими патентными письмами, и что даже не предполагаетъ со стороны компаніи безумія посягать на власть, врученную ему королевой и Совѣтомъ.

Горсей употреблялъ насиліе надъ агентомъ и другими людьми компаніи, и тѣ предпочитали лучше покориться ему, чѣмъ быть подвергнутыми пыткѣ по обвиненію; и изъ боязни навлечь на себя его неудовольствіе нѣкоторые изъ нихъ принуждены были, по его требованію, засвидѣтельствовать своею подписью то, что затѣмъ немедленно опровергли въ своихъ письмахъ, такъ какъ всѣ члены компаніи желали выжить его изъ Россіи и избавиться отъ его сообщества.

Онъ умалилъ званіе купца, посланнаго въ Россію, съ письмами Ея Величества, и сказалъ, что онъ не болѣе какъ толмачъ, т.-е. переводчикъ, что считается у русскихъ презрительнымъ занятіемъ. Изъ этого можно видѣть, насколько ревниво относится онъ ко всѣмъ, кто имѣетъ какое либо порученіе отъ Ея Величества, изъ боязни, что это можетъ повредить его репутаціи.

Горсей виновенъ въ томъ, что кладовыя компаніи были опечатаны за долгъ царю въ 4000 ф. стерл., которыя онъ занялъ подъ предлогомъ, что

долженъ отправиться въ Англію смѣнить агента, навлекшаго на себя его неудовольствіе, и этимъ принесъ большой вредъ кредиту компаніи.

Затѣмъ, на основаніи писемъ Ея Величества, полученныхъ и привезенныхъ имъ два года тому назадъ, компаніи пожалована была привилегія, освобождавшая ее отъ всякихъ пошлинъ. Привилегія эта, по словамъ послѣдняго посла Ея Величества, вновь дарована; между тѣмъ Андрей Щелкаловъ постоянно утверждаетъ, что такія привилегіи никогда не были даны царемъ или обманомъ взяты изъ-подъ печати. Во всякомъ случаѣ, если привилегіи были дарованы, то теперь отняты; и пошлина, которую сберегала компанія, если и было какое-либо сбереженіе, то не болѣе 1060 рублей, которые требуютъ отъ нашего агента, такъ что пошлина была только отсрочена, а не отмѣнена. Такимъ образомъ, услуга, будто бы оказанная Горсеемъ и составлявшая, по его словамъ, великую прибыль компаніи, не перевѣшиваетъ вреда и потерей, которые онъ принесъ ея общему благосостоянію. Хотя Горсей предлагаетъ вновь отправиться въ Россію и добиться уплаты за все имущество, неправильно отнятое у компаніи по его винѣ (стоимость котораго доходитъ до десяти тысячъ рублей), но компанія предпочитаетъ исправить нанесенный имъ вредъ какимъ-нибудь инымъ способомъ. Она надѣется достигнуть этого при милостивомъ содѣйствіи Ея Величества и по Вашему совѣту; и считаетъ это болѣе цѣлесообразнымъ, нежели вступать съ нимъ въ переговоры или дозволить ему распоряжаться и править ея дѣлами. Компаніи извѣстно, что нѣтъ конца его проискамъ или мѣры его расточительности; и ихъ товары не будутъ свободны отъ захвата, пока онъ будетъ принимать какое-либо участіе въ ихъ торговлѣ.

Кромѣ того, царь въ послѣднихъ Своихъ грамотахъ къ Ея королевскому Величеству въ точныхъ выраженіяхъ запретилъ Горсею когда-либо возвращаться въ Его государство и вмѣшиваться въ дѣла купцовъ; а боярская Дума послала предостереженіе нашему агенту, что если Горсей или Маршъ снова вернутся въ Россію, то они будутъ повѣшены. Поэтому, мы того мнѣнія, что если снова Горсей будетъ посланъ для сношеній съ Россіей, то это можетъ быть принято за великую обиду, въ виду точно выраженнаго предостереженія (1589).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

А

Б

В

Г

Д

И

К

Л

М

Н

О

